

Лучьян Смолоз. Том II. За пределы Солнечной системы

Никита Меньков

2024-05-06

Contents

КНИГА ДЕВЯТАЯ. АНТИАЛГОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Алгольцы» — одно это слово вызывало панический ужас у народов всего рукава Ориона. Жестокие завоеватели покорили несколько десятков звёздных систем. Одни системы вынуждены были сдаться после непродолжительных войн, другие — сразу же, понимая, что сопротивляться бесполезно. Никогда мощная алгольская армия не встречала на своём пути серьёзного отпора — она легко подчиняла себе и осваивала планеты.

В захвате каждой системы участвовали сотни миллиардов хорошо вооружённых воинов на мощных кораблях. Алгольцы брали с собой животных-великанов — гигантских динозавров, колоссальных размеров собак и муравьедов, которые после высадки на завоёванную планету вытапывали, уничтожали всё. Кроме того, захватчики привозили туда огромных роботов, легко разрушавших даже самые высокие небоскрёбы. Иногда к армии присоединялись космические пираты, надеявшиеся получить свою долю добычи, но «хозяева» не только не делились с ними — они убивали незваных помощников.

Теперь страшные завоеватели оккупировали систему Альфа Центавра и собирались напасть на соседнюю — Солнечную, считая, что захватят её так же легко, как и предыдущие...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОЛЁТ В СИСТЕМУ АЛЬФА ЦЕНТАВРА

В ту командировку в систему Альфа Центавра на гигантском

звездолёте отправлялись миллионы юпитериан из десятков городов Южного региона. Их разные цели сводились к одной конечной — к попытке защитить Солнечную систему от вторжения полчищ варваров.

Среди них были Лучьян, Лесмян, Камиаста, его заместитель Марио, внук Стефана Конн, Эл Книльхт, Зил Рахман и король одной из стран региона Деналон. На космодроме их посадили в ракету и на ней примчали пассажиров на космическую станцию; с неё они перешли на звездолёт немислимых размеров — просто летающий мегаполис.

Юпитериане в какой-то степени освоили телепортацию, но не овладели ею в совершенстве и не умели перемещаться мгновенно в любую точку. Однако они уже могли преодолевать невероятно большие расстояния между звёздными системами гораздо быстрее света. У их кораблей теперь имелось два диапазона скорости: внутрисистемный и межзвёздный. Летать на гигантской межзвёздной скорости, при которой начиналась телепортация, внутри системы строго запрещалось: можно было разбиться о планету или сгореть в звезде.

Отдохнув в своих комнатах, Лучьян и его спутники вышли на прогулку. Звездолёт уже покинул Солнечную систему. Здесь всё было устроено как в обычном городе: дома в несколько этажей, улицы, переулки, даже метро. Сотни тысяч работников корабля трудились длинными вахтами, обслуживая пассажиров. Камиаста сказал, что тут имеется и специальный корпус для великанов, отгороженный от других.

Юпитериане проводили время в торговых центрах, магазинах, ресторанах, кино, театрах и так далее. Камиаста и Марио пропадали в игровых заведениях. Лучьян и Лесмян встретились со знакомым банкиром Гиацинтом, который познакомил их со многими интересными людьми. Эл и Зил посетили зоопарк, где увидели животных со всех планет Солнечной системы.

Через несколько наших суток после отбытия судно пролетело мимо красной карликовой звезды, приблизилось к голубому газовому гиганту, из-за которого выглядывало яркое жёлтое светило, и село на бело-синий спутник, очень напоминавший планету Земля.

Гостям Альфы Центавры вшили в одежду микрочипы с экранчиками, чтобы они знали, кто где находится, и не теряли друг друга, и надели на руки магнитные браслеты, которые здесь использовались как наши банковские карты.

ГЛАВА ВТОРАЯ. МАРИОРА

Прибывших одели в специальные костюмы с дыхательными аппаратами — здесь была опасная для них атмосфера. В одной из ракет, отделившихся от звездолёта, Лучьян и его товарищи начали опускаться на спутник Мариору. Они долго летели над горами, окутанными туманом, затем сели на военном полигоне.

В сопровождении гидов путники вышли на площадку и двинулись к вертолёту, разглядывая солдат-великанов и огромных вооружённых роботов Альфы Центавры. Танки и вертолёты здесь были колоссальных размеров и так сильно гудели, что у наших героев чуть не лопнули перепонки.

Из полигона их отправили на вертолёте в какой-то город. Они летели над рекой, обгоняя страшных хищных птиц с острыми зубами. Внизу пробегали деревья высотой в полкилометра.

Через некоторое время пришлось сесть в джунглях — закончилось горючее. Гости пешком добирались до ближайшего селения. По лианам карабкались какие-то зелёные существа. Мужчины настороженно смотрели на них. Но проводники сказали, что они не опасны.

Селение было маленьким — всего несколько хижин. Здесь обитали люди с синей кожей, ростом вдвое больше обычного человека. Когда настала ночь, Лучьян и его товарищи залюбовались нависшим над ними газовым гигантом Деатумом. Аборигенки пели молитвы какому-то здешнему божееству. Несколько раз вдали слышалось громкое рычание хищников, но к селению они не подходили.

Возле дуба-гиганта при свете факелов пошло собрание местных жителей. Камиаста объяснил спутникам, что вождь и жрица здешнего божеества изъясняют его волю: всем необходимо укрыться, потому что скоро нападут враги. Алгольцы уже прилетали сюда и вот-вот опять появятся здесь.

Аборигены хорошо лазили по деревьям и скалам. Они были прирождёнными охотниками и издали попадали стрелами в животных размером с зайца. И давно приручили огромных птиц для дальних полётов.

Едва путники расположились на отдых, как в селении послышались крики ужаса. В небе пронеслись армады кораблей, бомбивших джунгли. Бомбы сыпались как песок, всё дрожало, пламя охватило леса. Укрывшись под корнями дуба, местные жители и их гости с ужасом наблюдали за происходившим. Деревья падали одно за другим. Аборигены кричали и плакали от ужаса.

Взрывом, прогремевшим рядом, убило нескольких человек. Джунгли разгорались всё сильнее...

Вскоре появились беженцы и рассказали о приближении космических пиратов, подчинённых алгольцев, на бронемашинах. Всех стали эвакуировать — сажали на птиц, и те уносились в небо. Лучьяна и его товарищей посадили на гигантского орлана, и всё время полёта они были под огнём. Бомбардировщики алгольцев стреляли по птицам, уничтожили большинство их, и много людей погибло. Лес яростным огнём горел внизу, снаряды свистели рядом, а Лучьян, Лесмян, Камиаста и другие, вцепившись в птицу-спасителя, едва не теряли сознание от страха...

Вернувшись на полигон, наши путники встретили солдат, отправлявшихся на фронт — те колоннами заходили в военные корабли. Командиры армии сообщили Камиасте о бесчинствах алгольцев, которые сжигали леса и посылали роботов уничтожать селения. Здешние жители смело боролись с ними, но не могли одолеть врага, обладавшего чудовищными силами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. НЕЙТРИОЛ

Узнав, что самого Гасана Великого нет в системе, а его заместитель Феликс Ярцу находится на планете Нейтриол, Камиаста решил отправиться туда, нанял маленький корабль, и товарищи полетели с ним.

Нейтриол оказался мрачной планетой из железа и земли. Небо здесь было окутано чёрным дымом; в городе Кардланте, куда доставили путников, царил зловещий полумрак. Всюду пахло мазутом, он тёк в реках вместо воды. Тут обитали люди с чёрной кожей, высотой в два — три метра, на заводах изготавливали оружие роботы и трансформеры.

Прибыв в гостиницу, Камиаста позвонил в приёмную Ярцу и договорился о встрече.

Тяжело было на сердце у наших героев. Приставленный к ним робот-слуга рассказывал об участи Нейтриола. Алгольцы и космические пираты разрушили десятки городов планеты. Миллионы её жителей погибли в боях и в плену, сотни тысяч эвакуировались в Солнечную систему, десятки тысяч спрятались в подземных тоннелях. Оккупанты забрали отсюда миллиарды тонн металлов.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПРИЁМ У ФЕЛИКСА ЯРЦУ

Крупные города Нейтриола часто подвергались бомбардировкам — алгольские корабли прилетали туда, сбрасывали по несколько тысяч бомб и возвращались на Деатум, где находились их базы. Они не появлялись лишь во время посещения планеты Феликсом Ярцу.

Тот был чернокожим, с бычьей головой, ростом около десяти метров, носил парадный костюм со множеством наград.

Ярцу устроил Камиасте встречу в своей резиденции в центре Кардланта. Гость явился с опозданием — он долго ходил по району и никак не мог найти нужное здание. И с печалью вспоминал былые времена, когда у него имелся и личный транспорт любого вида, и усиленная охрана...

На входе стражники долго допрашивали посетителя, устроили обыск; затем связались по телефону с Ярцу и Камиасту под конвоем провели к нему в кабинет. Хозяин усадил его в кресло напротив своего рабочего стола.

Когда пришёл переводчик, Ярцу стал перебирать многочисленные папки с бумагами в шкафу, потом спросил Камиасту о цели визита.

— Я прибыл по велению Гасана Великого, — ответил тот. — Система Альфа Центавра разрушена и разграблена, большая часть населения истреблена... Когда прекратятся ваши погромы и зверства?

— Всё делают по приказу нашего правителя, — сказал Ярцу. — Каждое его слово — закон для военачальников и простых бойцов. Мы спасаем жителей Альфы Центавры как можем, но никто не вправе ослушаться высокочтимого повелителя алгольцев.

Только теперь Камиаста заметил портрет Гасана Великого на стене кабинета. Тот был страшным — широкое серое лицо, длинные извивающиеся рога, злые глаза, острые, словно штыки, зубы...

— Нам приказано очистить территорию нескольких планет Альфы Центавры, чтобы построить здесь новые военные базы, — продолжал его заместитель. — Недееспособных жителей убиваем, дееспособных берём в плен для подсобных работ. Эта система ещё не так разрушена, как другие, которые мы завоёвывали.

— Но как избежать дальнейших жертв?! — в отчаянии воскликнул Камиаста. — Берите все наши богатства, только жителей Альфы Центавры не трогайте!

— Разве я один могу что-либо предпринять? — вздохнул Ярцу. — Да, я не приветствую этой войны и уже много раз говорил это Гасану. Но он угрожал мне. Тех, кто спорит с ним и не исполняет его приказаний, бросают в тюрьмы или казнят!

Он замолчал, прислушиваясь к гулу орудий, который едва заметно приближался. Неожиданно где-то совсем рядом сильно гроыхнуло и здание сотряслось. Ярцу испуганно воскликнул что-то.

В кабинет вбежал секретарь с известием: в город входили части армии Альфы Центавры во главе с командиром Айвеном, вытесняя алгольцев. Услышав это имя, Камиаста оцепенел: Айвен был младшим из семи его сыновей. Он в числе немногих военачальников всё ещё оказывал сопротивление врагам.

ГЛАВА ПЯТАЯ. НАСТУПЛЕНИЕ

Воины Альфы Центавры дрались сурово, они ценой огромных потерь взяли Нейтриол. Алгольцы ударились в панику, не зная, что предпринять. Подкрепление не приходило к ним, а Айвен оказался не просто достойным, но страшным противником.

Его орудия вели такой сильный огонь, что алгольцы гибли словно мухи — улицы покрыли груды их тел. Местные жители радостно встречали своих солдат.

Те по приказу Айвена нашли и арестовали Ярцу и других крупных алгольских военных и политических деятелей. Их долго допрашивали, пытали, чтобы получить нужную информацию. Бойцы проникли в кабинет Ярцу и обнаружили там дальнейшие планы ведения войны. Вскоре они прилюдно расстреляли заместителя Гасана. И устроили ещё несколько казней военных преступников на глазах у народа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. РАЗГРОМ

Айвен, узнав о местонахождении отца, встретился с ним в гостинице и рассказал ему о гибели своего брата Локрема, который руководил обороной нескольких городов на Деатуме, его части были вытеснены оттуда. Другие сыновья Камиасты тоже воевали.

Айвен просил отца и его товарищей уходить из города: сюда вновь могли прорваться отряды алгольцев. Он оставил папе бумажку с адресом своего сына Адриана в городе Ориефисе в двух тысячах километров от Кардланта — там путники могли укрыться в подземном убежище.

Сам Айвен теперь уходил с армией дальше — освобождать другие населённые пункты. Впервые войска Альфы Центавры

перешли в наступление на алгольцев. Успехи бойцов Нейтриола должны были воодушевить солдат на других планетах системы.

В Кардланте наступило очередное затишье. Там появились разведчики и сообщили жителям, что в Альфу Центавру прилетели новые отряды алгольцев, со страшной силой ударили по противнику, и тот отступил. Захватчики не щадили никого — шли напролом, уничтожая целые города...

В Кардланте случилась массовая паника. Жители прятались в бомбоубежища, подвалы, подземные жилища. Камиасту, Лучьяна, Лесмяна и других работники гостиницы спустили на лифте в очень глубокую каморку.

Многие ещё не успели укрыться, когда на улицах города появились враги. В небе пролетели десятки гигантских кораблей, осыпая планету бомбами. Всё дрожало от взрывов...

Тысячи подземных каморок соединялись узкими коридорчиками. И тут слышался гул. В город входили огромные рогатые алгольские воины и разные космические пираты, а также роботы-гиганты и ядовитые рептилии. Захватчики были вооружены огнемётами, гранатами, лазерными пушками, снарядами особой мощности. Подкрепление прилетело на сотнях миллионов космических кораблей, часть которых устремилась на эту планету.

Наши путники, находясь в каморках, переполненных эвакуированными жителями, боялись, что будут засыпаны землёй и придавлены под грузом новых алгольских военных частей. «Мы сидели и дрожали как мыши, жалея, что ничем не можем помочь Альфе Центавре», — вспоминал о тех днях Лучьян.

Враги стёрли Кардлант с лица планеты, не осталось ни одного целого здания. Их корабли, совершившие несколько налётов на город, разбомбили здесь всё. Космические пираты забрали много ценностей. Животные-гиганты и роботы сровняли остатки домов с землёй.

После разгрома они все покинули город — двинулись дальше. Подождав немного, жители вылезли из укрытий. Перед ними открылась страшная картина: вместо города была равнина, усеянная камнями и мёртвыми телами...

Горожане и наши путники захоронили погибших. Вскоре пришла толпа беженцев, и от них Камиаста узнал, что Айвен попал в плен...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. КОРОЛЬ ДЕНАЛОН

Наши герои добирались до Ориефиса, как им показалось, целую вечность. Идя по равнине, они наблюдали, как вдалеке по широкой дороге, ведущей в этот город, двигались боевые машины алгольцев, шагали воины-великаны и космические пираты, маршировали роботы-гиганты, а за ними шли огромные животные. Камиаста говорил спутникам, что на новом месте они будут в большей безопасности, но ему никто не верил — все следовали за ним потому, что где-то надо было найти пищу и временный приют. Их жизнь висела на волоске, пока по планете ходили такие страшные полчища врагов...

После нескольких дней пути мужчины обнаружили, что не прошли и четверти дороги до Ориефиса. Они решили тайком проникнуть в какую-нибудь машину, направляющуюся в этот город. Юпитерианам было легче спрятаться — они выглядели лилипутами в сравнении с алгольцами; Камиаста и Марио же вчетверо превосходили друзей по размеру. Но всем повезло: они смогли спрятаться в кузове грузового автомобиля, вёзшего порох. За ним двигалось ещё несколько грузовиков — с оружием, топливом, разным продовольствием. Ехали медленно, лишь через сутки добрались до Ориефиса.

— Надо взорвать это всё к чертям, — сказал Камиаста, — уничтожить оружие, порох и самих алгольцев.

— Если предводитель желает, — откликнулся Марио, — кинем жребий, и кто-нибудь после бросит спичку — и всё здесь взорвётся.

— Но тот, кто бросит, может погибнуть, — предупредил Камиаста.

— Хорошую идею подал Марио, — одобрил Эл. — Кто хочет участвовать в жребию, пусть напишет на бумажке своё имя и бросит сюда, — он достал из своей сумки мешок, а Лучьян из своей — чистый лист и ручки.

Все оторвали по кусочку бумаги и написали имена.

— Мой повелитель, вам не надо участвовать в этом, вы главный в нашей системе и должны остаться в живых, — сказал Марио.

— Ради Альфы Центавры я не пожалею жизни, — ответил Камиаста, оторвал ещё один клочок от листа, снова написал своё имя и опустил бумажки в мешок.

Марио перемешал их и вытащил одну.

— Король Деналон, — объявил он.

— Уходите все отсюда, — сказал Деналон, беря у него спички. —

Сослужу службу бедной системе Альфа Центавра. Сейчас здесь всё разлетится...

Машины въехали в какое-то помещение и остановились. Путники вылезли из кузова и, увидев, что возле ворот никого нет, бросились к ним. Выбежали на улицу и залегли в канаву. Деналон отстал от товарищей, зажёл спичку и бросил в грузовик с порохом. Прогремел взрыв, оглушивший друзей, и здание охватило клубы пламени...

— Деналон! — в отчаянии крикнул Лучьян. — Денало-он!

Король Деналон не успел убежать из здания — он погиб в огне...

— Это был настоящий подвиг, — сказал Камиаста. — Нашему другу посмертно присудят высочайшую награду, когда закончится война.

И вдруг на фоне пылавшего здания возникли тени и путников окружили алгольские стражи порядка...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ПОД СУДОМ

Мужчин под конвоем доставили в здание суда. И там долго расспрашивали через переводчика о поджоге здания. Они отрицали свою вину, говорили, что не знают, кто это совершил, и что сами очень испугались взрыва. Их обыскали, у Камиасты изъяли бумажку с адресом Адриана.

Путников бросили в одну из переполненных камер тюрьмы, где узников по очереди вызывали на допросы. Камиасту и Марио вызвали первыми, в кабинете следователя пытали, заставляли признаться в поджоге, но безуспешно.

Вернувшись в камеру, Эжен узнал из разговора стражников о гибели Айвена в плену. Он долго оплакивал сына, а друзья утешали его...

Пленники были все очень худые, измождённые, израненные, перевязанные грязными тряпками. Они сильно томились без воды и пищи; многие умирали. Так же, как и в неволе у космических пиратов, где полвека назад оказалась Грета...

Вспомнив о матери, Лучьян ещё больше загрустил. Понял, что теперь вряд ли выберется отсюда... Он боялся предстоявшего допроса — хотя и всегда был смелым человеком, но теперь его нервы окончательно сдали. Старик уткнулся в угол камеры и заплакал. Неужели это всё, конец жизни?.. Угнетали мысли не о скорой гибели, а о собственном бессилии перед произволом, что творится здесь...

Потом допросили Конна, но он тоже ни в чём не признался. А Лучьяна, Лесмяна и Зила вызвали уже напрямик к судье. Тот быстро решал участь пленников. К нему подводили пятерых, он что-то говорил, и их уводили. Большинство узников казнили, некоторых отправляли на принудительные работы. Камиасту, Лучьяна, Лесмяна, Зила и других приговорили к смертной казни. Лучьян понимал, что так и должно было произойти: много ли они, лилипуты, смогут наработать для алгольцев...

Вернувшись с друзьями в камеру, он помолился Богу, лёг на пол и уснул. Лесмян, присев рядом, глядя на брата, спокойно раздумывал о чём-то.

И вдруг в камеру вошёл один из стражников и указал на Камиасту, Марио, Лучьяна, Лесмяна, Зила, Эла и Конна:

— Ваша казнь отменяется, радуйтесь. Сам Гасан Великий, наш повелитель, требует доставить вас к нему.

— Но он же... в системе Алголь! — обрадовался и удивился одновременно Камиаста.

— Вы полетите туда вместе с теми, кого отправляют на принудительные работы, — сообщил стражник.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. СОЗЕРЦАНИЕ КОСМОСА

Огромный звездолёт с пленниками летел в систему Алголь очень долго. Наши семеро путников, закрытые в маленькой каюте, разглядывали космос в иллюминатор.

Звёзды были разных цветов, оттенков, яркости. Особенно хорошо виделись Сириус, Кастор, Процион, Альдебаран, Арктур и Поллукс. Незаметно приближался ярко-красный Алголь. Друзья разглядели ещё одну звезду — у нас её называют Кита Мира; она по объёму больше нашего Солнца в десятки миллионов раз.

Корабль пролетал через гигантские газопылевые облака, туманности. Путники рассматривали звёздные скопления. Они заметили, что Млечный Путь будто раздваивается — две белые полосы разделяла чёрная. Облака закрывали собой дальние звёзды, галактические глубины.

На фоне туманности Ориона была видна Конская Голова — туманность в форме головы лошади. Друзья заметили Крабовидную туманность в созвездии Тельца и Волокнистую туманность в созвездии Лебедя.

В иллюминатор просматривались даже галактики — те, которые мы называем Большое и Малое Магеллановы Облака, Туманность

Андромеды, Туманность М33.

— Интересно, сколько всего жителей в нашем Млечном Пути?.. — сказал однажды, задумавшись, Камиаста.

— Этого нельзя узнать, — ответил Лучьян. — Мы не знаем, сколько обитателей и на нашем Юпитере, даже приблизительно, так же как и вы не знаете, сколько их на вашем Деатуме.

— В Галактике живут самые разные народы... — продолжил Эжен. — Некоторые далеко опережают нас по своему развитию, а многие — ещё дикари... Немало народов путешествуют по её просторам — космические бродяги, пираты...

— Они только мешают жить мирным народам, — вздохнул Эл. — И почему этим алгольцам спокойно не живётся — уже сколько систем завоевали, и всё им недостаточно!

— Ничего, когда-нибудь по ним так сильно ударят, что мало не покажется, — заверил всех Камиаста.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ВО ДВОРЦЕ ГАСАНА ВЕЛИКОГО

— На планете Земля Алголь называют «глазом дьявола», — сказал Лучьян, рассматривая в иллюминатор приближавшиеся переменные звёзды.

— Дьявольская, проклятая система, — согласился Камиаста. — Сколько несчастий из-за неё...

— Она даже с огромного расстояния видится проклятой, — кивнул Зил. — Кажется, что так зловеще подмигивает...

— Что ж, всех с прибытием на «глаз дьявола», — вздохнул Эл. — Надеюсь, что мы когда-нибудь выберемся отсюда... но это вряд ли случится.

При его словах все вздрогнули. Лучьян поднял вверх руку:

— Я обещаю вам, что мы выберемся. Просто будьте осторожны. Если Гасан предотвратил нашу гибель, то теперь нам вряд ли что грозит.

— Ему нужны от меня какие-то сведения... — сказал Камиаста.

— Ему ничего уже не нужно, и его вряд ли волнует, что ты — правитель системы, — возразил Лучьян. — Пока алгольцев не изгнали из Альфы Центавры, ты остаёшься таким же рабом, как и все её жители. Твоя система захвачена полностью, враги узнали о ней всё, что им надо было...

— Но вдруг Гасану нужны какие-то документы? Много их уничтожили или вывезли в Солнечную систему перед оккупацией наших планет...

— Зачем они ему? Главное для него — территория и рабы — почти бесплатная рабочая сила...

Звездолёт сел на один из космодромов планеты Агватии, в город Ваал-Фар, где располагалась главная резиденция Гасана Великого. Там пленников толпами выводили из кораблей на широкую площадь и разводили по зданиям. В кабинетах их тщательно обыскивали, просвечивали насквозь специальными приборами, затем прикалывали каждому к руке чип, в котором содержалась информация о месте его принудительных работ. Потом невольников переодевали в специальную форму и развозили по объектам.

Когда наши путники встретились со служащим этого распределителя — огромным чёрным рогатым чудовищем, — он, посмотрев документы Камиасты, позвонил кому-то по рации, и вскоре всех семерых повели куда-то, даже не прикрепив им чипы. Посадили их в огромный вертолёт, и тот страшно загудел и взмыл в красное небо. Летел довольно долго, из иллюминаторов ничего не было видно, кроме пелены облаков...

И вот наконец он плавно опустился в здание без крыши, на площадку, и, как только заглух двигатель, пленников вывели наружу. В помещении стояло несколько автомобилей, два старых вертолёт, лежала куча железной рухляди. Мазутом здесь пахло сильнее, чем на Нейтриоле.

...Путников ввели в тёмный тоннель, и несколько часов они под конвоем двигались по нему. А когда уже совсем выбились из сил, то оказались в какой-то камерке и оттуда вышли в большую комнату.

— Сейчас вас ждёт встреча с нашим повелителем Гасаном Великим, — сообщил один из сопровождавших их алгольцев. — Ведите себя как подобает.

Камиаста, плохо знавший их язык, всё же смог перевести эти слова спутникам. Те испуганно переглянулись: они не знали, как тут нужно себя вести. Но времени для объяснений не было, товарищей буквально вытолкали из комнаты в просторный зал...

Там сидел на троне Гасан Великий — гроза многих звёздных систем. Тёмно-серый алголец колоссальных размеров, толстый, со страшным широким лицом, злыми синими глазами и длинными

вьющимися рогами, одетый в такого же серого цвета плащ. По обеим сторонам от него стояла дюжина охранников.

Он заговорил, и гости вздрогнули: им показалось, что это гудит огромная грузовая машина. Гасан сказал что-то конвоирам пленников и через переводчика обратился к Камиасте:

— Приветствую вас у себя во дворце. Как вы добрались?

— Лучше некуда, — ответил тот с негодованием.

— Вы чем-то обижены? — спросил Гасан.

Камиаста с удивлением посмотрел на своих друзей, потом — на алгольского правителя.

— Вы завоевали мою систему, — выступил он вперёд. — Лишили жизни большинство её обитателей, а остальных превратили в рабов... Всё разрушили, разграбили... Принесли нам неизмеримое горе...

Эжен заплакал. Гасан ответил:

— Вы должны подписать документ о сдаче нам Альфы Центавры. Она уже и так фактически в наших руках.

— Нет, — возразил Камиаста. — Она пока не ваша: не все наши войска ещё сдались.

Гасан с презрением посмотрел на него, оглядел его спутников и поинтересовался:

— Это ваша свита?

— Да.

Юпитериане чувствовали себя неловко: если Камиаста и Марио в сравнении с Гасаном выглядели карликами, то они были для алгольского правителя маленькими человечками, размером с палец.

— И всё-таки вы не ответили на мой вопрос о сдаче Альфы Центавры, — напомнил Гасан.

— Я не единственный житель системы и не могу решать за всех... — вздохнул Камиаста.

— В таком случае нам с вами ещё нужно побеседовать, — сказал Гасан, надеясь склонить его к подписанию бумаг о сдаче Альфы Центавры. — Вы останьтесь, а ваши спутники пусть покинут зал.

— Эжен, ни за что не соглашайся сдать систему, — взмолился Лучьян, которого вместе с другими уводили. — Мы отвоюем её, вот увидишь!

Товарищи Камиасты думали, что Гасан Великий или кто-то из его приближённых будет беседовать и с ними, но этого не случилось. Пленников оскорбляло, что к ним здесь относились несерьёзно, как к домашним питомцам, к живым игрушкам.

Их хорошо кормили, и еда была такой же в большинстве своём, которую употребляли юпитериане, и предоставляли им отдых — они спали в большой коробке в углу кухни.

Гасан подолгу беседовал с Камиастой и затем выпроваживал его в каморку, которую запирали. И первое время друзья не виделись с ним.

Они испытывали отвращение к слугам правителя, кухаркам, уборщицам, впрочем, как и ко всем алгольцам. Эти существа были безобразны и страшны. Мужчины с длинными рогами напоминали быков или, хуже того, чертей, и женщины, хоть и не имели рогов, тоже выглядели жутко — с лицами, похожими на коровьи или козьи морды.

Забавы ради кухарки сажали маленьких невольников на высокую полку или шкаф, и оттуда те подолгу наблюдали за их работой, осматривали кухню. Стены, полы и потолки в комнатах дворца были украшены золотом и серебром, мрамором и драгоценными камнями, везде висели зеркала.

Во дворец прибывало много высокопоставленных лиц; толпы великанов ходили из комнаты в комнату; подолгу стоял оглушающий шум и гам. Сюда приезжали из разных стран политики, чиновники, военные деятели и другие гости.

Обстановка напомнила Лучьяну те далёкие годы, когда он со своими друзьями путешествовал по странам великанов на Юпитере и тайно посетил дворец одного правителя. Но там об их существовании никто не знал, они ведь прятались...

«Вообще, если подумать, то, что мы по сравнению с алгольцами так малы, нам же на руку: можно довольно легко сбежать, — размышлял Лучьян. — Только вот Камиасте и Марио будет труднее это сделать...»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ИСТОРИЯ АЛГОЛЬЦЕВ

У Гасана было сто с лишним детей. Несколько его сыновей участвовали в завоевании системы Альфа Центавра, двое из них погибли в битвах. Младший — Ливис — ещё малыш — не выглядел так страшно, как взрослые алгольцы, а походил на человеческого младенца, но имел серую кожу. Мальчик подружился с Лучьяном, которого дали ему как игрушку. Однако

воспринял его как настоящего друга; когда тот более-менее овладел здешним языком, они стали общаться.

Ливис, который только научился разговаривать, пересказал собеседнику некоторые предания, легенды о династии Гасана, которые слышал от няни. И Лучьян, неожиданно для самого себя, заинтересовался не только их родословной, но и вообще Главной Алгольской Империей, которая занимала все несколько десятков планет системы Алголь.

Ливис сообщил ему о библиотеке во дворце, где находились книги по истории Империи. Лучьян, с позволения правителя, стал посещать её. Он выучил алфавит общего, универсального языка алгольцев, усвоил бытовую лексику и только после этого смог понимать написанное в томах. Слуги, работавшие там, доставали для него с полок нужные книги, помещали их на специальную подставку, и старик погружался в чтение...

Одна очень толстая книга по истории системы Алголь, написанная тридцатью авторами в разное время, особенно его заинтересовала. Если пересказывать её очень сжато, беря во внимание только события общего масштаба и опираясь на наше исчисление времени (у алгольцев оно совершенно другое), то всё было так.

Сами три звезды Алголя появились, как считали здесь, около тринадцати миллиардов лет назад. Жизнь на Агватии возникла примерно пять миллиардов лет назад. Разумные существа, выделившись из мира животных, освоили материки, изобрели орудия труда, занялись земледелием и животноводством, стали добывать полезные ископаемые.

Два миллиарда лет назад они построили ракету и некоторые жители переселились на другие планеты, где создали искусственную атмосферу. А первый их межзвёздный полёт состоялся полтора миллиарда лет назад.

Примерно тогда же народы из какой-то другой системы захватили планеты Алголя и на несколько миллионов лет поработили их обитателей. Но постепенно аборигены вытеснили, изгнали врагов. Около миллиарда лет назад на Агватии был основан город Ваал-Фар.

Около пятисот миллионов лет назад начались завоевательные походы алгольцев: одни народы стали захватывать другие. Правитель Керкинт подчинил себе все планеты, на которые расселились алгольцы, и основал Главную Алгольскую Империю. Он был известен также многочисленными трудами по истории, политике, экономике.

Двести миллионов лет назад сменилась династия правителей

Империи; алгольцы с нескольких планет не приняли новых хозяев, и на тысячи лет разразилась война между их сторонниками и противниками. Но постепенно они примирились друг с другом.

Началось процветание системы, развитие техники; планеты сотрудничали во многих отраслях, активно развивалась торговля. Инженеры создали орбитальные и межпланетные станции. Было изобретено много нового оружия, в том числе лазерный луч.

Двенадцать миллионов лет назад почти на всех планетах Алголя наступил аномальный холод, из-за чего вымерло две трети жителей. Опасаясь, что их система станет непригодной к жизни, командиры и солдаты двинулись на завоевание новых планет в другие звёздные системы. Они успешно покоряли один народ за другим, захватывали пленных и делали своими рабами.

Шесть миллионов лет назад была создана Регулярная Армия Алголя, собранная со всех планет, и основано много новых империй. Часто происходили конфликты между ними — из-за того, что не могли поделить завоёванное.

Четыре миллиона лет назад командиры впервые составили чёткий план будущих завоевательных полётов. Но армия деградировала, солдаты стали грабить и убивать друг друга. Верховный правитель одной из планет отозвал своё войско из общего состава. И за это его планету разбомбили, не оставив на ней ничего живого.

Триста тысяч лет назад в армии появились первые разведчики, которых военачальники отправляли вперёд в системы, на которые собирались напасть, для сбора информации.

Двести пятьдесят тысяч лет назад пришла к управлению династия, из которой был Гасан Великий. Её основатель Гуль Незапамятный, по легенде, являлся сыном дьявола. При нём случались сильные вспышки звёзд Алголя и население всех планет вместе с императором эвакуировалось в другую систему. Несколько планет звёзды сожгли. Как ни странно, Алголь считали «глазом дьявола» не только у нас на Земле, но и там, и говорили, что это Сатана открывал огненный глаз, пытаясь увидеть сына Гуля.

Сто тысяч лет назад, при Гетарке Могущественном, армия Империи завоевала ещё несколько звёздных систем, построила в них свои колонии и состав её увеличился втрое за счёт вербовки в неё пленников.

Пятьдесят тысяч лет назад император Хасан Трансцендентный ввёл закон о принудительном труде невольников: всё население

покорённых планет доставлялось в систему Алголь и попадало в рабство к её жителям.

Тридцать тысяч лет назад сформировались специальные усиленные отряды армии для контроля захваченных планет. Она захватила к тому времени более пятидесяти звёздных систем, и всеми ими было трудно управлять.

Восемнадцать тысяч лет назад император Гиймель Владычественный издал «Указ об обеспечении армии», в котором ввёл огромные налоги и трудовую повинность жителей системы в помощь армии. Большинство алгольцев не приняли постановления, начали бунтовать, но стражи порядка уладили их. Чуть позже к войскам начали присоединяться космические пираты и бродяги.

Шесть тысяч лет назад произошёл раскол в армии, солдаты, недовольные тяжёлой службой, стали убивать друг друга и командиров. Император Лео Воинственный улучшил условия у них — на несколько лет приостановил завоевательные полёты, обеспечил хорошей едой и удобными спальными местами, уменьшил время учений, дал длительные отпуска. И там снова всё пришло в порядок.

Тысячу лет назад алгольцы приблизились к соседним с Солнечной системам и начали их завоевание. Захватили Сириус и Лейтен 726—8. И вот семьсот пятьдесят лет назад, за шестьдесят лет до описываемых здесь событий, они вторглись в Альфу Центавру...

Изучив эту историю, Лучьян с ужасом представил, что будет, если алгольцы доберутся до Солнечной системы. На планетах-гигантах, конечно, сильные армии, но они не смогут противостоять великанам, имеющим огромный боевой опыт, мощно вооружённым. И он не знал, как выбраться из этого дьявольского логова, из страшного плена...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЛУЧЬЯН ПОПАДАЕТ В ПРЕИСПОДНЮЮ

Однажды Ливис поведал, что во дворце есть тайный ход в самую Преисподнюю.

— Ты шутишь? — удивился Лучьян.

— Нет, отец говорил это моему старшему брату, — ответил мальчик. — Я сам слышал. Он сказал, что только у правителей Главной Империи есть ключ от двери, передаётся по наследству. Иногда папа сам спускается туда.

— Спускается? Значит, этот ход — в подвале?

— Да, но во дворце много подвалов.

— Как бы мне хотелось увидеть, что же творится там, в Аду...

— Отец говорил, что там очень страшно. Но он вынужден ходить туда по требованию хозяина Преисподней.

— А ты не знаешь, где хранится ключ?

— Не знаю... В покоях родителей в шкатулке лежит связка ключей — может, он среди них... Ты что, хочешь проникнуть в Ад?

— Мне любопытно, я хотел бы посмотреть, как там всё устроено...

— Не ходи туда, иначе пожалеешь!

Но уже через час Лучьян проник в покои императора, где в тот момент больше никого не было. Он с трудом влез на диван, а оттуда — на письменный стол. Здесь стояло много разных шкатулок, и наш герой долго не мог найти нужную ему. Наконец отыскал её. Осмотрел ключи. И взял один из них — размером с него самого, с выгравированной перевёрнутой звездой, пентаграммой дьявола...

Лучьян сбросил тяжёлую железяку на пол, стал спускаться обратно на диван и вдруг разглядел щель закрытого погреба внизу. Спрыгнув на паркет и откинув ковёр, увидел отверстие для ключа, вставил его и повернул. В ту же секунду дверца сама откинулась и он полетел в сторону, упал и больно ушибся. Вскочил, кинулся к чёрному квадратному отверстию, осторожно присел на краю, замер...

Что же делать дальше? Тот ли перед ним погреб? Неужели здесь ход в сам Ад?.. При этой мысли Лучьян покрылся холодным потом. Некоторое время он не решался сдвинуться с места, затем начал потихоньку спускаться в темноту, хватаясь за камни, вскоре нащупал ногой лестницу и двинулся дальше. Снизу повеяло сыростью.

Лезть было неудобно из-за огромного расстояния между перекладинами. Заскользив по ножке лестницы, Лучьян сорвался и полетел вниз. Не успев как следует испугаться, он ударился о пол и так ушибся, что некоторое время не мог даже пошевелиться. Вглядываясь в крошечную тьму, охая от боли, старик медленно поднялся и побрёл куда-то наугад.

Что теперь делать? Кричать? Звать на помощь?

Лучьян остановился и несколько раз крикнул: «Эй! Ау!»

И тут случилось нечто необычное...

Прямо перед ним открылись гигантские ворота, и он заслонил глаза рукой: в глаза ударил свет, повеяло жаром. Но в ту же секунду на него упала тень. Лучьян, испуганный, поднял голову и увидел странное и страшное огромное существо, появившееся перед ним — толстого слона, стоявшего на двух задних ногах.

— Добро пожаловать, путник, — пробасил тот. — Кто ты такой и как здесь оказался?

Наш герой потерял дар речи, потом пришёл в себя и ответил:

— Я пленник императора Гасана. Хотел увидеть Ад хотя бы краем глаза...

— Ты уверен, что хочешь этого? — усомнился слон. — Как тебя зовут?

— Лучьян.

— А меня — Бегемот. Не удивляйся, это так, хотя я и выгляжу как слон. Но это — всего лишь один из многих моих обликов. Я страж Преисподней. Так ты уверен, что хочешь увидеть владения Сатаны?

Лучьян молча кивнул. Хотя и сильно боялся.

— Там очень страшно, — предупредил Бегемот. — Даже мне, давнему слуге дьявола, привыкшему ко всему, становится жутко. А уж ты и подавно не выдержишь зрелищ, которые предстанут перед тобой...

И он медленно двинулся к Лучьяну, говоря:

— Муки Ада вечны. Никто из живых в полной мере не может осознать этого. Боли, которые испытывают грешники в Преисподней, невыносимы. Осуждённые мучаются не только физически. Их терзает память, совесть... Они помнят, что творили при жизни. А ведь когда-то смеялись при упоминании об Аде, но теперь сами увидели, что это такое... Им никогда не вырваться отсюда, никогда!

Бегемот наклонился к гостю и прошептал:

— Запомни: самая сильная боль, которую человек может испытать при жизни, — всего лишь укус блохи по сравнению с муками Ада.

— Да, я знаю... — ответил Лучьян. — Хотя и не испытывал всего этого. В детстве много раз слышал от своего наставника Мелфия о Преисподней — гигантской раскалённой печи. Даже немного

обжѣгшись, мы испытываем дикую боль; что же говорить об Аде, где обжигаются вечно...

— Именно. И ты хочешь увидеть, как мучаются грешники?

— Я не этого хочу. Мне надо поговорить с вашим предводителем.

— Идём за мной, — вздохнул Бегемот. — И не говори, что я тебя не предупредил...

Он двинулся к воротам, Лучьян пошёл за ним...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. КАРТИНА АДА

То, что наш герой увидел и почувствовал, никак не мог воспринять его разум — настолько всё было жутко и гадко. Он едва не терял сознание из-за смрада и духоты, но продолжал идти за спутником.

Вокруг горели костры, и в них мучились грешники. Вдали стояло зарево. Путники шли через равнины, леса, взбирались на холмы, обходили пропасти и гнилые озёра. Здешняя флора и фауна вызвали у Лучьяна сильнейшее отвращение. Растения были все в шипах. Омерзительные насекомые, жабы, змеи и другие, неизвестные, существа попадались почти на каждом шагу. Бегемот, отгоняя их, предупредил, что и растения, и животные ядовиты.

Странники подошли к реке с кипящей лавой, в которой страшные, невообразимые мучения переносили грешники. Они громко, пронзительно кричали... Лучьян заплакал и упал на землю.

— Вставай! — воскликнул Бегемот и поднял его. — Ты сам хотел увидеть Ад и согласился на эту прогулку. Пойдём дальше.

Он повёл Лучьяна куда-то и вдруг остановился:

— Может, повернём обратно? Ты не выдержишь слишком долгого пути...

— Я должен поговорить с хозяином Ада, с вашим предводителем, — ответил Лучьян.

— Что ты ему скажешь? — усмехнулся Бегемот. — Остерегись, путник, ты здесь никто. Тебя тоже легко могут отправить на вечные мучения...

Он потянул Лучьяна за собой. Они обошли стороной холм, и им открылась новая жуткая картина страданий грешников, подвешенных за язык, посаженных на кол, погруженных в расплавленный свинец и так далее — демоны Ада придумали много видов наказаний...

Увидев всё это, наш герой окончательно потерял рассудок. Он застонал и бросился на землю, плача, причитая, бормоча что-то невнятное...

— Всё, хватит, пойдём обратно к выходу, — Бегемот поднял его. — Человек не может выдержать этого зрелища, а ведь многим придётся так мучиться... Люди не верят в наказание, они думают, что можно сколько угодно грешить и всё сойдёт с рук. Когда вернёшься из ада, поведай всем, что здесь происходит. Может, кто-то прислушается к твоим словам и станет жить праведно. Хотя, скорее всего, тебе не поверят. Многие убеждаются, что грехи наказуемы, лишь тогда, когда попадают сюда, но уже поздно...

Они уже долго шли обратно к реке, но она всё не появлялась.

— Неужели я заблудился? — растерялся Бегемот. — Я, знающий Ад как свои пять пальцев, заблудился...

Перед ними расстилалась равнина, где грешников жарили на углях. Лучьян увидел вдали страшное чудовище с пылающими глазами.

— Это Ашерон, — сказал Бегемот и свернул в сторону. — Не будем попадаться ему на глаза.

Они прошли по мосту над ручьём, в котором кишели гады, и перед ними предстала другая равнина, объята пламенем. Лучьян услышал шум, и вдруг какая-то гигантская птица схватила его когтями и взмыла вверх.

— Помогите! — крикнул он, похолодев от ужаса.

Пернатый обитатель Ада летел куда-то, крепко сжав путника в когтях. Внизу проносились горевшие равнины, леса, холмы, огненные реки и озёра...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ДЬЯВОЛ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Птица сбросила Лучьяна в какое-то тёмное ущелье, и он уже попрощался с жизнью, когда вдруг ощутил, что упал на что-то мягкое. И, открыв глаза, оцепенел от страха — его держал на ладони какой-то великан с человеческой, кошачьей и жабьей головами. Исполин громко засмеялся, чем ещё сильнее испугал старика, и побежал в огромный дворец.

— Кого ты там поймал, Ваал? — громко спросил кто-то.

Лучьян не поверил своим глазам: перед ним предстал сам дьявол, путник вдруг сразу понял это. Вид у хозяина Ада был,

наверное, ещё страшнее, чем у Ваала: он чем-то отдалённо напоминал человека, но имел чёрную кожу, продолговатое лицо, множество когтистых рук и длинные ноги; предводитель возвышался над всеми собравшимися здесь демонами. Впрочем, сейчас Сатана носил лишь один из бесчисленных своих обликов.

Во дворце проходило собрание, на котором владыка Преисподней беседовал со своими приближёнными и командирами Армии Тьмы. За разговором он углубился в воспоминания...

...Когда-то очень давно, в незапамятные времена, демоны прилетели сюда. Ад был тогда сплошной пустыней, без обитателей. Дьявол и его соратники стали изучать её. Они осматривали безжизненные равнины и холмы, чувствуя отсутствие Бога в этом жалком, никчёмном мире. Тот ужас, та тоска, которые вселяло мёртвое пространство, не остановили Сатану. Он решил, сделавшись правителем Ада, возвести тут собственный дворец.

Приближённые доставляли ему материалы. В Аду было много минералов, пригодных для строительства, особенно золота. Этот блестящий металл полюбил алчный демон Маммон, который утаил его больше, чем принёс хозяину. Другой демон — Мулцибер — руководил возведением нового города, где находилась главная резиденция Сатаны — дворец колоссальных размеров, с массивными стенами, просторными залами и галереями, башнями и мостами, в который теперь и попал Лучьян.

— Кого ты поймал, Ваал? — повторил дьявол, восседая на троне, возвышаясь над подчинёнными.

Лучьян с удивлением рассмотрел зал, в котором проходило их собрание. Это был гигантский амфитеатр со множеством ярусов и куполом сверху, и везде горели свечи.

В дверях появился Бегемот, испуганно огляделся:

— Не сюда ли птица принесла путника?

— Сюда, — кивнул дьявол. — Я знаю этого червя, — он указал на Лучьяна. — Это учёный с планеты Юпитер, правнук Асмодея и Ратиры. Отпусти его, Ваал. Что привело тебя ко мне, путник? Ты ведь, кажется, хотел о чём-то поговорить со мной?

— Хотел, — ответил Лучьян, вырвавшись из лап Ваала. — Я видел все ужасы, все те страдания, которым подвергают осуждённых на вечные муки. И не могу с этим смириться.

— По-твоему, такое наказание слишком жестокое?

Лучьян кивнул.

— Но, путник, пойми: сознательно грешащий человек сам оставляет Бога и попадает ко мне, а я волен делать с ним что захочу. Мы, демоны, любим жестокости, и мучать попавших сюда — у нас в крови. Хорошие люди отправляются на вечные радости и наслаждения в рай, а плохие — на вечные терзания сюда. Каждый сам выбирает свой путь.

Дьявол оглядел собравшихся и сказал:

— Мы должны закончить собрание. Я поговорю с тобой позже, путник.

Демоны стали наперебой кричать что-то. Ближайшие сподвижники Сатаны Азazelь и Вельзевул бросились успокаивать их.

— Астарот, говори, — велел дьявол.

Вперёд вышел уродливый, горбатый демон — герцог западной части Ада.

— Казна снова опустела, — сообщил он. — Мы много средств истратили на помощь алгольцам. Не знаю, обойдутся ли они теперь без нас...

Лучьян удивился. Так вот почему алгольцы так легко завоёвывали одну систему за другой! Им помогал сам дьявол и его армия!

— Пока обойдутся, — кивнул дьявол. — Они легко побеждают противников, их армия и так очень сильна, и путник тому свидетель, — он кивнул в сторону Лучьяна.

— Я бы так не сказал, — возразил Асмодей — демон с человеческой, бычьей и бараньей головами, на петушиных ногах. — Армия Альфы Центавры проигрывает из-за того, что я сею раздор среди воинов.

— Не приписывай себе все наши заслуги, — осадил его граф Раум — огромный ворон, принесший Лучьяна во дворец. — Когда у нас будут средства, армия демонов сама разгромит противников алгольцев.

— Нет, — ответил дьявол. — Мы не будем вмешиваться, пусть они разбираются сами. Абигор, ты обладаешь даром пророчества. Что тебе известно об исходе этой войны?

— Она продлится ещё долго и закончится, увы, не в пользу алгольцев, — ответил рыцарь ада, в доспехах, с лысой головой, прилетевший на крылатой лошади. — Этот человек сыграет огромную роль в войне, во многом благодаря ему армии

систем Солнечной и Альфа Центавра победят, — Абигор указал на Лучьяна.

— Этот путник? — усомнился дьявол. — Что ж, ладно...

Лучьян вновь испугался: вдруг теперь демоны уничтожат его, бросят в пламя?..

— Не бойся, никто тебя не тронет, — сказал хозяин Ада, увидев, как он побледнел. — Я не разрушаю то, что предназначено.

— Я сочинил новый гимн для нашей Армии, — объявил Амдусциас, один из военачальников, демон с серой лошадиной головой.

— Избавь нас от этого! — предостерегающе поднял руку Сатана. — Твоя музыка противна, она режет слух!

Амдусциас, обидевшись, удалился.

Дьявол вызвал к себе Сатанакию — генерала с вытянутой головой и шестью рогами, обладавшего знанием всех планет, — коротко переговорил с ним о чём-то и обратился к демонам:

— Всё, приступайте к своей работе. Азазель, Вельзевул, Бегемот, вы пока свободны. Я хочу поговорить с путником.

Все вереницей вышли из зала, оставив его с Лучьяном наедине.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ИСТОРИЯ ДЬЯВОЛА

— Я не лишний персонаж в истории, — вздохнул хозяин Преисподней. — Без зла люди не узнали бы, что такое добро... Тебе известно, как я попал сюда, в Ад?

— Когда-то читал об этом в Священном Писании... — ответил Лучьян.

— Мы взбунтовались против Бога — треть из всех ангелов, начал рассказывать дьявол. — Я хотел найти такой мир, в котором был бы владыкой, а не подчинённым, и, когда повстанцы призвали меня возглавить мятеж, согласился. Архангел Михаил уговаривал меня покаяться, но я не сделал этого. И сошлись две армии — моих сторонников и теперь уже противников, которых было вдвое больше. Однако долго они не могли нас победить... В той битве меня сильно ранили — помню, я лежал, не мог пошевелиться, истекал кровью... Мы отступили и были изгнаны сюда, в другой мир, превратились в чудовищ... Ты видел, как выглядят демоны, в особенности Ваал. Лишь Абигор сохранился неплохо.

Лучьян вздохнул и огляделся. Да, он находился в великолепном дворце, где всё блестело, переливалось... Но чувство потерянности,

покинутости, возникшее ещё в начале прогулки по Аду, сделалось только сильнее...

— Тебе, конечно, известно про Адама и Еву, которые вкусили запретный плод, — продолжил дьявол. — Приняв облик змея, я разжёл в них любопытство. Им всё больше и больше хотелось попробовать яблоко, и они сделали это. И были изгнаны из Рая, поселились в другом мире, не таком хорошем. Человек теперь может попасть в Эдем только при соблюдении заповедей Бога. Может, в той Вселенной, где вы все живёте, и много своих миров, но на самом деле есть три огромных мира. В одном разумные существа живут изначально, а в два других попадают после окончания этой жизни. Кого они выберут — Бога или меня, — с тем и останутся. Тебе повезло, что ты добрался до моих владений. Во-первых, узнал, каково здесь, и спасёшь многих от Ада. Во-вторых, можешь мне сейчас задать любой интересующий тебя вопрос, ведь я знаю побольше обычного человека. Что ты хочешь узнать?

— Где сейчас моя семья? — спросил Лучьян. — Где мать, отец, брат Гельян, жена, сыновья и другие?

— Они в Раю. Здесь их нет. Ты думал, что кто-то из них попадёт сюда?

— Я боялся за Гельяна... Он отказался от крещения и ушёл в разбойники...

— Твой брат был ещё ребёнком, делал это не со зла, только чтобы выразить протест против норм и правил, которые вам навязывали в школе. Он всё равно верил в Бога, но по-своему. А насчёт родителей, жены и сыновей можешь не сомневаться — они прожили жизнь достойно, делая добро другим людям. Им сейчас хорошо в Раю, не беспокойся за них. Что ещё ты хотел спросить?

— Расскажи о своей семье... Есть ли у тебя родители, жена, дети?

— У меня есть мама и бабушка. Я не знал своего отца... Бабушка грозная, но не злая. Ко мне относится хорошо, однако поощряет не всё, что делаю. А мама, видно, уже смирилась с тем, кто я есть, и не противится моим свершениям. Я не особенно знаком со своей родословной. А насчёт детей... Их очень много, они «разбросаны» по той самой Вселенной, где вы все живёте и которую я иногда посещаю, принимая разные облики. Антихрист — мой сын. Семь моих дочерей олицетворяют семь грехов. Но, несмотря на это, у меня нет постоянной спутницы жизни. Что-то ещё?

— Да. Как выглядит Рай?

— В Раю кипит жизнь, в отличие от Ада. Если Ад — это безжизненная пустыня, то Рай — это вечно цветущий сад. Там живописная природа. В Аду испытывают вечные муки и скорбь, а в Раю — вечные наслаждения и радость. В том мире, где все вы пока живёте, нет таких мучений и такого счастья. Просто представь себе вечнозелёный сад, бесконечный, залитый светом. Там особенно чувствуется присутствие Бога... Что ещё ты хотел узнать?

— Только один вопрос... Куда попадают животные после смерти?

— В вашем мире обитает два основных вида существ. Одни — разумные, другие — нет. Неразумные не попадают никуда. Если им не дан разум, то они не могут выбрать, за кем идти — за Богом или за мной. Их жизнь оканчивается небытием. Некоторые животные нужны человеку для каких-то целей, они служат ему... Можно теперь спросить тебя, путник: как ты смог попасть в мои владения?

— Я прибыл из дворца Гасана Великого, — ответил Лучьян. — Тайком прошёл сюда.

— Ты должен вернуться туда, — сказал дьявол. — Граф Раум в целостности и сохранности доставит тебя. Я остановлю время, и ты спокойно доберёшься до своих спутников.

В дверях появился огромный ворон, и Лучьян направился к нему.

— Путник, ты выиграешь эту войну, — прозвучали ему вслед слова хозяина Ада.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ПОБЕГ ИЗ ДВОРЦА

Сильно испуганный Лучьян с огромным трудом вылез из погребца, и перед ним предстал Гасан Великий. Тот замер на месте в позе бегуна...

Наш герой удивился, но потом вспомнил, что дьявол на какой-то срок остановил время. Надо быстро бежать к друзьям!

Он бросился в коридор; дверь туда, к счастью, была открыта. Там так же застыли несколько стражников Гасана. На кухне замерли друзья Лучьяна. Едва старик добежал до них, как время вновь пошло. Из коридора донеслись крики.

— Что ты наделал! — воскликнул Эл, увидев друга. — Ты пробрался в тот погреб, в который запрещено лазить всем, кроме Гасана!

— Вы не поверите, когда узнаете, где я был! — ответил Лучьян, шумно дыша.

Один из слуг правителя заметил его в кухне и сообщил хозяину, что пропавший нашёлся. Но тот не мог понять, кто же открыл погреб. Страшное беспокойство овладело им; он решил снова отправиться в Ад, чтобы узнать обо всём, и спустился в подвал. Все остальные во дворце мало-помалу успокоились и легли спать.

— Нам надо бежать, — сказал Лучьян Лесмяну, — сейчас же... Я получил предсказание, что мы выиграем эту войну! Нужно торопиться!

— Камиаста и Марио заперты в камере, — ответил тот. — Надо их освободить.

— Ничего, ночь здесь длинная, что-нибудь придумаем... — вздохнул Лучьян. — И обязательно уйдём. Пусть только все уснут крепче.

«Мы сидели в коробке в углу кухни, как беспомощные котятки, которых собрались топтать, — вспоминал он позднее, — и которым во чтобы то ни стало нужно было спастись от гибели. Прислушивались к каждому шороху, стуку, скрипу и никак не могли выбрать момент, когда же нам лучше уйти...»

Лучьян в полутьме рассмотрел плакат, висевший на стене. На нём Гасан вёл великую и могучую армию в бой. «Неужели мы одолеем эти полчища? — подумал старик. — Вряд ли... Войска планет-гигантов, кажется, даже не приостановят их прорыв». Его вновь охватил панический страх при мысли о том, что алгольцы могут сотворить с Солнечной системой...

Сейчас надо было лететь обратно в Альфу Центавра. Лучьян ещё не знал, как противостоять страшным врагам, но что-то подсказывало ему: нужно спешить!

...Пленники вышли в коридор. Возле комнаты Камиасты дремал на стуле стражник, откинув голову назад и громко храпя.

— У него должны быть ключи от этой комнаты, — прошептал Эл. — Точно! Смотрите — связка торчит из-под его рубахи!

— Надо достать их, — решился Лучьян, — что я сейчас и сделаю.

— Хорошо, я пойду вместе с тобой, — вызвался Эл и огляделся по сторонам. — Нужно взять на всякий случай какой-нибудь острый предмет и всадить в ногу стражнику, если тот проснётся — тогда он нас не поймаёт...

Зил притащил ему из кухни шило, и два друга направились к охраннику.

Все страшно волновались, но сторож, к счастью, не проснулся, пока Лучьян взбирался к нему на колени, сверял номер комнаты с выгравированными на ключах числами, дрожавшими руками снимал нужный ключ и слезал обратно на пол...

Полдела было сделано. Теперь предстояло освободить Камиасту и Марио. Однако замочная скважина располагалась на высоте метров двадцати. Лучьян подошёл к двери, постучал в неё кулаком и позвал Эжена. И тот не только услышал, но и сообразил, что нужно сделать. И вскоре из скважины опустилась нитка с узелком. Старик влез в него, его подняли наверх, он ловко вставил ключ и несколько раз повернул. Камиаста и Марио открыли дверь, вышли, взяли спутников на руки и бросились наутёк. Стражник даже не проснулся...

...Вскоре друзья пробрались в канализационное отверстие и поплыли на большом куске фанеры по воде с нечистотами неизвестно куда. Здесь была кромешная тьма, и они ничего не могли разглядеть.

— Первый шаг к спасению сделан! — обрадовался Эл.

— Теперь нам надо вести себя осторожно, — предупредил Лучьян. — Нужно добраться до системы Альфа Центавра целыми и невредимыми.

— Мы с Эженом слишком больших размеров... — пробормотал Марио.

— Да, мы для вас обуза... — согласился Камиаста.

— Не говорите так! — оборвал их Лучьян. — Вам, наоборот, придётся много раз нас спасать, укрывать. Вы больше похожи внешне на алгольцев, чем мы, и можете иногда прикидываться кем-нибудь из них. А по прибытии в вашу систему мы восстановим справедливость, вот увидите. Алгольцев со временем вытесним оттуда, восстановим Эжена на посту...

— Спасибо тебе, Лучьян, — ответил Камиаста. — Спасибо всем вам, мои друзья — те, кто не бросил меня в беде, и те, кого я никогда не брошу...

И хотя они не видели друг друга, но все представили в этот момент, какая радостная улыбка была на лице Эжена.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ЯНАРЦЫ

Много времени наши путники плыли по подземному каналу в темноте, и их глаза привыкли к ней. Уставшие, голодные, они

мечтали поскорее выбраться хоть куда-нибудь, чтобы увидеть свет...

И вот наконец выплыли из большой трубы и понеслись по широкому ручью вдоль поля. Вскоре друзья очутились в озере. И, пlying к берегу, разглядели на нём лачуги, башенки, ветряные мельницы.

Выбравшись на берег, они затаились за огромным валуном и стали наблюдать за местными жителями. Ими оказались великаны с коричневым цветом кожи, с крепким телосложением. Аборигены быстро ходили по посёлку, некоторые несли куда-то посуду и мешки с чем-то.

— Мне кажется, у них намечается пиршество, — заметил Камиаста. — Я сейчас пойду на разведку, скажу, что сам тоже с этой планеты, и выпрошу еды. Вы сидите здесь.

— Будь осторожен, — предупредил Лучьян. — Давай я пойду с тобой.

— Тогда и мы пойдём, — откликнулись остальные.

— Нет, нет, оставайтесь здесь. Если там будет безопасно, я позову и вас.

И Камиаста ушёл.

— Теперь нас разыскивают, — вздохнул Лесмян. — Надо быть очень осторожными...

— Но встречи с местными жителями нам всё равно не избежать, — ответил Зил.

— Нужно будет в случае надобности видеться с ними по одному, — решил Эл. — Чтобы не погубить всех сразу.

Камиаста долго не появлялся. Наконец, когда друзья совсем уже отчаялись, он пришёл. Рассказал им, что они приплыли в другую страну — видимо, где-то канализация соединялась с грунтовыми водами, вот их и занесло так далеко... Затем поведал о здешних обитателях:

— Это янарцы — так называется народ. Я знаю их язык, расспросил жителей обо всём, о чём мог. Теперь имею некоторое представление о стране. Мы сейчас находимся на её севере, нам нужно идти на юг, к морю, чтобы попасть в другое государство, из которого и улетим в систему Альфа Центавра...

— А из этой страны мы не можем улететь? — спросил Лесмян.

— В этой стране вообще нет космических кораблей, — объяснил Камиаста. — Она очень отсталая...

Он рассказал друзьям о визите в посёлок янарцев. Дома у старого мельника было пиршество в честь дня его рождения. Эжена приняли радушно, усадили за стол со всеми гостями. Сказители, появившиеся здесь на любом празднике, принялись излагать старинные предания. Камиаста ловил каждое слово...

Он узнал, что янарцы считались древнейшим народом на планете. Они жили в гармонии с природой. Обитали в лесах, в горах, в пустынях, на морском побережье. Много трудились и были сильны физически, закалены. Правителя не имели, политикой не занимались.

— Интересно, — сказал Лучьян. — Эта страна находится по соседству с той, в которой сильно развиты технологии, где живёт Гасан — и такое отличие! Но здешний народ мне нравится.

— Янарцы — особый вид алгольцев, — вздохнул Камиаста. — У них в целом довольно холодные отношения с другими народами, но нет открытой вражды. Они хорошие воины, однако их оружие давно уже устарело. Кстати, аборигены выращивают и едят тот же хлеб, что и мы.

Он вынул из-за пазухи еду:

— Вот что я вам захватил. Здесь хлеб, мясо, рыба и другая провизия. Вы должны подкрепиться перед дальней дорогой.

Путники стали благодарить своего верного друга.

— И ещё: страна янарцев безопасна для нас, — добавил Эжен. — Через неё проходят тысячи беженцев, и ни одного из них не выдали Гасану; наоборот, странникам тут оказывают помощь. Да и сам правитель алгольцев мало внимания обращает на эту страну. Так что не бойтесь. Мы обязательно улетим в систему Альфа Центавра.

Путь на юг страны лежал через дремучий лес. Путников не предупредили, что в нём может таиться опасность...

Уже стемнело, когда они вошли в чащу. Стояла тишина, и мужчины двигались вперёд. Слышались только шаги и шелест ветвей.

Неожиданно что-то просвистело в воздухе, и Марио упал. Друзья окружили его. Лучьян вытащил дротик у него из груди, но тот уже скончался...

— Ядовитый дротик! — в ужасе закричал Камиаста. — Прячемся!

Однако ему труднее всего было спрятаться из-за больших размеров. И путники не могли сейчас разбежаться в разные стороны — в такой глуши они вряд ли найдут друг друга. Друзья спрятались в чаще и просидели там долгое время.

Никто не появился, и в конце концов они вернулись к телу Марио. Камиаста выкопал яму, и погибшего захоронили. И в скорби постояли немного возле могилы...

— Нужно идти назад, выйти из леса и обогнуть его, — решил Эжен.

Понимая, что здесь оставаться опасно, странники заторопились обратно. Без происшествий они добрались до окраины леса. Камиаста приметил вдали селение и, оставив друзей на полянке, отправился разузнать, как пробраться на юг иной дорогой.

— Мы не должны терять друг друга, — сказал Лучьян. — Нам надо всем вместе добраться до системы Альфа Центавра... Впереди много трудностей, но мы должны их преодолеть и выжить.

— Главное — улететь из этой чёртовой системы Алголь, — вздохнул Лесмян.

Вскоре вернулся Камиаста.

— Я всё разузнал. Нам нужно идти по той дорожке, — он указал на широкую тропу, видневшуюся вдали, — по ней можно обойти лес стороной. Лесные жители — опасные люди. У них не сильно развит ум, это первобытное общество. Янарцы-лесовики занимаются охотой, ведут примитивное существование. Не имеют никаких целей, кроме физиологических потребностей.

— Это даже не янарцы, а какой-то совсем чуждый им народ, — заметил Лучьян. — Янарцы не такие. Они тоже близки к природе, но вовсе не дикари.

— Да, говорят, лесные люди испокон веков враждовали с другими народами, — кивнул Камиаста. — Они живут очень обособленно, но тем не менее их считают одним из видов янарцев. Мир видится им через призму охотника и жертвы, эти дикари поклоняются Главному Божеству Джунглей, которое у них считается источником великой мудрости и опыта. И нападают на жертву с дротиками, копьями, топорами...

— Они хотели съесть Марио? — спросил Конн.

— Нет, они атакуют любого пришельца в своём лесу. Ну, пойдёмте, — поторопил всех Камиаста, и мужчины двинулись по широкой тропе.

Через два часа пути лес закончился, началась пустыня. Друзья шли по ней ещё около трёх часов. И вот наконец появились вдали домики какого-то селения. Придя к оазису возле него, скитальцы напились воды из родника и умылись.

— Здесь я вас и оставлю, а сам направлюсь в посёлок, — сообщил Камиаста. — Всё-таки волнуюсь за всех, хоть и понимаю, что здесь нас не выдадут. От Гасана сбежал правитель завоёванной системы, и, ясно, тот будет его искать. Вы не должны пострадать из-за меня.

— Нечего об этом и говорить, — возразил Лучьян. — Мы бежим все вместе, бороться с алгольцами будем тоже вместе и не должны беречь себя.

— Оставайтесь здесь, — повторил Камиаста. — Я скоро вернусь.

Он направился в селение. Друзья присели отдохнуть.

— Лучьян, неужели ты хочешь воевать с алгольцами? — спросил Зил. — Мне кажется, их уже не получится изгнать из системы Альфа Центавра.

— А я думаю, что получится, — ответил Лучьян. — Я узнал некоторые слабые стороны алгольцев. Победить их будет вполне возможно, хотя и невероятно трудно...

— Если не отбросить врагов назад, они двинутся дальше — в нашу Солнечную систему, — сказал Эл.

— Этого я и боюсь больше всего, — вздохнул Лучьян.

Камиаста долго отсутствовал; за это время мужчины успели помыться в источнике, постирать и высушить одежду.

— Друзья, нам осталось идти не так много, — известил он, появившись. — Совсем скоро мы прибудем к морю и отплывём в соседнюю страну, где сможем сесть на корабль, направляющийся в систему Альфа Центавра!

Он снова принёс спутникам еды — мяса и лепёшек, — и вновь они поблагодарили его. Все привели себя в порядок, наелись и напились и теперь могли продолжать путь.

Странники двинулись дальше. Камиаста рассказывал про южных янарцев:

— У них сплочённые семейства. У каждой семьи — свой культ, своё божество — это чаще всего обожествлённый предок. Они глубоко почитают прародителей, устраивают ритуалы в их честь. Многие обитают в пещерах. Я видел этих пещерных людей —

худые, жилистые существа без волосяного покрова. Так же, как лесные янарцы, живут изолированно...

Спустя несколько часов путники добрались до побережья. В приморский посёлок вошли все вместе. Здешние жители имели более светлую кожу, чем северные. Камиаста расспросил одного аборигена о прибывавших кораблях, и словоохотливый великан поведал не только о них, но и о плавучем острове, иногда причаливавшем к берегу.

Этот янарец, которого звали Доротеем, приютил гостей у себя в лачуге. Он занимался производством оружия. В посёлке большинство жителей были ремесленниками — изготавливали железные, деревянные, глиняные изделия. Другие ловили рыбу и добывали соль, полезные ископаемые. Тут почитали Приморское Божество, прообразом которого стал общий предок аборигенов.

— Многие мужчины из селений побережья ушли на службу к Гасану, — рассказал Доротей. — Теперь завоёвывают другие системы в своих рогатых шлемах и шипованной одежде.

Нашим героям становилось не по себе, когда они видели, как он изготавливает оружие, с которым алгольцы, возможно, нападут на Солнечную систему...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ГЕСТАВРЫ

Плавучий остров приближался к одному побережью, отталкивался от него и двигался к другому берегу. На него и попали наши путники. Тут обитали геставры — разумные существа, напоминавшие внешне моржей: толстые, с длинными зубами, похожими на клыки. Они жили в ветхих домишках, занимались рыболовством, охотой на китов и гигантских кальмаров. С ними плавало много беженцев.

— Здесь могут быть шпионы Гасана, — предупредил друзей Камиаста. — Не теряйте бдительность.

Однажды геставры отплыли от острова на небольших кораблях поохотиться, взяв с собой Эжена и его друзей. Моряки атаковали стаю кашалотов и один из китов бросился на суда. Но, к счастью, не нанёс вреда и вскоре скрылся под водой вместе с сородичами.

— Теперь они находятся очень глубоко, — сказал один охотник. — Кашалоты ищут для пропитания кальмаров — морских чудовищ, которые почти таких же размеров. И это ещё вопрос — кто кого победит...

И хотя геставры терпели неудачи, они вылавливали много рыбы, да и с китами справлялись довольно часто. Из китового уса изготавливали ткань, из жира — мыло и газ для осветительных ламп. Аборигены продавали добытое на охоте и приобретали нужные им товары.

Однажды над островом пролетело несколько самолётов и сбросило листовки с портретом Камиасты и заголовком: «Разыскивается сбежавший из плена правитель системы Альфа Центавра Эжен Камиаста!». За него предлагалась очень большая награда. Моряки поняли, что это их гость, и он уже собрался бежать. Но Эжена уверили, что его никто не выдаст.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Добравшись до другого берега, на котором раскинулся огромный город, путники попрощались с геставрами, поблагодарили их за всё и двинулись на космодром грузовых кораблей. Стемнело, и им теперь было легко незамеченными пробраться на какое-нибудь судно и улететь.

Космическая гавань состояла из нескольких десятков отделов. Каждый назывался именем завоёванной звёздной системы, и в каждую систему везли для алгольских воинов оружие, одежду, пищу и другое. Друзья спрятались в кузове грузовой машины, въехали на ней в здание космодрома, вылезли и стали искать в темноте отдел Альфы Центавры.

Найдя его, они притаились в углу и понаблюдали за погрузкой. Рогатые алгольцы-великаны складывали в отсеки огромного корабля ящики с порохом, динамиты, бомбы, гранаты, автоматы и прочее оружие. Альфа Центавра была уже завоёвана, и наши герои с ужасом поняли, что готовится нападение на Солнечную систему...

— Ты хочешь отправиться в этом судне? — спросил Лучьян Камиасту.

— Да, придётся, — ответил тот. — Следующее будет неизвестно когда, а нам надо торопиться...

— Лишь бы нас не разнесло в космосе на части, — вздохнул Лучьян. — Видишь, сколько пороха нагрузили...

Алгольцы ещё долго носили ящики на корабль. Они уходили на какое-то время за новой поставкой, и путники в это время смогли пробраться на судно и спрятаться там. Работники погрузили, кроме оружия, несколько цистерн с топливом. И корабль отправился в полёт...

Это было двоякое чувство: друзья, с одной стороны, ощущали безграничную свободу оттого, что вырвались наконец из проклятой системы Алголь, а с другой, боялись, что в пути судно взорвётся...

— Если в него попадёт снаряд, взрыв будет невероятных масштабов, — сказал Камиаста. — Мы сейчас летим вместе с оружием, которым собираются убивать жителей наших систем. Когда доберёмся до места, я уничтожу этот корабль.

— Алгольцы ещё получают сполна, — ответил Лесмян.

— Война будет затяжной, — вздохнул Лучьян.

Судно долетело гораздо быстрее, чем предполагали путники. Когда оно село на какую-то планету Альфы Центавры, Камиаста обратился к друзьям:

— Следуйте за мной, делайте то, что я скажу, и не задавайте лишних вопросов. Запаситесь оружием.

Они притаились возле выхода, с трудом донеся туда самые маленькие пистолеты. Когда в корабль зашли несколько алгольцев, их тут же застрелили. Наши герои выскочили наружу и помчались по полю к стоявшим вдалеке истребителям.

Все залезли в кабину одного из них. Камиаста надел наушники и стал нажимать кнопки. Судно сорвалось с места, покатило по полю и плавно взлетело, закружило над космодромом. Пролетая над кораблём, в котором прибыли путники, Эжен нажал одну из кнопок, и упавшая бомба разнесла его. Взрыв оказался таким сильным, что истребитель подкинуло воздушной волной. Поднявшись высоко в небо, Камиаста сбросил ещё несколько бомб на здание космодрома, и оно полностью разрушилось. Друзья заметили, что это знакомая им планета Нейтриол.

В погоню за судном бросились несколько таких же кораблей. Камиаста пустил назад десяток ракет — и два истребителя были взорваны. Другие вскоре отстали.

— Слабеют алгольцы, — заметил правитель Альфы Центавры. — Раньше нас бы сразу настигли. Ну вот... Теперь наш путь лежит в Солнечную систему.

— В родную Солнечную систему, — улыбнулся Лучьян.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Прилетев в Грайюнкм, Лучьян написал короткую речь и прочитал её по телевидению и радио:

«Уважаемые, дорогие жители Солнечной системы!

Над нами нависла большая опасность. Армия Алголя, завоевавшая десятки звёздных систем, совсем скоро может вторгнуться и в нашу. Страшно представить, что будет, если миллиарды этих чудовищ придут сюда...

Ваш покорный слуга и его спутники стали очевидцами того, как алгольцы разрушают, грабят города Альфы Центавры, убивают мирных жителей. Если вы не хотите, чтобы подобная участь постигла и нас, нужно действовать! Собрать войска и предупредить удар врагов, оказать помощь Альфе Центавре, отбросить подальше полчища варваров! Эти жестокие существа, погубившие бесчисленное количество мирных жителей, недостойны жизни!»

После речи Лучьяна по телевидению показали видеоряд. Операторы засняли страшные битвы и бомбардировки, разрушенные города, груды тел убитых. Это очень потрясло жителей Солнечной системы. И миллиарды их вызвались добровольцами на войну против алгольцев...

Лучьян за короткое время составил план нескольких операций. Ему не особо верилось в то, что Альфу Центавру освободят от оккупантов. Необходимо было полностью оценить силы противника, прежде чем вступать с ним в бой. И мог найтись какой-нибудь подвох. У изобретательных алгольцев наверняка имелись тайные уловки: телепортация, сверхсветовая связь, ядерное оружие и прочее.

В самом большом мегаполисе Сатурна Леопальде состоялось собрание правителей всех стран планет-гигантов Солнечной системы по поводу предстоявшей войны. Обсуждалось, кто будет участвовать в ней, сколько средств нужно выделить. Говорили о поставке оружия, продовольствия, медикаментов и другого.

Мероприятие было сорвано известием о бомбардировке Плутона алгольцами. Теперь все поняли, насколько близка уже опасность... В Солнечной системе объявили военное положение. Лучьяна назначили главнокомандующим армией, собранной на Юпитере, Сатурне, Уране и Нептуне, а Камиасту — его заместителем. Один из отрядов возглавил сын нашего героя Кристиан.

Алгольцев, проникших в Солнечную систему, юпитериане с трудом разгромили возле орбитальной станции Плутона.

Миллионы кораблей с военных баз планет-гигантов соединились в одну вереницу и взяли курс на систему Альфа Центавра. Впереди летел военный космический флот — ударный, истребительно-крейсерский, линейный и вспомогательный (транспортные, специальные суда), за ним планетарные силы — грузовые корабли с боеприпасами, продовольствием, медикаментами. Лучьян, Камиаста и их друзья двигались в ударном флоте, в самом носу, прикрытые только несколькими рядами судов.

Устремившиеся к Солнечной системе алгольцы не ожидали, что им встретится её войско из ста миллиардов бойцов, и поэтому летели к ней небольшими группами кораблей, и врагов быстро уничтожали шквальным огнём.

— Они думали, что захватят Солнечную систему сразу же, — говорил Лесмян. — Как бы не так!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Алгольцы перестали рассчитывать свои силы, командиры всё реже согласовывали действия с правителем. Гасан был мало озабочен войной, наивно полагая, что его армия с лёгкостью завоюет и Солнечную систему. Но там она потерпела поражение...

Приблизившись к Альфе Центавре, войска планет-гигантов начали обстреливать из дальнобойных орудий корабли алгольцев, расположившиеся на её границах. Лучьян действовал вместе со всеми — закладывал снаряды и ракеты, пускал их в суда противника, летал в разведку. Он дал распоряжение: в случае гибели его заменит Камиаста, а Эжена — Лесмян, им старик доверял безоговорочно.

Алгольцы, оккупировавшие планеты Альфы Центавры, жестоко мучали порабощённые народы. Террор, убийства мирных жителей длились уже несколько десятилетий. Возникли партизанские движения против захватчиков. Но количество врагов всё увеличивалось: прибывали новые силы из системы Алголь. Бедные пленники поняли, что эта оккупация будет продолжаться вечно...

Войска Солнечной системы три года терпели неудачи, отступая всё дальше и дальше в межзвёздное пространство. Лучьян предпринял тактику внезапных нападений в разных концах Альфы Центавры, и это дало результаты — алгольцы, опасаясь противника, начали отодвигаться в её глубь. Лесмян сформировал заградительные отряды, дежурившие на границах системы — они вели огонь по отступавшим кораблям.

Наконец ударный флот Солнечной системы пробился к планетам.

К Деатуму он пока не приближался из-за огромного скопления алгольских войск вокруг него, но на Мариору сесть смог. Сатурнианский отряд капитана Зетилуса с помощью разведки добыл план устройства вражеских истребителей.

Внутренние конфликты алгольцев вели к отступлению их армии. Юпитериане взяли в плен крупного военачальника Териса, и он на допросе добровольно сообщил им нужную информацию, понимая, что опьянённые победами командиры и солдаты лишились единства и дисциплины и обречены на поражение. Гасан узнал об этих неудачах и сильно удивился и разгневался. И приказал расстреливать воинов, проявлявших разгильдяйство и трусость.

Алгольцы, поняв, что проигрывают, решили с помощью ядерного оружия уничтожить Альфу Центавру, чтобы она не досталась противнику. Но их репрессированные солдаты, ожидавшие своей участи за решётками, выкрали чертежи той станции на Нейтриоле, где находились боеприпасы, и смогли передать их сатурнианам. Теперь войска Солнечной системы располагали необходимыми сведениями о неприятеле.

Где-то на Мариоре, в подземном укрытии, Лучьян, Лесмян, Камиаста и их друзья праздновали начало наступления. Они ужинали, пили вино. Лучьяну не верилось, что армия Солнечной системы сделала такой огромный рывок. Казалось, что алгольцы отступают специально, чтобы окружить её со всех сторон и уничтожить. Половина воинов планет-гигантов погибла; с Юпитера и Сатурна прилетело подкрепление — двадцать миллиардов солдат.

Лучьян вспоминал о том, как когда-то армады вражеских кораблей бомбили этот спутник и они с товарищами едва не теряли сознание от страха. Это было давно. Сейчас он уже ничего не боялся. И собирался воевать до последней капли крови, чтобы выгнать подальше проклятых оккупантов.

— Выпьем за нашего мудрого, бесстрашного, самоотверженного военачальника Лучьяна! — сказал Камиаста, и зазвенели бокалы.

Лучьян понял, что теперь он не может не победить алгольские полчища.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. БИТВА ЗА НЕЙТРИОЛ

Когда стало известно, что на Нейтриоле находится та самая станция с ядерным оружием, около сотни тысяч истребителей под командованием Лучьяна устремились туда. Примерно

столько же кораблей под руководством Камиасты начало прорываться к гигантскому Деатуму.

К Нейтриолу долго не могли пробиться — он охранялся лучше других планет. Алгольцы вели такой сильный огонь, что флот Лучьяна отступил, потеряв за короткое время несколько тысяч кораблей. Камиаста, поняв, что первоначально нужно взять Нейтриол, направил свои части туда. Лучьян предпринял новое наступление, и все войска Солнечной системы, соединившись, окружили планету и нанесли сокрушительный удар по врагу. Не переставая били пушки, летели бомбы, всё горело. Всё слилось в один огромный пожар — и на планете, и в космосе. Нейтриол пылал, словно подожжённый клубок ниток или бумажный шар: на нём было много горючих материалов.

Отряд Кристиана первым прорвался к нему, но его уничтожили вражеские истребители. Так погиб любимый сын Лучьяна. Ещё несколько групп кораблей разнесло бомбами при посадке. Однако вскоре юпитериане и сатурниане разгромили остатки алгольских частей, охранявших планету, и благополучно сели на неё.

Пробившись к нужной станции на бронемашинах, войска Солнечной системы извлекли ядерные боеприпасы, вывезли их за пределы Альфы Центавры и там взорвали.

Эти события стали переломным моментом не только в Освободительной войне, но и во всей истории алгольцев: они впервые проигрывали космические битвы и отступали.

Гасан, осведомлённый о том, что его армия оставляет противнику планеты, понял, что репрессиями уже ничего не исправишь — каждый боец теперь на счету. И велел отправить в Альфу Центавру новое подкрепление. Он был удивлён, когда ему сообщили, что пленники, сбежавшие от него, теперь руководят войсками Солнечной системы.

— Мои бойцы не могут одолеть этих лилипутов! — в ярости кричал Гасан. — Позор алгольской армии!

Он назначил высокую награду за головы Камиасты, Лучьяна, Лесмяна, Зила, Эла и других.

Тем временем великанам с Сатурна в своих гигантских кораблях удалось прорваться к Деатуму. Штаб-квартира командования теперь разместилась на этой планете, в городе Тредифе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. НА ПУТИ К ПОБЕДЕ

Понадобилось десять лет для того, чтобы освободить Деатум от алгольцев.

Сначала войска Лучьяна терпели неудачи. Великаны стали продвигаться на бронемашинах в разных направлениях, ведя бои с оккупантами за каждый город и селение, но враги побеждали их и заставляли отступать.

Алгольский капитан Паранбо составил план операции по захвату штаб-квартиры командования противника. Несколько тысяч его кораблей устроили бомбардировку Тредифа. «Нас укрыли в надёжном убежище, — вспоминал Лучьян. — Но мы были уверены, что не выживем — бомбы сыпались как песок, вокруг грохотало. Алгольцы стёрли с лица планеты не только этот город, но и окрестные селения». Танковые части неприятеля прорвались к штаб-квартире, однако их выбили из разрушенного Тредифа вовремя подоспевшие нептуниане на бронемашинах. Паранбо, пришедший туда с армией, попал к ним в плен.

Тем временем на Мариоре развернулось крупномасштабное танковое наступление юпитериан и сатурниан на алгольцев. Их базу захватили, много информации добыло командование Солнечной системы. Враги начали эвакуироваться с планеты — они не имели больше сил и ресурсов для продолжения войны. Солдаты умирали от голода и болезней. Вскоре Мариора была освобождена от оккупантов.

У алгольцев случился крупный разлад в войсках. Некоторые руководители предлагали армии сдаться, чтобы не губить бойцов: исход войны был уже очевиден. Но Гасан велел сражаться до последнего, и большинство начальников с ним согласилось. Однако остальные сложили оружие... И таким образом армия раскололась на две части. А потом она совсем распалась: командиры стали бороться между собой за земли и создавать на захваченных территориях собственные империи. Каждый преследовал только личные цели, не задумываясь об общих.

Войска Солнечной системы тем временем крепили, все действовали слаженно, разногласий не возникало. У всех была одна миссия — освободить Альфу Центавру от алгольцев. Её жители вели партизанскую войну, помогали всем, чем могли, своим спасителям, которые уверенно продвигались по планетам. Высадившись на экваторе Деатума, сатурниане отправились на запад, юпитериане — на восток, ураниане — на север, нептуниане — на юг, жестоко дерясь с захватчиками, обращая их в бегство. В разрушенных городах и селениях лежали на улицах груды тел. Алгольцы применяли самое страшное оружие против аборигенов, выпускали на них гигантских хищников и ядовитых мутантов. Но бойцы Солнечной системы смогли уничтожить и опасных животных. Теперь мирные жители, находившиеся

в рабстве несколько десятилетий, не могли поверить в то, что они на свободе... Воины отдавали им свои запасы провизии, оказывали медицинскую помощь, захоранивали погибших.

Во время пребывания здесь враги сильно погубили природу, вырубив множество лесов, загрязнив мазутом реки, уничтожив бессчётное количество животных.

Теперь нужно было помочь всем вернуться к прежней жизнедеятельности и восстановить разрушенное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПОБЕДА

Гасан отправлял в Альфу Центавру миллиарды солдат, но это уже не помогало: они не могли справиться с войсками Солнечной системы, их прилетавшие корабли уничтожались сразу. То была уже не великая армия, считавшаяся непобедимой, а её жалкие остатки, безуспешно пытавшиеся бороться.

Начались переговоры о капитуляции алгольцев. Потом Лучьян, Камиаста, один из военачальников Альфы Центавры Бруно Янкель и алгольский командир Фатон Маэл подписали договор о прекращении войны.

Неприятельская армия должна была покинуть систему Альфа Центавра в короткие сроки. Оставшимся на много лет в плену алгольцам приказали восстанавливать разрушенные города и природные ресурсы. Систему Алголь обязали возместить весь материальный ущерб, который она нанесла системам Альфа Центавра и Солнечной — колоссальные средства. Также на неё налагалась сумма за потерянных бойцов — для выплаты пенсии семьям погибших. Из ста двадцати миллиардов воинов Солнечной системы в живых осталась лишь десятая часть.

Гасан понял, что теперь самое разумное — дать то, что от него требуют. Он мог отозвать другие армии с завоёванных систем и вновь захватить Альфу Центавру, но правитель не хотел терять системы...

Камиаста обратился по радио и телевидению с речью к жителям систем Солнечной и Альфа Центавра:

«Дорогие друзья!

Случилось невероятное. Алгольская армия была разгромлена и признала своё поражение. В систему Алголь отправились уцелевшие корабли противника, и хочется верить, что захватчики покинули нас навсегда...

Уже четыре миллиона лет войска Алголя считались самыми сильными и страшными в нашем рукаве Галактики. Они

легко завоёвывали одну звёздную систему за другой, быстро захватывая их планеты. Никто ещё не мог им противостоять. Одно слово «алгольцы» приводило в ужас народы Местного рукава...

Доблестная Армия Солнечной системы — единственная армия, которая смогла не только остановить полчища варваров, но и отбросить назад, выбить из нашей системы. Как ни парадоксально это звучит, воины Алголя побеждены и сломлены. Хочется надеяться, что захватчиков удастся изгнать и из других систем. Солнечная система уже дала толчок к этому. Мы вечно будем прославлять её непобедимую Армию, избавившую нас от жестоких оккупантов!

Эта война была колоссальной по своим масштабам. Она длилась около двадцати лет. Армиям системы Альфа Центавра уже давно пришлось сдаться. Войска Солнечной системы одолели алгольские полчища, но в живых осталась лишь десятая часть освободителей. Наш долг — позаботиться о семьях убитых и раненых воинов.

Многие бойцы захоронены на планетах нашей системы, часть погибших доставят в Солнечную. Вечная слава всем, кто принимал участие в этой войне, оказывал помощь Альфе Центавре! Вечная память отдавшим жизни! Этот подвиг навсегда останется у нас в сердцах.

Теперь же нам предстоит долгий и нелёгкий путь восстановления нашей системы из руин, и, надеюсь, мы все сообща пройдем его до конца!

С победой вас, дорогие жители систем Альфа Центавра и Солнечной!»

Лучьян и его друзья не сразу отправились в Солнечную систему. Они присутствовали на суде над алгольскими командирами, который длился два года. Разбирались дела о военных преступлениях, предъявлялись их неопровержимые доказательства: фотографии, видеозаписи, свидетельства очевидцев, документы оккупантов. Камиаста был главным обвинителем в этом процессе.

Лучьян также давал показания против алгольцев. Он поведал о бомбардировке Мариоры и Нейтриола, о разрушении врагами поселений, уничтожении мирных жителей, разграблении городов, об условиях жизни пленных, одним из которых являлся сам.

Наконец судьба алгольских военачальников была решена. Особо злостных преступников сожгли, других расстреляли, менее провинившихся заключили в колонии на неопределённый срок. Гасана Великого заочно приговорили к публичному сожжению. Некоторые командиры Солнечной системы предлагали напасть на систему Алголь и захватить её правителя живым или мёртвым, но потом оставили эту идею, зная, что его войска, узнав о нападении, могут вернуться из завоёванных систем и добить их армию.

Так закончилась оккупация алгольцами системы Альфа Центавра.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Лучьян был сильно измучен долгой войной. Камиаста предлагал ему остаться в Альфе Центавре, пожить в специальном санатории для ветеранов, но тот собрался лететь домой.

— Я очень скучаю по своему Юпитеру, — сказал он другу. — Полечу к себе, перевезу тело Кристиана, захороню в Грайюнкме, там повидаюсь с моими родственниками и друзьями. Расскажу им о наших приключениях в системах Альфа Центавра и Алголь...

— Мне кажется, они длились целую вечность... — тихо ответил Камиаста. — Хорошо, что со мной были вы — мои лучшие друзья. Спасибо вам за всё...

— И тебе спасибо, Эжен...

Договорившись отправлять друг другу послания, они расстались. Лучьян и его спутники отправились в Солнечную систему. В межзвёздном пространстве их корабль разминулся с вереницей грузовых судов — то возвращались в Альфу Центавру эвакуировавшиеся из неё жители.

В Грайюнкме Кристиана похоронили в присутствии нескольких тысяч людей. На могиле установили памятник с его изображением в скафандре и надписью:

«Вечная слава тебе, великий капитан. Ты останешься в наших сердцах...».

После войны власти двух звёздных систем награждали всех её участников, стараясь никого не забыть, и большинство их получило награды посмертно... Выжившим командирам

и бойцам и семьям погибших вручались ордена, медали, ленты, знаки отличия и другое. Некоторым военачальникам присвоили звание Героя той страны или даже планеты, откуда они были родом — например, Зил, Эл и Конн стали Героями Ганакоры, а Лесмян — Героем Юпитера. Лучьяна как главнокомандующего удостоили звания Героя Солнечной системы, хотя он отказывался, говорил, что воевал только ради благополучия её народов и никаких наград ему не надо. Люди, встречавшиеся ему на улице, обнимали, целовали старика, называли спасителем, освободителем, а тот отвечал, что это заслуга не его, а ста с лишним миллиардов солдат...

Конн взял к себе своего прапрадеда Лесмяна и Лучьяна, чтобы заботиться о них. Он поселил их в особняке на окраине Грайюнкма, где жил с огромным семейством. Лучьян первое время чувствовал облегчение оттого, что закончились мучения и жизнь стала спокойной, но после заскучал. Однажды Лесмян увидел слёзы на глазах у брата и спросил:

— Почему ты плачешь?

А тот не мог объяснить, почему. Одно примешивалось к другому: развившаяся нервная болезнь после плена и войны, воспоминания о маме и жене, о погибшем в битве сыне, о страшных зверствах алгольцев, думы о горях в семьях погибших бойцов... И эти мысли терзали его, и он не мог не плакать...

КНИГА ДЕСЯТАЯ

ПАДЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОБЫТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВЕКА

У корабля, в котором летели Лучьян и внук Конна Термеза, отказал двигатель, и он упал в болото.

Старик и отрок открыли дверь и выскочили наружу. И тут же судно начало проваливаться в топь...

— Прими вертикальное положение, — велел Лучьян.

Распластавшись на поверхности болота, они медленно поползли к берегу. Наконец Лучьян вылез на песок и помог выбраться Термезе.

— Зачем ты спрятался в кладовом отсеке? — спросил он мальчика. — Зачем полетел со мной?

— Я хотел побывать на той планете, про которую ты так много рассказывал, — ответил Термеза. — Ведь это Земля?

— Да, это Земля, мы сейчас находимся на Руси, — улыбнулся Лучьян. — Это чудесная страна. Посмотри, какая красивая здесь природа!

Они шли по берегу реки, любуясь зеркальной водной гладью, в которой отражалось синее небо, повисшие в нём облака, лес на другом берегу. Было тихо, лишь деревья шелестели да птицы приглушённо кричали вдали.

Вот показалось несколько домиков — деревенька. Старики сидели на завалинке, детишки бегали и резвились, женщины полоскали бельё в реке.

— Люди добрые, не скажете ли, что это за местность? — обратился Лучьян к старикам, вспоминая русский язык.

— Это Междуречье, деревня Головнино, — ответил один из них. — Ты, видно, издалека прибыл, путник?

— Да, из далёких краёв, — кивнул Лучьян. — Со своим родственником Термезой добирался сюда. Бывал ранее на Руси и теперь снова захотел вернуться. Меня зовут Лучьян.

— Имена-то какие... нерусские... — сказал тот же старик. — Пойдёмте ко мне, странники, дам вам приют. Меня проще зовут — Федот.

Он представил гостям других стариков. Хлебосольные жители деревни накормили и напоили путников, а после Федот повёл их в свою избушку. Они с Лучьяном положили Термезу спать на печи и сами легли на лавках возле неё

— Давно я не был на Руси, — сказал Лучьян. — Ещё при Александре Невском здесь служил, а потом вернулся к себе на родину.

— Погоди, да ведь Александр Ярославич почил раньше, чем я родился! — удивился Федот. — Сколько же тебе лет?

— В этом году ровно четыреста будет.

— Неужто в ваших краях столько живут?

— Да, долго у меня на родине живут, — закивал Лучьян. — И по тамошним меркам я уже глубокий старик. Не думал, что такой длинный век у меня будет... Вот ты смотри: и Владимира Красное Солнышко видел, и Ярослава Премудрого, и Юрия Долгорукого, и Андрея Боголюбского, и Всеволода Большое Гнездо, и Александра Невского... А что же, интересно, после Александра на Руси происходило?

— Я тебе расскажу, — Федот приподнялся на лавочке. — Я ведь сказитель, всё знаю, что на Руси случается. Слушай. После Александра княжил его брат Ярослав. Плохой был мужик, не любил он свой народ. Новгородцев притеснял. Не отличался ни добротой, ни храбростью. Сам не водил войско в сражение, посылал вместо себя других князей. Сын Александра Андрей тоже оказался гнилым человеком: отнял у брата Дмитрия престол владимирский, расположил к себе ханов, задоблив их угодничеством и подарками, подстроил многие татарские набеги на Русь. Единственным хорошим его делом стала победа над шведами, которые рвались захватить наши земли. Эх, кто только не шёл на нас войной...

Федот встал с лавки, глотнул из кувшина холодного молока, угостил Лучьяна и подошёл к окну, за которым стемнело.

— Я тогда родился, помню то время. Много было бедствий: вихри сильные, засухи, неурожай, всё от жары посохло, пожар бушевал в лесах. Да ещё огненный змей в небе появлялся, всех испугал...

«Комета», — подумал Лучьян.

— Правители русские возводили друг на друга напраслину в Орде. Князь Георгий сказал хану Узбеку, что князь Михаил отравил его сестру, хотя неизвестно, кто вправду был повинен в её смерти. И Узбек казнил Михаила против своей воли. Видишь, как поступают наши князья!

— Мне даже не верится... — ужаснувшись, ответил Лучьян.

— Но сын Михаила Дмитрий Грозные Очи встретил Георгия во время поездки в Орду и убил мечом прямо при Узбеке.

— И поделом.

— Да только Дмитрия казнили за это... На великокняжеский престол пригласили его брата Александра Михайловича. Но потом в Орду прибыл двоюродный брат Узбека Шевкал со многими татарами и в Тверском княжестве пошли слухи о том, что они хотят сделать русских магометанами, умертвить князей и поделить между собой их города. И жители Твери убили всех находившихся там татар. Это страшно разгневало Узбека, и он послал князя Ивана Даниловича уничтожить всё Тверское княжество, пообещав сделать его великим князем. Тот исполнил повеление. Со своей дружиной разрушил Тверь, Кашин, Торжок и окрестные селения, одних людей лишил жизни, других — увёл в плен. И стал великим князем. Александр Михайлович бежал в Псков, а его младшие братья — в Ладугу.

— До чего же опустили русские князья...

— Ивана Даниловича, правда, народ любил. Этот князь говорил о том, что Руси нужен один великий предводитель, а не несколько ничтожных. При нём возвысилось Московское княжество. Москва — она ведь и должна быть главным городом на Руси: в самом сердце её располагается. Я посещал её когда-то в молодости, гулял по ней, там такие терема большие...

Лучьян вспомнил, как двести лет назад Москва была ещё совсем маленькой деревушкой...

— Иван Данилович носил калиту — мешок с деньгами, которые он раздавал нищим, — продолжил Федот. — За это его прозвали Калитой. Рассказывали, будто один бедняк, получив у него милостыню, снова подошёл с другими за подаванием, думая, что князь его не узнает. «Возьми, несытые зеницы», — протянул ему тот горсть монет. «Сам ты несытые зеницы, — ответил нищий. — Хочешь сыскать себе славы и здесь, и на небесах!» Ивана Даниловича называли собирателем земли Русской и государем-отцом. Он умер несколько лет назад, теперь княжит его сын Семён Гордый.

— Надо бы поглядеть, как Москва изменилась... — задумчиво проговорил Лучьян.

— Будь осторожен: тут свирепствует моровое поветрие, — предупредил Федот. — Сколько людей уже преставилось за последнее время! Живёт себе человек спокойно, потом начинает кровью плевать, два-три дня помучается и умирает. И откуда только такая беда пришла! Много городов это поветрие облетело...

— За себя я не тревожусь, мне уже никакая смерть не страшна, — ответил Лучьян. — За Термезу боюсь. Мальчик со мной захотел сюда отправиться, на Русь посмотреть.

Он замолчал, прислушался. Термеза тихо сопел — он видел уже десятый сон, утомившись от долгого полёта на Землю.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ИВАН КРАСНЫЙ И ЕГО СЫН ДМИТРИЙ

Много горя увидели Лучьян и Термеза, когда шли в Москву. Моровое поветрие облетело города русские. Никого оно не пощадило — в каждой избе оплакивали умерших. Возле церкви выкапывали ямы и зарывали по двадцать-тридцать человек. Печально звенели колокольни...

Князь Семён Гордый находился уже при смерти — не смог уберечься от эпидемии. Недавно скончались его сыновья — двухлетний Иван и новорождённый Семён. Теперь в присутствии духовника, братьев и старших бояр он диктовал завещание. Все

земли оставлял княгине. Братьям велел жить в мире и согласии, не клеветать друг на друга и не слушать тех, кто клеветает. «А по благословию нашего отца, что нам приказал жити за один, так и я вам приказываю жити за один...» — написал князь в своей духовной грамоте.

Прибывших в княжеский двор Лучьяна и Термезу встретил брат Семёна — Иван Красный, молодой человек лет двадцати пяти, среднего роста, русоволосый, с большими зелёными глазами.

— Доброго здравия, путники, — поприветствовал он их. — Поздно вы пришли, князя Семёна уже схоронили. Я его брат Иван.

Лучьян и Термеза представились ему, и князь провёл гостей в дом.

— Семён сделался таким худым и бледным, он умирал три дня... — вспомнил Иван.

— Сколько горя принесло народу это поветрие! — ответил Лучьян. — Мы в каждой посаде и селении слышали плач, видели покойников.

— И здесь, в Москве, их не успевают отпевать, — вздохнул Иван.

Лучьян и Термеза были приглашены на ужин. И во время него молчали, наблюдая за братьями Семёна, боярами и слугами — немногословными, задумчивыми. В комнату вбежал маленький мальчик и остановился, удивлённо оглядывая гостей.

— Это мой сын Дмитрий, — сказал Иван.

Малыш внимательно смотрел на Лучьяна. Кто этот старик с длинной белой бородой? Кудесник? А может, сам Перун или Белобог из сказок? Наверное, он очень добрый — у него такое приветливое лицо...

— Дмитрий? А я Лучьян, а это Термеза, — представился старец.

— Лука? — переспросил мальчик.

— Ему трудно выговорить твоё имя, вот он и сказал: «Лука», — улыбнулся Иван.

Лучьян подошёл к Дмитрию, взял его на руки. Шапка густых русых волос едва не закрывала малышу глаза, такие же зелёные, как у отца.

— Лучьян, — Иван Красный поднялся из-за стола, подошёл к ним, — я знаю, кто ты такой. Ты был верным слугой Александра Невского, твоё имя дошло и до нас. Не знаю, как тебе удалось дожить до стольких лет и что привело вновь на Русь... Соскучился по нашей земле?

— Да, это так, Иван...

— Я теперь собираюсь идти на Новгород. Могу ли доверить тебе свой двор?

— Можешь без боязни оставить его на меня. Но зачем ты идёшь на Новгород?

— Новгородцы не хотят видеть меня, наследника Ивана Калиты, великим князем, и я собрал дружину для похода на них.

— Делай как знаешь, но лучше великое княжение получить миром, нежели войной...

Иван Красный отправился с войском к Новгороду, а Лучьян стал присматривать за двором, заботиться о семье князя. Мальчик-княжич очень привязался к нему. Старик называл его Митенькой. Когда он приходил в детские покои, тот бежал навстречу, чтобы обняться. Наш герой был очень тронут этой любовью ребёнка, чистой, искренней. И сам по-отцовски полюбил малютку. И впоследствии сделался для него хорошим воспитателем и наставником.

Каждый вечер перед сном Лучьян рассказывал малышу о своей жизни. Митя узнал о его детстве, о служении Владимиру Святому, Юрию Долгорукому, Андрею Боголюбскому и Александру Невскому. Эти истории были такими интересными, что мальчик хотел слушать их, даже когда у него уже слипались глаза, но старик желал ему спокойной ночи, целовал и уходил.

Лучьян воспитывал и сестру Мити Любу — белокурую синеглазую девочку. Позже её засватали за одного из внуков литовского князя Гедимина. Мать детей Александра ждала ещё одного ребёнка.

И вот возвратился из похода Иван. Новгородцы попросили у него прощения, принесли ему дары, и князь повернул дружину обратно.

— Останешься ли ты при дворе? — спросил он Лучьяна.

— Да, — ответил тот. — Позволь Термезе тоже остаться. Он тоже будет служить тебе верой и правдой, княже.

— Хорошо, — согласился Иван. — Приму его в свою дружину.

Так и остались наши герои при княжеском дворе. Термеза сделался воином князя, а Лучьян по-прежнему занимался хозяйством, присматривал за детьми. Княгиня Александра родила сына, которого называли, как и отца, Иваном.

Лучьян с Митей каждый день гуляли по Москве. Разглядывали маленькие домики и большие терема, церкви, крепости, в том числе Кремль, обнесённый дубовыми стенами; ходили по бревенчатому мосту через Москву-реку. Мальчик играл со своими сверстниками, а воспитатель с улыбкой наблюдал за ними.

— Митя, — сказал он однажды, когда они возвращались с прогулки, — почему ты назвал Федю шепелявым? Он же обидится.

— А его все так зовут, — ответил княжич. — У многих ребят есть прозвища: кто Хромой, кто Косой, кто ещё какой-нибудь. И никто на это не обижается. Бывает, что человека всю жизнь так кличут.

Вскоре Митю перевели от няnek и кормилиц к дядьке, который должен был воспитать из него воина. Мальчику прилюдно состригли прядь волос на голове и усадили его верхом на коня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МИТРОПОЛИТ АЛЕКСЕЙ

Другом Лучьяна стал митрополит Алексей, прославившийся своей мудростью и чудодейственными способностями. В миру его звали Алферий, родом он был из Чернигова. Родился в семье боярина Фёдора Бяконта, который потом пришёл на службу к московским князьям.

Алексей служил в Богоявленском монастыре. Любил читать, хорошо изучил греческий язык, перевёл с него на русский язык Евангелие. Митрополит Феогност назначил его своим преемником. Но вскоре они узнали, что в болгарской столице Тырново тамошний патриарх поставил на Русь другого митрополита. И Алексей отправился в Константинополь, чтобы решить возникшую проблему.

Его приняли патриарх Филофей и император Иоанн VI Кантакузин. Почти год он прожил при патриаршем дворе, прошёл испытания и наконец был посвящён в митрополиты. Ему дали грамоту с патриаршей печатью и грамоту для игумена Сергия.

Позже, когда на Русь поставили ещё одного митрополита, Алексей снова ездил в Константинополь и отстоял свой титул.

— Митрополичья кафедра и прежде находилась во Владимире, а теперь и по бумагам перенесена туда из Киева, — сказал он как-то Лучьяну. — Бывал ли ты там?

— Во Владимире я был очень давно, — ответил тот, вспомнив время княжения Андрея Боголюбского. — И тогда князья враждовали между собой, а сейчас их распри только усилились...

— Да, я не могу смириться с этим, — вздохнул Алексей. — Раздоры губят Русь-матушку. Правители земель идут войной друг на друга вместо того, чтобы собраться вместе и разбить татар, выгнать навсегда...

— Их бы давным-давно здесь не было, если бы князья стояли друг за друга, а не враждовали, — согласился Лучьян.

— Надо останавливать эти усобицы, — кивнул Алексей. — Нельзя попускать злу ни в чём.

Вскоре его вызвали в Сарай. Там ослепла мать хана Джанибека, вдова Узбека Тайдула, и вся надежда была теперь на Алексея, исцелявшего людей. Он поехал в Орду, привёл ханшу в церковь на границе с землями Руси, прочитал длинную молитву, протёр старушке глаза своим лекарством, и она прозрела.

Едва митрополит вернулся в Москву, как стало известно, что Джанибека, тяжелобольного, лишил жизни один из сыновей, Бердибек. Тот ранее убил и своих братьев. Конечно, это возмущало многих в Орде, но так поступал не только он. Его предки, в том числе и отец, тоже пришли к власти по трупам.

Бердибек стал новым ханом, и теперь русские князья, платившие дань Орде, обязаны были ехать к нему на поклон. Ивана Красного там приняли радушно.

Лучьян обучал Дмитрия, его брата Ивана и двоюродного брата Владимира чтению, письму и счёту. Дмитрий рос умным, серьёзным мальчиком, с мягким и добрым сердцем. Он прислушивался к наставлениям учителя, часто сам спрашивал у него совета. И начал задумываться над словами старика о том, что нужно объединить всех князей русских и возглавить борьбу с Ордой. Об этом говорили и Иван Калита, и Семён Гордый, и митрополит Алексей.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ЛУЧЬЯН И ДМИТРИЙ В ОРДЕ

Иван Красный умер тридцати трёх лет от роду. Это произошло скоропостижно, но завещание князь составить успел — наверное, ещё до поездки в Орду. Вернувшись оттуда, он стал жаловаться на ломоту во всём теле и, недолго проболев, скончался.

В завещании правитель разделил Московское княжество и саму Москву между своими сыновьями Дмитрием и Иваном и их двоюродным братом Владимиром. Дмитрию из других городов достались Коломна и Можайск, Ивану — Звенигород.

Дмитрий стал московским князем всего в девять лет. Суздальский князь, тоже Дмитрий, получил в Орде ярлык на Великое

княжение Владимирское. Это вызвало недовольство московских бояр, митрополита Алексея, Лучьяна. Великим князем должен был стать московский Дмитрий, ведь Москва теперь владела Великим княжеством.

— Князья и ханы татарские думают, что ты ещё мал, чтобы управлять всеми русскими землями, — сказал Лучьян воспитаннику. — Скоро мы поедem на поклон к новому хану Наурусу и решим этот вопрос.

Накануне поездки он успокоил княгиню, волновавшуюся за сына:

— Дмитрия никто не тронет. Татары не посягнут на его жизнь, пока я с ним. Князь вернётся невредимым.

Но он понимал, что в Орде всего можно ожидать. И готов был выменять свою жизнь на жизнь Мити, к которому привязался всем сердцем. И написал короткое письмо родственникам на Юпитер, намереваясь передать его с Термезой. Кто знает, вдруг это и правда последние дни...

И вот они — Дмитрий с Лучьяном и Термезой и несколько бояр — плыли в ладье по рекам русским. Сначала — по Москве, потом — по Оке, затем — по Волге, а после — по Каме. Леса поредели, потянулись поля. Термеза за эти дни наловил много судаков, окуньков, карасей и других рыбёшек.

Однажды, сделав привал на берегу, путники разговорились. Лучьян вспомнил, как при Александре Невском боролся с татаро-монголами, шведами и немцами.

— А где твой брат? — спросил Дмитрий, наслышанный о Лесмяне.

— Он в той стране, откуда я прибыл, — вздохнул Лучьян. — После долгой войны с алгольцами, которые гораздо страшнее здешних врагов, мы вернулись к себе на родину, пожилые немногие у дедушки Термезы — Конна, затем Лесмян снова ушёл в политику, а я отправился сюда.

— Наверное, та страна, где ты жил, очень далеко, раз я никогда не слышал о ней, — сказал Дмитрий.

— Да, невероятно далеко, — подтвердил Термеза, жаря на костре рыбу. — Не знаю, сможем ли мы теперь туда возвратиться...

Лучьян промолчал, подумав, что Лесмян обязательно прилетит на Землю, чтобы найти их с Термезой...

Путники проплывали мимо Мурома, Клязьмы, Нижнего Новгорода. Много торговых судов им встретилось — по Волге плыли купцы разных народностей. Вместе с Камой начались земли волжских болгар.

Новый Сарай удивил прибывших гостей своими огромными размерами. Они шли по городу, и Лучьян держал Дмитрия за руку, с тревогой глядя по сторонам. Навстречу им тянулись повозки. Всюду раскинулись базары; наперебой кричали продавцы и покупатели; люди спешили, толкались.

Прежде хана Дмитрий с Лучьяном посетили Тайдулу, которая вновь обрела зрение благодаря митрополиту Алексею. Она была приветливой, умной, приятной в общении женщиной. Несмотря на преклонный возраст, сохранилась её красота. Дмитрий отдал ей подарки. Ханша чем-то напомнила Лучьяну его мать — может, и вправду походила на неё, а может, он просто скучал по близкому человеку... Старушка рассказала гостям о покойном муже Узбеке, о потомках, которые постоянно враждовали и убивали друг друга, и о своём чудесном исцелении.

Затем они предстали перед Наурусом. Лучьян сказал ему, что ярлык на Великое княжение должен получить Дмитрий, московский князь.

— Кто же будет помогать ребёнку управлять княжеством? Ты, старец? — спросил хан.

— Да, — ответил Лучьян.

Наурус сказал что-то слуге, и тот принёс чашу с напитком.

— Это кумыс, пусть князь выпьет, — кивнул хан.

— Прежде попробую я, — Лучьян взял чашу, сделал из неё глоток.

— Ты думаешь, что напиток отравлен?

— Я должен беречь Дмитрия. Мало ли князей русских здесь отравили? Они возвращались из Орды и умирали...

— Да ты смелый старик, — покачал головой Наурус. — Много ли ещё найдётся людей, способных сказать мне такое в лицо... Но за это я тебя уважаю. Ты мудрый старец, и видно, что по-настоящему любишь своего князя. Ступайте оба с миром.

Он дал Дмитрию ярлык на Великое княжение. Да только соперничество между московским и суздальским князьями продлилось ещё два года...

Когда гости покидали Сарай, Лучьян выкупил из плена нескольких людей, отдав за них все деньги, что у него были.

Двух человек — женщину с ребёнком — путники взяли с собой в Москву.

Город шумел им вслед — кричал голосами людей, стучал, гудел. Но они без оглядки плыли в свои земли, ставшие родными и Лучьяну с Термезой.

ГЛАВА ПЯТАЯ. СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Дмитрий Константинович, суздальский князь, считал, что он, как прямой потомок Александра Невского, имеет на Великое княжение не меньше прав, чем Дмитрий, князь московский. Тот был ещё мал, и власть находилась в руках бояр. Ничего хорошего из этого бы не получилось. Но не знал ещё Дмитрий Константинович, что его тёзка не по годам умный и слушает больше Лучьяна, мудрейшего старца, а не бояр.

В Орде это дело решили в пользу Дмитрия Ивановича. И он отправился с братьями, боярами и наставником во Владимир венчаться на Великое княжение. Там его препоясали тяжёлым воинским мечом. Лучьян пообещал князю оказывать ему помощь в государственных делах.

Проведя несколько дней во Владимире, они вернулись в Москву. Лучьян повидался с Термезой. Тот теперь стал высоким широкоплечим мужчиной с бородой. Он всё так же жил при княжеском дворе, был конюхом, ещё занимался кузнечным и гончарным делами. Женился на той женщине, по имени Устинья, которую выкупили из плена, и супруги растили её сына и двух общих детей — мальчика и девочку.

В следующем году Дмитрий снова поехал во Владимир, чтобы получить ещё один ярлык на Великое княжение — от хана Мамаю. Конечно, это выглядело странно — зачем князю второй ярлык? — но отказываться было нельзя.

А другой хан, Амурат, захотел отдать Великое княжение Дмитрию Константиновичу. Но суздальского князя и его сподручников, враждовавших с Москвой, заточили в темницу в Нижнем Новгороде. Позже он признал великим князем Дмитрия Ивановича.

Лучьян посетил Троицкую обитель, где жил игумен Сергей Радонежский. Ему тогда не было ещё и пятидесяти лет. Он знал, что его гость преданно служил Александру Невскому и теперь верно служит Дмитрию Ивановичу.

— Я много о тебе слышал, — сказал Лучьян Сергию. — Хочется побольше узнать о твоей жизни...

Тот удивился. Никогда ведь не желал прославиться, но всё равно стал известен на Руси... И игумен рассказал собеседнику вот что.

Он родился в селе Варницы под Ростовом, у зажиточных бояр Кирилла и Марии. При крещении мальчика нарекли Варфоломеем. В детстве грамота давалась ему с трудом. Научился читать только после благословения священника, предсказавшего, что он станет великим человеком. В юности соблюдал строгий пост и много молился. Часто посещал церковь и читал православные книги.

После смерти родителей Варфоломей с братом Стефаном построили церковь, которую затем освятил митрополит Киевский Феогност. Стефан отправился в Москву, там начал службу в Богоявленском монастыре. Варфоломей тоже был пострижен в монашество и принял имя Сергей. После он причастился, стал игуменом и священником.

Рядом с его обителью поселились монахи, построили кельи. Сергей занимался хозяйством: носил воду из родника, рубил дрова, готовил еду. Сам варил кутью, пёк просфоры, изготавливал свечи. Ходил в старой одежде. Каждый день служил литургию и давал наставления монахам.

Вода из источника возле монастыря исцеляла больных. Лучьян знал, что Сергей воскресил умершего мальчика, изгнал беса из безумного. И теперь многие обращались к нему за помощью.

— Когда я ещё не родился, моя мама в церковь пошла, и там я три раза прокричал из её живота, — поведал он. — Позже ей священник объяснил: это был знак того, что стану слугой Святой Троицы. Когда я здесь поселился, то дьявол с бесами приходили. Угрожали мне, но я отогнал их крестным знаменем. Случались и хорошие видения. Однажды на небе появился яркий свет и много-много прекрасных птиц, и голос мне сказал, что столько монахов будет в моей обители...

— Если тебе что-то понадобится, я всегда помогу, — сказал Лучьян, когда они прощались. — Очень рад, что поговорил с тобой.

— Спасибо на добром слове, — поблагодарил Сергей.

Новое поветрие унесло жизни матери и брата Дмитрия — Ивана. Князь плакал, убивался по ним, и наставник успокаивал его. «Лучше бы меня забрала смерть, — думал Лучьян. — Сколько молодых и детей умирает...»

Беда ещё больше сплотила их с Дмитрием.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. НОВАЯ МОСКВА

Работая в мастерской, Термеза изнывал от жары. Это лето было знойным. Выйдешь на улицу — там ещё душнее, и не знаешь, куда деться... И хоть бы лёгкий ветерок подул! Но всюду затишье...

Однажды так трудился Термеза — и вдруг услышал крики с улицы. Вышел — а там пожар. И именно тогда налетел сильный ветер. Огонь быстро перелетал с одной избы на другую, и люди не могли его остановить. Они едва успели вынести из домов самое нужное добро. Вскоре запылал весь город...

Загорелся и княжеский двор. Термеза добежал до него, влетел в горящее здание, но никого там не обнаружил. Задохнувшись, он потерял сознание. А очнулся, когда Лучьян вытащил его на улицу.

— Мои жена и дети! — закричал Термеза. — Они погибли!

— Нет, их увезли в Коломну, куда поехал и Дмитрий, — ответил Лучьян. — Все живы и здоровы. Мы тоже не можем здесь оставаться — надо переждать в другом месте, этот пожар уже не потушишь...

Они сели на коней и, пришпорив их, покинули город.

Москва сгорела дотла. Вместо города осталось огромное пепелище.

И теперь предстояло заново отстраивать его. На это дело собралось много народа — и горожане, и крестьяне, и наряды из волостей. Лучьян и Термеза участвовали в заготовке камня. Пришла зима, работать с началом морозов стало труднее.

Из Новгородской и Псковской земель прибыли мастера крепостного строительства. Они поведали об искусстве постройки каменных зданий, дали много хороших советов рабочим.

И Кремль теперь возводили каменный — одновременно на трёх разделённых участках. Целые дни кипела работа: тесали камни, обжигали известь, складывали новое здание. И оно росло. Его тесно окружили девять башен.

Лучьяну стали привычны звон металла, грохот камней, крики рабочих. Трудной была та зима, но он вспоминал её с радостью: снова выросла любимая Москва, и снова старик почувствовал

себя молодым, потому что физическая работа укрепила его здоровье и силы. Наш герой будто вновь родился, как и город.

Дмитрий Иванович женился на дочери бывшего соперника Дмитрия Константиновича Евдокии. Они обвенчались в Коломне, в каменной Воскресенской церкви. Отец невесты подарил зятю свой драгоценный пояс.

Лучьян и Термеза прибыли в тот же день из новой Москвы, поздравили молодых, пожелали им долгих и счастливых лет совместной жизни. Юный князь разговорился с любимым наставником, по которому сильно соскучился.

— Когда Москва сгорела, я подумал о том, что можно сделать главным городом Коломну, — сказал он. — Но теперь вы построили на пепелище новый город, более красивый, чем прежний!

— Новая Москва великолепна, — согласился Лучьян. — И она ведь связывает все города Руси, много лет была сердцем русских земель.

— Что правда, то правда, — улыбнулся Дмитрий. — Я уже представляю себе, какой будет новая Москва, как вырастет... И нарекут её «белокаменной»!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ОЛЬГЕРД

Лучьян снова пришёл в Головнино, где они с Термезой останавливались по прибытии на Землю. Там по-прежнему жил и здравствовал сказитель Федот, и наш герой вновь навестил его. Привёз ему подарки, угощения.

Тот позвал гостя обедать, расспросил о делах, и Лучьян рассказал о своей жизни.

— Теперь мы тяжбу разбирали, — вздохнул он. — Приехал в Москву пожилой кашинский князь Василий Михайлович и заявил, что тверской князь Михаил Александрович не по закону получил удел. Ну и пошли суды да пересуды, и решилось дело в конце концов в пользу Василия Михайловича, ему Тверской стол передали. Обиделся Михаил Александрович, видел я, что обиделся...

— Плохо это, плохо... — покачал головой Федот. — Ещё, чего доброго, Ольгерду расскажет, а тот и пойдёт войной на Русь...

— Да, они в родстве, как я слышал, — кивнул Лучьян.

— Ольгерд женат на сестре Михаила, — подтвердил Федот. — Теперь многие литовцы роднятся с русскими. И государство общее создали.

Он поведал гостю историю Литовско-Русского государства.

Крестоносцы завоевали и истребили многие литовские племена, но те из них, которые жили на реке Неман, создали государство, чтобы вместе защищаться от захватчиков. Им стал управлять отважный, но хитрый и злой князь Миндовг, которого поддержала знать в Западной Руси. Русские и литовские земли объединились для совместного противостояния внешним врагам. Правителем русских земель стал сын Миндовга Войшелк. Первый принял католичество, а второй — православную веру. Оба погибли в междоусобной войне.

При князе новой династии Гедимине Литовско-Русское государство расцвело, расширилось, подчинив себе Минское, Брестское и Киевское княжества. Теперь оно стало называться Великим княжеством Литовским. В землях, присоединённых к нему, сохранились их обычаи и традиции, порядок управления. Гедимин разослал по ним князей-наместников, чтобы собирали и платили ему небольшую дань за защиту от иноземного вторжения. Он основал город Вильно и сделал его столицей княжества. Там поселились представители многих народов с их культурами и традициями. В европейских странах Гедимина прозвали «королём Литвы и Руси».

Один его сын — Ольгерд — получил от отца восточную часть государства, другой — Кейстут — западную. Ольгерд княжил в Витебске. Он, как и родитель, «собирал» русские земли. Владел Полоцким, Витебским, Минским, Друцким, Лукомским княжествами, Туровской и Пинской землями.

Федот как в воду глядел. Обиженный Михаил отправился к Ольгерду и поведал о том, что дело разрешилось не в его пользу, а когда он решил силой вернуть удел, Дмитрий послал войска, чтобы усмирить мятежников. Со слезами на лице тверской князь просил вступить за него...

Ольгерд тут же двинулся с дружиной на Москву — не потому, что хотел отомстить за Михаила; просто был очень воинственным и пытался найти любой повод, чтобы напасть на другую страну. Смоленский князь Святослав не только не преградил ему путь, но и поддержал литовского правителя, намереваясь тоже нажиться за счёт его завоеваний. Тот захватил подмосковные города и подошёл к пепелищу столицы, которую ещё долго

предстояло отстраивать.

Но Кремль уже возвели, и Дмитрий находился там. Он впал в отчаяние, велел созвать ратников со всех земель Руси. Три дня стояло войско Ольгерда у белокаменных стен. Кто-то пустил слух о том, что Лучьян, опытный воевода, с большим ополчением идёт к Москве. И литовский князь двинулся обратно, грабя селения и уводя людей в плен.

Некоторое время спустя Святослава за измену родине отлучили от церкви. Михаил стал просить прощения у Дмитрия и митрополита Алексея. Но они не захотели его прощать.

И снова он бежал с жалобами к Ольгерду, и тот вновь повёл дружину на Москву, беря людей в плен, уводя скот. В это время Лучьян с ополчением из крестьян подошёл к Москве и примкнул к волоцкому полку, который затем оказал сопротивление Ольгерду. Прорвавшись к столице, тот постоял у Кремля несколько дней и отбыл восвояси.

Дмитрию пришлось ещё раз ехать в Орду — на этот раз вместе с ростовским князем Андреем Фёдоровичем. Митрополит Алексей проводил их до Коломны.

В Москву прибыло посольство от Ольгерда во главе с его зятем, городецким князем Борисом Константиновичем. Русская и литовская стороны закрепили премирную грамоту, по которой Михаила обязали отозвать своих наместников из захваченных великокняжеских городов и сёл, а Ольгерда — более не покровительствовать ему, если тот вновь устроит бесчинство. Также скрепили грамоту с новгородцами, они обязались служить и оказывать помощь великому князю. Ольгерд отдал свою дочь в жёны двоюродному брату Дмитрия Владимиру Андреевичу.

Князь Михаил всё никак не хотел униматься: он осадил Дмитров, сжёг немало окрестных сёл, взял с жителей откуп, многих увёл в плен.

Брат Ольгерда Кейстут и его сын Витовт разграбили Переславль. На обратном пути они разгромили Кашин и ближайшие селения. Наместники Михаила сожгли Торжок.

Не унимался и сам Ольгерд, стремившийся к захвату русских земель. Он повёл войско к Любутску, к нему присоединился Михаил со своими ратниками. И навстречу им вышла дружина Дмитрия. Они встали по разные стороны оврага. Сам великий князь, его воины, Лучьян и Термеза выжидательно смотрели на своих противников.

— Снова будут просить мира, я уже предвижу, — тихо сказал Лучьян.

Так и получилось.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. НА КНЯЖЕСКОМ ДВОРЕ

Как и все люди на Руси в ту пору, Лучьян ложился спать с заходом солнца и вставал с восходом. Когда он просыпался, княжеские слуги уже приступали к работе, слышался шум, разговоры.

Князь тоже поднимался рано. Он возмужал, пополнил, отрастил тёмно-русую бороду. За завтраком Дмитрий и Лучьян обсуждали текущие события, дела, говорили о планах на день. По-прежнему молодой человек обращался за советом к мудрому воспитателю. Иногда по утрам он беседовал с дьяком.

И вот начинался длинный рабочий день. Лучьян помогал Дмитрию вести государственные дела и, кроме того, исполнял обязанности садовника и огородника, а иногда и рыболова. Много работы у него было летом, но возиться в земле и ухаживать за растениями старик любил. Выращивал капусту, репу, лук, чеснок, редьку.

По вечерам он навещал семью Дмитрия. У князя умер шестилетний сын Даниил, наследник. Подрастали его младшие братья — Василий, Юрий и Андрей. Княгиня занималась вышиванием; Лучьян видел, как ей трудно пережить смерть ребёнка... Сказав женщине доброе слово в утешение и поддержку, он укладывал малышей спать, рассказывал им сказки и предания. Бывало, что они, расшалившись, не слушались его, и тогда старик делал вид, что обиделся и собирается уходить, и мальчики успокаивались.

Термеза располнел, отрастил длинную бороду. Он срубил избу на южной окраине Москвы и стал жить там с женой и тремя детьми. Занимался изготовлением великокняжеских печатей, чеканкой монеты. Оба сына работали вместе с ним.

Лучьян навещал и его семью. Изба у Термезы была небольшая. Хозяин сложил в ней глиняную печь. К стенам прикрепил лавки. Повесил в углу иконы Христа и Богородицы. Перед ними зажигали лампаду. На полках разместили деревянные чашки, глиняные плошки и горшки, железные сковороды и другую посуду. Термеза и его жена Устинья укладывались спать на полатах, дети — на лавках. Они стелили солому и дерюгу — грубую ткань из льняной пряжи. Хозяйка заботилась о чистоте в доме — почти каждый день мыла стол, лавки и пол.

Иногда Лучьян, Дмитрий и Термеза ходили с мужиками париться в баню.

Для крестьян, приходивших из других княжеств, великий князь приберегал опустевшие земли и сажал их «на слободы». Некоторых он определял на какой-нибудь промысел.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. МАМАЕВЫ НАБЕГИ

Русь впервые сделала наступательные шаги на татаро-монголов. Начало этому положили новгородцы, проникшие на территорию Орды, но перебитые её войском.

После Дмитрий Иванович отправился со своей ратью в поход на Булгарию. Там их встретили издали грохотом пушек; сначала русские воины подумали, что гремит гром, но Лучьян объяснил им, что это такое. Они смогли одолеть болгар, несмотря на их изобретение. И взяли откуп в пять тысяч рублей. Одну тысячу дали Дмитрию Ивановичу, ещё одну — Дмитрию Константиновичу, и три тысячи — воинам.

Вернувшись в Москву, Дмитрий Иванович узнал, что умер Ольгерд. Затем убили Кейстута, а его сын Витовт бежал к немцам. Великого князя сильно обеспокоили эти известия: дружеские отношения с Литвой были залогом спокойствия на Руси. Но сын Ольгерда Андрей остался верным союзником Дмитрия, и тот отдал ему Псков с согласия жителей города.

Мамай, разгневанный тем, что русские начали устраивать походы против Орды, сам решил напасть на их земли. Узнав об этом, Дмитрий Иванович собрал войско и привёл его к устью Оки, где к ним примкнули полки Дмитрия Константиновича. Они перебрались через реку, соединились с нижегородцами, пришли в мордовские земли, к реке Пьяне, и там стали выжидать отряды Мамай.

Воинов сморила июльская жара, они утомились, сняли тяжёлые доспехи. Кто-то выпил пива и мёда, кто-то на охоту отправился, а Лучьян, уставший и измученный, заснул, и ещё многие предались сну.

Мордовские князья показали татаро-монголам тайные тропинки к Пьяне, и те прошли почти под самым носом у русской разведки, не заметившей их. Ордынская конница неожиданно атаковала воинов великого князя, и они не успели оказать сопротивления. Кто бросился наутёк (многие, спасаясь, утонули в реке), кто попал в плен.

Лучьян в числе других оказался в неволе. Он так крепко заснул, что, очнувшись, не понял, где находится, и только после вспомнил поход и страшную жару, так не вовремя сморившую ратников...

Ордынцы захватили Нижний Новгород, сожгли там крепость, деревянные церкви и отправились разграблять окрестные волости.

В городах Руси оплакивали павших воинов. Дмитрий сокрушался о случившемся. Он с болью думал о потерях, негодовал по поводу предательства мордовцев. Хорошо, что городецкий князь Борис Константинович с дружиной наказал их — одних перебил, а другие утонули, уплывая от него по реке.

Великий князь беспокоился о пленных, сильно переживал за Лучьяна. Он понял, сколько потерял, лишившись своего доброго наставника. Неужели тот так и останется у врагов?.. Нет! Дмитрий готов был дать за него любой откуп.

Термеза отправился в Орду в качестве посла великого князя, чтобы узнать, за какие деньги согласятся татаро-монголы освободить Лучьяна. Там он повидал старика, и тот передал Дмитрию, что ничего платить не надо — сам убежит.

Термеза сообщил великому князю, что спрашивал у Мамаю об откупе, да тот поначалу не согласился отдавать мудрого старца, а потом назвал такую сумму, какая и во всей Руси не наберётся. Посол привёз Дмитрию такое письмо:

«Митя, пишет тебе Лучьян. Я жив и здоров. Хочу упросить тебя об одном. Не давай хану никаких денег, не проси больше за меня. Этот варвар только обеднит Русь.

Я собираюсь бежать, в скором времени буду уже в русских землях. Никому об этом не говори и об откупе больше ни словом не обмолвись. Подожди три года — если не вернусь, тогда ещё раз обратишься к Мамаю».

Лучьян знал, что попытка побега всё решит — либо он освободится, либо его убьют. И в любом случае через три года великому князю не придётся выкупать старика.

Мамай совершил ещё один поход в нижегородскую землю. Когда полчища ордынцев ворвались в Новгород, горожане стали переплывать на другой берег Волги; оттуда они наблюдали за тем, как враги разграбляют город. Потом его подожгли —

повалил клубами дым. А когда он рассеялся, захватчики уже ушли восвояси.

Год спустя ордынские войска под предводительством мурзы Бегича пришли на Русь. Великокняжеская рать вышла им навстречу. Воины переправились через Оку напротив Коломны и двинулись в южном направлении. Теперь они были во всеоружии, в полной боевой готовности. К ним примкнули прочане во главе с полководцем Даниилом Пронским.

Противники встретились на реке Воже. Русские окружили татаро-монголов, молниеносно ударили по врагам, зажали со всех сторон. Часть воинов Бегича уничтожили, за многими ещё гнались и, настигнув, тоже убили.

Зимой большое великокняжеское войско под предводительством князя Владимира Андреевича отправилось забирать у Литвы Брянское княжество. В походе участвовал воевода Дмитрий Михайлович Боброк и Андрей Ольгердович. Было взято много волостей, города Трубчевск и Стародуб. В захваченные земли отправили наместников Дмитрия Ивановича.

Наступившее затишье тревожило русских людей. Мамай притаился, не шёл больше на Русь. Неизвестно, что он там задумал...

И от Лучьяна не было никаких вестей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Мамай завоевал Астороканьский улус, Северный Кавказ, город Тану в устье Дона. Дмитрий Иванович узнал, что его орда движется к верховьям этой реки, и стал отправлять гонцов к другим князьям для переговоров.

В Москву приехали послы Мамаю и напомнили великому князю, что тот должен выплатить дань и остаться покорным хану. Но он ответил, что пока не может отдать требуемую сумму. Гости удалились.

Дмитрий Иванович, понимая, что битвы не миновать, стал просить тверского князя Михаила Александровича прислать воинов, вызвал из Боровска Владимира Андреевича, отправил разведчиков на реку Тихая Сосна.

Один из дозорных воевод, Василий Тупик, привёз великому князю ордынского языка, от которого достоверно узнали, что Мамай собирается напасть на русские земли и уже договорился

о совместном походе с рязанским и литовским князьями, но литовцы так и не присоединились к нему.

В Москву прибыли полки из разных княжеств. Дмитрий Иванович с несколькими воинами отправился в Троицкий монастырь. В пути они встречали пеших и конных ратников, а потом увидели старика в лохмотьях, который шёл медленно, опираясь на трость.

— Лучьян! — воскликнул великий князь.

Здесь, возле Клязьмы, произошла их встреча. Дмитрий плакал от радости, Лучьян рассказывал о побеге.

— Уж на что ордынцы хитрые, а я всё равно их перехитрил. Почти три года пытался убежать, да всё думал: не получится. А теперь, как видите, удалось...

Его посадили в повозку и поехали дальше. Он рассказал, что Мамай с войском идёт вверх по Дону.

На следующее утро князь с дружинниками были на обедне в деревянной церкви Троицкого монастыря. Потом, во время трапезы, Сергей Радонежский предсказал, что случится битва, в которой очень многие погибнут, но Дмитрий останется жив. Старец посоветовал ещё раз почтить Мамай «дарами и честью», но князь ответил, что это ничего не даст — тот только возгордится ещё больше. Сергей благословил Дмитрия и отправил с ним на сечу двух монахов богатырского телосложения — Пересвета и Ослябю.

На следующий день князь и его спутники приехали в Москву и объявили, что завтра утром воины должны выступить в Коломну.

Лучьян тоже собирался примкнуть к рати.

— Ты бы поберёг себя, — сказал ему Дмитрий, видя, как он измучен. — Не ходи с нами. Ты сильно устал и должен отдохнуть.

— Я пойду с вами, — твёрдо ответил Лучьян. — Как можно отдыхать в такое время! Хоть и старый, но бьюсь не хуже молодого.

Князь понял, что его не переубедить.

В Кремле отслужили молебны. Дмитрий посетил склепы своих предков. Он поручил вести дела в Москве боярину Фёдору Андреевичу Свиблу, простился с женой и детьми и отбыл

с тремя полками из Москвы. Термеза отправился на битву с двумя молодыми сыновьями — Ярославом и Елизаром.

Пока они проходили мимо подмосковных житниц, Лучьян рассказывал, как видел самого Тамерлана, основателя империи Тимуридов, когда был в неволе, даже разговаривал с ним. Когда поведал ему, что воевал против Чингисхана, которого тот считал своим идеалом, собеседник промолчал — может, не верил, что старик жил так давно, а если и верил, то уважил пленника за прямоту.

Возле устья речки Сиверки к войску примкнули новые рати. Оно было подобно человеческому телу — Головной полк, полк Правой руки и полклевой руки, — а также Передовой, Сторожевой и Засадный полки. В Коломне их встретил епископ Герасим вместе с собравшимися горожанами.

Получая от разведки сведения о местонахождении Мамаё, Дмитрий вёл своих воинов ему навстречу. На лопасненском перевозе они целый день и вечер переправлялись через Оку. Сам великий князь переплыл её последним.

К войску примкнули сыновья Ольгерда — Андрей и Дмитрий. Вскоре разведчики добыли языка прямо от двора хана, и он рассказал, что Мамай находится в урочище Кузьмина гать с бесчисленным множеством воинов, но не знает, что к нему идёт Дмитрий Иванович со своими ратниками.

Русские подошли к донскому берегу и стали отыскивать броды для перехода конницы, делать мосты. Из походной одежды переоблачились в боевую. И, перейдя мосты, тут же сломали их.

И вот они уже стояли у широкого поля, называвшегося Куликовым. Ордынцы находились всего в нескольких верстах. В походных церквях началось песнопение в честь праздника Рождества Богородицы. Стемнело, воины развели костры. Многие стали готовить еду. Термеза сварил уху. Лучьян с наступлением темноты лёг спать, чтобы отдохнуть и набраться сил перед битвой.

Ночью великий князь неожиданно увидел отблески в небе. Что это было? Явно ещё не заря. Как будто какое-то предзнаменование...

Утром русское и ордынское войска стояли в поле друг напротив друга. Дмитрий Иванович поменялся одеждой с боярином Михаилом Бренком, надел простую рубаху — он хотел сражаться вместе со своими ратниками.

Из ордынских рядов выехал на коне огромный тучный воин по имени Челубей, приблизился к русским и стал вызывать на поединок соперника, обещая разорвать его на куски. Все молча смотрели на великана, и никто не решался выйти вперёд. Но, когда он начал осыпать противников ругательствами, навстречу ему выехал на коне инок Пересвет. Пришпорив скакуна, тот кинулся на врага. Всё произошло мгновенно: они вонзили друг в друга копья и упали замертво.

И тут же войска бросились друг на друга. Лучьян стал драться одновременно с тремя ордынцами, и в это время его ударили копьем в бок, а потом сбили с коня. Он попробовал подняться, но не смог — была невыносимая давка. Со всех сторон зажали. Трещали копья, звенели щиты, перекликались воины... Старик попытался отползти, но не получилось. Тут же его стукнули чем-то по голове, и он потерял сознание...

Туча пыли заволокла сражавшихся. Из неё выползали раненые, некоторые бросались наутёк. Ордынская конница атаковала полк Правой руки, но была отброшена. Мамай прорвался в тыл центрального Большого полка, однако там по нему ударил Засадный полк.

Вражеское войско было сокрушено. Его гнали до реки Красивая Меча.

Посреди поля высилась гора окровавленных тел. Владимир Андреевич разыскивал Дмитрия, спрашивал воинов, не видели ли его. Термеза и Елизар нашли убитого Ярослава, потом наткнулись на тело Михаила Бренка. И наконец обнаружили едва живого князя под срубленной берёзой; лицо его было в ранах, доспехи — сильно помяты. Дмитрия Ивановича привели в чувство и сообщили ему, что ордынцы разбиты. Князя раздели и промыли раны.

Термеза и Елизар долго искали Лучьяна и не могли его найти. Тела погибших русских воинов привозили к месту, где Непрядва впадает в Дон, и там захоранивали.

На другой день после битвы Дмитрий Иванович объезжал поле, усеянное телами, и увидел трупы Пересвета и Челубея. Когда он оплакивал своего воина, Термеза известил, что нашёл Лучьяна мёртвым.

...Князь стоял над телом старика, и слёзы текли по его лицу не переставая. Термеза и Елизар тоже плакали. Лучьян был весь в крови, лежал на спине, вытянув правую руку в сторону. Дмитрий вспомнил, как добрый наставник воспитывал его, как

ездил с ним в Сарай, намереваясь отдать свою жизнь за князя, как они воевали вместе, сколько тот сделал ему добра...

Но, когда Лучьяна готовили к погребению, Термеза заметил, что у него открылись глаза. Такое и прежде встречалось у мёртвых. Однако старик вновь закрыл и открыл глаза. Он оказался жив! Просто очень ослаб.

Теперь князь плакал уже от радости.

— Многие поколения будут помнить эту битву, — сказал Термеза. — Вечная слава погибшим за Русь!

— Братья, положили вы головы свои за землю за Русскую и за веру христианскую, — сказал Дмитрий Иванович. — Простите меня и благословите в этом веке и в будущем. Пойдём, брат Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем на своём княжении, а чести и славного имени мы добыли!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. НАШЕСТВИЕ ТОХТАМЫША

Тела некоторых воинов привезли в Москву. Дмитрий задержался в Коломне, а Лучьян, Термеза и Елизар с другими ратниками вернулись в столицу. Москвичи встретили их возле Андроникова монастыря. Победители привезли большой обоз трофеев, привели оставленных ордынцами верблюдов, лошадей, буйволов, овец. Родственники тех, кто не вернулся, продолжали ждать их, но не дождались...

Великий князь распорядился, чтобы семьям погибших, раненым, нищим выдали милостыню из казны. Он приехал в Троицкий монастырь и дал денег Сергию Радонежскому на строительство нового храма, в память о битве.

Лучьян поправлялся, жена Термезы Устинья ухаживала за ним, поила настоями из целебных трав, излечивала от ран. У него появился навязчивый страх быть похороненным заживо — как это едва не случилось с ним после сечи. Многие юпитериане впадали в летаргический сон, и некоторых в древности закапывали живыми. Теперь же там медицина позволяла достоверно отличить живого от мёртвого.

Старик начал понемногу успокаиваться и забывать об этом, когда случилось страшное. После битвы Термеза занедужил. Через несколько месяцев, в один весенний день, он отправился в кузницу, а после Елизар обнаружил его на улице без сознания и принёс домой. Тот не дышал, Лучьян не смог прощупать пульс. За ночь тело похолодело, посинело... Термезу обмыли и похоронили. Все, оплавав мужчину, занялись своими делами.

Но Лучьяна спустя несколько дней кольнула мысль: а вдруг его закопали живым?

Наш герой пролежал полночи без сна. После чего отправился на погост. Он действовал почти бессознательно: нашёл могилу Термезы, разрыл её, вскрыл деревянную колоду... и вскрикнул от ужаса. Покойник лежал с выпученными глазами, с изодранными в кровь руками... Лучьян прижался к нему и заплакал. Он не помнил, как закапывал его обратно, как возвращался — ум прояснился, лишь когда Устинья обнаружила старика лежащим на скамье возле своего двора. Он поведал ей страшную правду о Термезе...

— Я тебя никуда больше не пущу, — сказала она, плача. — Будешь жить с нами.

И Лучьян остался с ней и Елизаром. Места в избе всем хватало. Дочь Устиньи теперь была замужем за купцом, они вместе плавали по Волге.

Мамай погиб вскоре после Куликовской битвы. Его преемник Тохтамыш передал Дмитрию благодарность за то, что князь разгромил ненавистного ему хана, незаконно захватившего власть. Князь отправил к новому правителю Орды послов с дарами.

И вдруг Тохтамыш разослал по Волге людей с приказом убивать купцов, потому как те извещали князя о продвижении ордынцев, а их товары привозить в Сарай. Так погибли дочь и зять Устиньи.

Вражеские полчища под предводительством Тохтамыша двинулись на север.

Дмитрий Иванович отбыл в Кострому — собирать людей для ополчения. Елизар, узнав о гибели сестры, вместе с Лучьяном собрал войско, чтобы двинуться из Москвы навстречу татаро-монголам. Он понимал, что враги могут захватить столицу, судя по тому, как легко они берут другие города, и поэтому настоял, чтобы мать уехала на север. Устинья после долгого спора с сыном сдалась и покинула Москву.

Когда Тохтамыш вошёл в Рязанскую землю, князь Олег Иванович не только приветливо встретил его, но и проводил до Оки и показал броды через неё.

Дмитрий Иванович двинулся навстречу хану с ополчением. Он велел людям прятать скотину в леса, а самим стягиваться к Москве, под защиту её стен.

Лучьян и Елизар с небольшим войском выехали из города в южном направлении. К ним примкнули многие из тех, кто бежал от ордынцев в столицу, но по сравнению с полчищами хана эта рать была очень маленькой.

— Ничего не бойтесь, — подбадривал воинов Елизар. — «Не в силе Бог, но в правде» — так говорил Александр Невский. Нас немного, но мы одолеем врага. Самое главное сейчас — остановить хана, не дать ему прорваться к Москве.

Лучьян заметил, как сам Елизар похож на Александра Ярославича: такие же живые глаза, светло-русые волосы, острый подбородок. И он тоже мудрый полководец, несмотря на юный возраст.

Тохтамыш захватил покинутый жителями Серпухов.

В Москве начались беспорядки, паника. Люди всё прибывали и прибывали, в Кремле толпились и посадские, и крестьяне. Город готовился к осаде. Находившийся там митрополит Киприан хотел уехать, но стража заперла ворота. Однако через некоторое время его с великой княгиней Евдокией и её детьми выпустили. Он отправился в Тверь, а семья Дмитрия — к отцу в Кострому.

Войско Лучьяна и Елизара напало на полчища Тохтамыша, и это было так неожиданно для врага, что он поначалу не смог дать отпор. Но затем ордынцы двинулись вперёд и разбили русских — почти всех уничтожили, Елизар с Лучьяном чудом спаслись, укрывшись в лесу. Несколько дней они жили в там, не решаясь выглянуть наружу.

— Рать оказалась слишком маленькой, — сказал как-то Лучьян. — Да и собрались мы наспех. Не готовы ещё были достойно встретить противника...

— Мы сделали всё, что могли, — ответил Елизар. — Отсидимся здесь ещё некоторое время и будем собирать новое войско...

— Ох, они теперь к нашей белокаменной идут... — Лучьян закрыл лицо руками. — Хоть бы не дошли...

В Москву прибыл внук Ольгерда Остей, и благодаря ему наладилась оборона столицы. Кое-как установился порядок, жители приготовились к осаде.

Появившись, ордынцы встали на некотором отдалении от стен города. Спросили, здесь ли великий князь. Им ответили, что нет. Стали москвичи смеяться над ними, оскорблять их, говорить, чтобы уходили. Враги вдруг отступили, и горожане

обрадовались. Начали пограбеба опустошать, в боярских покоях расположились.

Но на следующее утро татаро-монголы окружили Москву со всех сторон. Русские начали стрелять в них из луков, самострелов, и те стали обстреливать горожан. Когда приблизились к стенам с лестницами, на них полился кипяток из котлов. Они отступили, потом снова попытались забраться на стены. Осаждённые бросали в захватчиков камни, били их рогатинами и секирами.

Но вот враги снова отошли и приблизилось несколько человек для переговоров. Среди них москвичи узнали братьев великой княгини — Василия и Семёна.

— Хан идёт на великого князя, — сказали они. — Вас он не собирается трогать. Вам желает добра и мира. Впустите его, он хочет осмотреть город и не более того.

Среди жителей возникли разногласия. Самые мудрые поняли, что эти слова — ложь: как можно идти на князя и в то же время быть в мире с его народом?! Но нашлись доверчивые люди, которые приготовили подарки хану, открыли ворота и встретили ордынцев с иконами.

...Остея убили первым. И началась резня; никого не щадили захватчики. Оставив груды тел на своём пути, они разграбили великокняжескую казну, боярские житницы, купеческие склады, алтари церквей. Подожгли много домов. Увели в плен людей.

Опустошив город, татаро-монголы разделились на два войска. Одно поскакало во Владимир, другое — в Звенигород. Возле Переславля враги едва не догнали семью великого князя. Когда они приблизились к городу, люди оставили его и окрестные селения и уплыли на лодках на середину Плещеева озера.

Разграбив Переславль, ордынцы двинулись в Юрьев, а оттуда — во Владимир. Там их встретило новое войско Лучьяна и Елизара. Накануне они узнали о том, как опустошил Москву Тохтамыш, и поведали об этом ратникам. Те не могли сдержать ярости и, когда увидели татаро-монголов, опрометью набросились на них. И бились так ожесточённо, что враги диву давались. Им пришлось отступить.

Другое войско Тохтамыша разграбило Звенигород, потом — Можайск, двинулось в Волоколамск. Но там находился Владимир Андреевич с ополчением, которое и разбило ордынцев, обратило в бегство. Отступая, они опустошили Коломну и Рязань.

Лучьян и Елизар вернулись в Москву. Их встретили вернувшиеся на пепелище жители. Устинья бросилась на шею к сыну. Она была в Твери, пока враги разграбляли город.

Дмитрий Иванович, прибыв в столицу и увидев, что с ней сделали татаро-монголы, горько заплакал. Сколько жизней унесло это нашествие... Сколько здесь горя случилось у людей...

Москву вновь предстояло отстраивать. Но первым делом нужно было предать земле погибших, чтобы навеки успокоились их души.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЗАЛОЖНИКИ В ОРДЕ

Тверской князь Михаил Александрович вновь поехал в Орду за ярлыком на великое княжение. Дмитрий Иванович отправил туда же своего сына Василия, чтобы отстоять право быть великим князем.

Княжича сопровождали в поездке верные его отцу бояре и слуги, в том числе и Лучьян, который пообещал Дмитрию оберегать мальчика.

Путники взяли с собой много даров хану. Бояре говорили, что нужно теперь торговаться за право на великое княжение, а самое главное — уберечь ярлык.

В Орде всё решилось в пользу Дмитрия Ивановича. Тохтамыш сказал Михаилу Александровичу:

— Я устранил московского князя, и он мне служит правдою, и его жалую по старине во отчине его; а ты пойдешь в свою отчину, в Тверь.

Но хан оставил Василия у себя, пока великий князь не пришлёт дань. Лучьян не знал, как помочь княжичу. Тохтамыш не узнал в нашем герое того воина, который два раза со своей ратью нападал на него, и это спасло старику жизнь...

Дмитрию Ивановичу пришлось смириться с тем, что сын попал в неволю к ордынскому хану. Его немного успокаивало, что с Василием остался Лучьян — тот что-нибудь придумает, не оставит мальчика в беде. По землям Руси разослали приказ — собрать с каждой деревни по полтине. Великий князь получил дань с Новгорода. Войско Дмитрия наказало рязанского князя Олега за пособничество Тохтамышу — разбило его рать.

Лучьян, став помощником торговца на рынке, подружился с Тохтамышем, чтобы почаще видеть Василия. Он перебрал

в уме множество способов побега, но лишь спустя три года решился освободить княжича — и то действуя очень осторожно.

В плену были также тверской княжич Александр, суздальский княжич Василий Кирдяпа и рязанский княжич Родослав. Кирдяпа пытался бежать, но его поймали. Лучьяна и другого Василия, совершивших побег, постигла та же участь. Они уже не надеялись выбраться из Орды и смирились со своей судьбой, как вдруг однажды всё решилось очень быстро и удачно...

В тот день Лучьян, как обычно, пришёл к Тохтамышу. Хана не оказалось дома. Во дворе сушилась постиранная одежда. Старик взял там платье и платок и, пробравшись в комнату к Василию, надел их на княжича. Когда они проходили мимо стражников, те не узнали юного беглеца, думая, что это одна из девушек-служанок...

Степи, степи, бесконечные степи... Палящее солнце...

Сарай остался далеко позади, а впереди простирались бесконечные равнины. Ни души кругом. Путники встретили караван, направлявшийся к Чёрному морю, и примкнули к нему.

Через некоторое время они оказались в Молдавии, потом — в Пруссии, где встретили Витовта — племянника Ольгерда, погостили в Тракайском островном замке, где находилась его резиденция. Он подружился с Василием и стал подумывать, не выдать ли ему дочь Софью за великокняжеского наследника? И устроил их помолвку. А затем княжич с Лучьяном отбыли в Москву.

Наконец они вернулись после четырёх лет плена и странствий! Торжественно встретили Василия москвичи, слёзы радости были на глазах у великого князя и княгини. Сколько родители переживали за сына! Но всё обошлось...

Устинья, сильно беспокоившаяся за Лучьяна, наконец дождалась его. Теперь они остались вдвоём в избе — Елизар ушёл служить в Троицкий монастырь.

Дмитрий Иванович был благодарен своему наставнику за то, что он оберегал Василия и помогал ему. Когда они снова увиделись, великий князь поделился радостной новостью: княгиня родила девочку, которую назвали Аней. Также Лучьян узнал, что старшая дочь Дмитрия София вышла замуж за Фёдора, сына рязанского князя Олега, и что скончался отец Евдокии — Дмитрий Константинович, когда-то соперничавший с будущим зятем в борьбе за великокняжеский престол.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. СМЕРТЬ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

Дмитрий Иванович чувствовал, что жизнь подходит к концу. Его сковал недуг, который был и у Термезы: после битвы тот всё время жаловался Устинье, что чувствует себя плохо, его тело будто высыхает изнутри, и просил воды.

Так случилось и с великим князем. Оба они располнели, может, из-за этого неизвестная болезнь и случилась. Лучьян с болью смотрел на них и осознал, что ничем не может помочь...

Дмитрий Иванович не знал, кому передать престол — брату Владимиру Андреевичу или сыну Василию? Но брат уступил его своему племяннику. В составленной по этому поводу договорной грамоте он признал Дмитрия отцом, Василия — старшим братом, Юрия — равным, а меньших сыновей князя — младшими, и всех вообще — наследниками Великого княжества.

При составлении духовного завещания присутствовали Сергей Радонежский, Дмитрий Боброк, Фёдор Свибло, Иван Хромой, Елизар, Лучьян и другие. Дмитрий Иванович поделил Московское княжество между четырьмя своими сыновьями, передал княгине волости, сёла и угодья, раздал княжичам драгоценности и определил, сколько каждый из них будет платить Золотой Орде. И наказал детям во всём слушаться мать.

Младший сын великого князя, Константин, родился за три дня до его кончины, когда отец был уже прикован к постели...

Перед смертью Дмитрий сказал боярам, что теперь Василий будет их правителем, и назначил ему девять советников из их числа, попросил тех верно служить князю и всей Руси.

— Прошу тебя, позаботься о княгине и детях, — обратился он к Лучьяну, — чтобы они жили в мире и согласии.

И обнялся с ним.

«Почему не я, старик, а молодой князь умирает? — думал верный слуга, и слёзы катились по его лицу. — Лучше бы я был на его месте...»

Дмитрий обнял супругу, благословил каждого сына и сказал: «Бог мира да будет с вами!» И отошёл в мир иной... Княгиня Евдокия плакала, убивалась над телом мужа...

Лучьян вспоминал, как заботился о маленьком Мите, как они ездили в Орду, воевали вместе... Все годы, прожитые здесь, при Дмитриии, проходили теперь перед глазами.

Князя похоронили на следующий день. С ним прощалась вся Москва. Люди сильно скорбели и оплакивали его. Лучьян

вспомнил, что народ так же горячо любил только двух князей — Владимира Мономаха и Александра Невского. «Царствие тебе Небесное, Митя», — прошептал он и поцеловал покойного в лоб.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осталось сказать ещё несколько слов о жизни Лучьяна в годы княжения Василия Дмитриевича. Старик помогал ему вести государственные дела, заботился о детях Дмитрия, прозванного Донским, о его вдове.

Он написал повесть «Воспоминания о великом князе». В то же время летописцы создали произведения «Задонщина» и «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича».

По велению княгини Евдокии началось возведение белокаменной церкви Рождества Богородицы и Рождественского монастыря на Кучковом поле — в память о Куликовской битве.

Лучьян и Устинья часто навещали Сергия Радонежского и Елизара. Им нравилось бывать в обители — там и мысли, и настроение становились светлее, радостнее. Сергей скончался через три года после Дмитрия. Елизар продолжил заботиться о монастыре.

Василий Дмитриевич с позволения хана присоединил к Московскому княжеству Суздальское и Нижегородское и ещё получил от него Мещеру, Городец, Тарусу и Муром. И затем женился на Софье, с которой был помолвлен.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

В ДАЛЁКИХ ЗВЁЗДНЫХ СИСТЕМАХ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В этой книге собраны дневниковые записи, письма, документы, газетные публикации, рисующие картину первой половины XV столетия от Рождества Христова по нашему исчислению в нескольких звёздных системах.

В хронологической последовательности размещены работы Лучьяна и Лесмьяна Смолозов, Зила Рахмана, Эла Книльхта, Эжена Камиасты и других, статьи и заметки из юпитерианских, сатурнианских, уранианских газет, из газет Альфы Центавры и Алголя, дающие представление о главных событиях, происходивших там.

«НАШЕСТВИЯ И БИТВЫ» (ЗАПИСЬ ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕСМЬЯНА СМОЛОЗА)

«Правитель системы Альфа Центавра Камиаста и политики Юпитера и Сатурна стали разыскивать Лучьяна, чтобы он помог

им в одном очень важном деле, где его авторитет сыграл бы решающую роль. Они просили, умоляли меня найти брата, говоря, что от него теперь зависит судьба нашей Солнечной системы. И я полетел за ним на Землю, надеясь, что он жив и здоров. Нашёл его на Руси, так полюбившейся ему, в Москве, рассказал обо всём, предоставил свой корабль, и Лучьян улетел, а я решил пока остаться здесь, отдохнуть от суеты на этой тихой планете. Несколько лет жил при дворе великого князя Василия, два раза посещал Великое княжество Литовское.

После нашествий татар и битв Русь была в руинах. Захватчики наложили на неё большую дань, и князя так же, как и раньше, ездили в Орду за ярлыками, приносили дары и задабривали хана Тохтамыша. Великий князь Василий платил ему дань, пытался восстановить города и сёла. Но среднеазиатский полководец Тамерлан разгромил Тохтамыша, разрушил город Сарай и, опустошая всё на своём пути, пришёл в рязанские земли. Василий собрал войско и двинулся к берегу Оки, готовясь отразить нашествие. Московские послы поехали во Владимир за чудотворной иконой Владимирской Божией Матери; когда её везли в столицу, толпы людей стояли возле дороги на коленях и просили Божию Матерь спасти их. Тамерлан остановился в верховьях Дона, пробыл там две недели и повернул обратно — верно, не хотел продолжать поход из-за приближения зимы.

Тохтамыш скрывался от него в Литве у великого князя Витовта, двоюродный брат которого — Ягайло — женился на польской королеве Ядвиге и стал править Литвой и Польшей. Витовт был его подданным и управлял Литвой от имени брата. Ягайло вступил на польский престол, приняв веру поляков, и Литва перешла в католичество, только в её русских областях осталось православие. Витовт собрал войско из литовцев, русских, поляков и молдаван, получил от магистра Ордена рыцарей и бомбарды и пошёл на степняков, чтобы вернуть Тохтамыша на трон. Они встретились с татарами на берегу реки Ворсклы, устроили переговоры, но не пришли к согласию и стали биться. В сече погибло всё литовское войско, много русских ратников, а Витовт с небольшой дружиной бежал. Ордынцы подвергли разорению Западную Русь.

Несколько лет спустя Витовт двинулся на Русь, взял Смоленск, разорил псковскую землю. Василий долго воевал с ним, старый эмир Едигей прислал князю в помощь конницу — покровительствовал ему, хотя тот не платил дани татарам после разгрома Орды. Едигей объявил о походе на Литву, а сам пришёл к Москве, разорил её, потом сжёг Переславль,

Ростов и Нижний Новгород, захватил многие волости. После этого нашествия Василий вынужден был снова выплачивать дань татарам. Витовт заключил с ним мир и вместе с Ягайло выступил против Ордена, собрав армию из поляков, русских, литовцев и татар. Неприятель имел в два раза меньше воинов, но они вместе с лошадьми надели прочные латы, а поляки и русские — кольчуги со стальными пластинами.

Противники встретились возле деревни Грюнвальд в Пруссии. С утра рыцари выстроились на холмах, и магистр Ордена Юнгирген отправил к Ягайло глашатаев с двумя мечами, вызывая его на бой. Тот принял вызов и построил своё войско в три линии. Ордынцы по приказу Витовта первыми атаковали рыцарей, осыпали их стрелами, но те были неуязвимы в своих панцирях. Они опустили копья, двинулись на противника, опрокинули русских, литовцев и татар и обратили в бегство. Три смоленских полка вступили в бой с крестоносцами и прикрыли поляков, однако почти все русские воины погибли. Рыцари захватили большое королевское знамя, но неприятель отбил его. Витовт снова собрал опрокинутые полки и ударил в тыл крестоносцам, их снимали с коней крючьями и убивали кинжалами через щели лат. Так уничтожили весь Орден...»

«ПОСЛАНИЕ В ЗВЁЗДНУЮ СИСТЕМУ БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ» (ЭЖЕН КАМИАСТА)

«Приветствуем систему Бетельгейзе!

Наша просьба адресована её правителю Ардалиусу, профессору Лимусу и всему Союзу Объединённых систем. Это послание — крик о помощи.

Системы Альфа Центавра и Солнечная подвергались нападению алгольцев. Особенно от них пострадала Альфа Центавра. Армия Гасана Великого долгие годы господствовала здесь, она разрушила почти все города на наших планетах и уже давно уничтожила бы всё население, если бы не заступничество Солнечной системы. Вы знаете об этой войне, в которой погибло более сотни миллиардов бойцов. Мы обязали алгольцев возместить ущерб обеим системам, и первоначально Гасан исправно выплачивал нам необходимую сумму. Но затем платежи прекратились и он прислал мне письмо с угрозами: предупредил, чтобы его больше не трогали, иначе снова пойдёт на нас войной.

Мы, Правительство системы Альфа Центавра, знаем, что алгольская армия выросла в размерах и снова может нанести нам сокрушающий удар. У нас нет сил противостоять врагу. Солнечная система также понесла огромные убытки.

Мы просим у вас помощи. Просим принять наши системы в ваш Союз. Наши Правительства ознакомлены с условиями вступления в него и будут соблюдать всё, что предписано. Обещаем своевременно делать взносы, поставлять оружие, участвовать в защите других систем от захватчиков, помогать материально нуждающимся системам.

Принятие наших систем в Союз — гарантия спокойствия в них и одновременно гарантия верности их другим системам Союза. Посему заранее вас благодарим, в надежде, что не откажете.

Это послание вам отправлено с делегацией политиков во главе с Лучьяном Смолозом — первым лицом планеты Юпитер. Сам я прибуду, с вашего позволения, несколько позже.

С уважением и признательностью,
Эжен Камиаста».

«ПРИНЯТИЕ В СОЮЗ ОБЪЕДИНЁННЫХ СИСТЕМ» (ЗАПИСЬ ИЗ ДНЕВНИКА ЛУЧЬЯНА СМОЛОЗА)

«Уже около года я веду однообразную жизнь на планете Фетель в системе Бетельгейзе. Часто беседую с членами Союза, мы оговариваем многочисленные условия вступления в него. Посещаем культурные мероприятия — ездим по театрам, музеям, выставкам. Участвуем в официальных визитах к высокопоставленным лицам, переговорах, выступаем с речами, докладами.

Недавно прошло заседание, на котором в Союз принимали новые системы. К этому мероприятию я подготовил речь о Солнечной системе, долго её репетировал, но всё равно волновался страшно. Продумал, какие вопросы мне могут задать, и мысленно ответил на них.

На мероприятии собралось бесчисленное количество представителей разных систем, все заняли множество рядов в зале колоссальных размеров. Тут были и такие же люди, как я, и великаны, и лилипуты, и существа, похожие на ящериц, на рыб, и вообще непонятно кто... Надев наушники, они переговаривались на разных языках, и беспорядочно носились обрывки фраз. На сцене выступали члены Союза, переговаривались с гостями из других систем. До меня очередь дошла очень нескоро, казалось, я целую вечность просидел в шумном зале...

— Солнечная система! — сказал наконец один из фетелян, старик в пальто, с зелёной кожей, с длинной белой бородой, на одном из языков Юпитера. — Кто здесь её представитель?

Я поднялся с места и ответил:

— Прошу принять Солнечную систему и систему Альфа Центавра в Союз Объединённых систем.

— Есть ли у кого возражения по поводу принятия этих систем в Союз? — обратился старик к своим коллегам.

Возражений, кажется, не нашлось, но они ещё долго что-то обсуждали на своём языке, после чего зелёный старец, оказавшийся тем самым пресловутым профессором Лимусом, сказал:

— Нашу систему также захватывали алгольцы, но теперь их изгнали. Нам нужно держаться вместе, поэтому, учитывая вашу настроенность, мы принимаем вас в Союз.

Мы подписали нужные документы, и я отдал первый взнос. Но оказалось, что всё не так просто.

— Вы должны ещё будете посетить несколько систем и с каждой лично подписать договор о взаимопомощи, — объявил Лимус.

Мне чуть плохо не стало: это ведь займёт много лет!

И я покинул зал. Потом пришлось вернуться за Уставом Союза Объединённых систем и внимательно изучить его в гостинице. Взносы тут слишком большие, сложилось впечатление, что Бетельгейзе наживается на других звёздных системах, ведёт, как и Алголь, войну, но другого вида — экономическую».

«ТОЛЬКО ВПЕРЁД!» (СТАТЬЯ АВГУСТАСА ДИКА, ГАЗЕТА «СТОЛИЧНЫЙ ВЕСТНИК», ПЛАНЕТА АГВАТИЯ, СИСТЕМА АЛГОЛЬ)

«Алгольцы!

Обращаюсь ко всем жителям нашей системы.

Вспомните в этот час о необыкновенной силе нашей Империи, величайшей империи в Галактике.

Вспомните о Гетарке Могущественном, Гиймеле Владычественном, Лео Воинственном и других правителях, сделавших алгольскую армию неуязвимой для любых опасностей.

Вспомните о наших завоеваниях. Сколько звёздных систем уже покорено Алгольской Империей! Армия Гасана Великого вселяла и вселяет страх в народы Галактики.

А теперь вспомните наше первое поражение... Как такое могло случиться? Народцы из маленькой звёздной системы не только подорвали могущество алгольской армии, но и заставили

самого Гасана Великого выплатить им огромную сумму. Это неслыханная дерзость! И император, как ни странно, согласился.

Я не берусь судить нашего правителя. Он поступил так в силу обстоятельств: в ином случае пришлось бы отзывать обратно войска из других систем, мы потеряли бы часть своих владений, а нам нельзя ничего терять. Нужно только завоёвывать.

Но теперь, когда наша армия вновь пополнилась, не самое ли время показать врагу, что значит покушаться на честь Главной Алгольской Империи?

Теперь мы должны двигаться только вперёд, оправдывая тот факт, что наша Империя — самая могущественная в Галактике. Только вперёд! Назад дороги нет. Один раз мы уже оступились и знаем, к чему это приводит.

Алгольцы! Не забывайте о той чести, которая выпала нам, и постарайтесь оправдать её! Даже если предстоит погибнуть всей армии, мы не должны сдаваться — отступление есть самый большой позор!

Мы обязаны сохранить прежние завоевания, и не только сохранить, но и приумножить. Так завещали наши великие правители.

Военный корреспондент

Августас Дик».

«БЕЗЗАЩИТНАЯ АЛЬФА ЦЕНТАВРА» (СТАТЬЯ ЛЕО ЛУЭ, ГАЗЕТА «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОВОСТИ», ПЛАНЕТА ДЕАТУМ, СИСТЕМА АЛЬФА ЦЕНТАВРА)

«Когда я вспоминаю историю Альфы Центавры нескольких последних веков, меня охватывает жалость к нашей беззащитной системе.

Эжен Камиаста, суля её народам золотые горы, пустил руководство системой и в том числе армией на самотёк. Оттого и стала Альфа Центавра беззащитной, оттого и беспрепятственно разграбляли нашу систему алгольцы и космические пираты. Камиаста не имеет таланта руководителя, у него нет умения организованно решать задачи, и при любом удобном случае он прячется за спины других политиков.

Когда до нашествия алгольцев нашу систему оккупировали полчища космических пиратов, этот «храбрец» предпочёл отсиживаться в самом глухом лесу Мариоры. Лишь несколько

отрядов бойцов отважились сразиться с захватчиками, но были разбиты. Пираты покинули Альфу Центавру лишь потому, что уже вдоволь поживились и больше ничего не могли здесь взять.

Когда сюда прилетели алгольцы, Камиаста поступил ещё хуже: он эвакуировался в Солнечную систему и долго отсиживался там, вместо того, чтобы организованно руководить армией. В результате она, не имея постоянного командира, проиграла войну. И этот «смельчак» долгое время боялся встретиться с алгольским правителем Гасаном Великим, который вызывал его к себе.

В крахе нашей системы повинен, конечно, не один Камиаста. Но рыба гниёт с головы. Виноваты воины, бежавшие с поля боя, начальники, подписавшие капитуляцию, вместо того, чтобы драться до последнего. Виновато население, эвакуировавшееся в другую систему. Это и сделало Альфу Центавру беззащитной: враг не встретил почти никакого отпора с нашей стороны. Мало было тех, кто сражался по-настоящему, а не прятался за спинами других.

Если бы армия доблестного Лучьяна Смолоза не сокрушила войска захватчиков и не изгнала их отсюда, никого из жителей нашей системы не осталось бы тут: одних убили бы, других — взяли в плен. И сейчас я испытываю стыд за нашего правителя и войска и благодарю великую армию Солнечной системы, освободившую нас.

Многого бы я пожелал жителям Альфы Центавры, но прежде всего хочется сказать им: не будьте беззащитными, сделайте нашу систему сильной! Ведь нам и потомкам предстоит здесь жить.

Политический обозреватель

Лео Луэ».

«ПАМЯТИ ЯНА ГУСА» (ЗАПИСЬ ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕСМЬЯНА СМОЛОЗА)

«Уже несколько лет я живу в Праге. Здесь идут войны сторонников и противников Яна Гуса.

Он был университетским профессором и проповедником. Критиковал сегодняшнее духовенство, католическую церковь. Его сторонники осуждали её, требовали от неё подчинения светской власти, отказа от злоупотреблений и возвращения к порядкам бедной и справедливой раннехристианской церкви. «Клир не учит, а портит народ своим развратом, связанным с богатством. Так надо отнять у него богатство! Преемники

Христа должны быть бедны, как апостолы. А они, наоборот, только о том и думают, как бы ещё увеличить свои богатства, для чего рассылают продавцов индульгенций и хищных монахов, которые... устраивают никому не известные празднества, выдумывают чудеса и грабят бедный народ...» — говорил Ян Гус.

Вся Прага собиралась на его проповеди, и я из толпы взирал на этого высокого, стройного человека, миловидного, с клинообразной бородой. Он критиковал продажу индульгенций, выступал за то, чтобы все слои населения причащались в церкви одинаково. Церковь, возвысив себя над народом, перестала причащать мирян вином, а ученики Яна возродили этот обычай.

Католические власти, недовольные проповедями Гуса, назвали его еретиком. В немецком городе Констанце состоялся церковный собор с целью сплотить католическую церковь, предав суду разные ереси. Туда был вызван и Ян, получивший от императора Сигизмунда охранную грамоту. Но на соборе профессора арестовали и бросили на полгода в темницу. Участники собрания обвинили проповедника в ереси и потребовали отказаться от своих взглядов, угрожая сожжением, но он ответил: «Если отрекись от истины, то какими глазами воззрю на небо? Как дерзну посмотреть в глаза народу, если по моей вине поколеблется вековые его убеждения? Никогда! Спасение столько душ народа для меня дороже моего бrenного тела». Пять лет назад его сожгли на костре. Как сейчас помню тот день. Будто и не боялся он этой казни, шёл на неё без страха, уверенный в своей правоте, не зная за собой вины. И, когда уже пламя взметнулось, какая-то старушка подбросила в него связку хвороста. «О, святая простота!» — воскликнул Гус.

После его казни чешские монахи взялись за обличение духовенства: они читали проповеди в церквях, ходили по селениям, собирая единомышленников. Чаще всего собрания устраивались на горе Табор.

Власти преследовали сторонников Яна, бросали их в темницы. В прошлом году пражане, пытаясь освободить проповедников из тюрьмы, выкинули из окон ратуши членов городского совета. Восстание чехов против засилья духовенства и немцев охватило всю страну. Толпы крестьян, продав жильё и имущество, собрались на горе Табор, их прозвали таборитами.

Немецкое население покинуло чешские земли, требуя от римского папы устроить крестовый поход против «еретиков».

Месяц назад крестоносцы вторглись в Чехию. Это было огромное войско, состоявшее из немецких, английских, польских,

венгерских рыцарей. Когда они подошли к Праге, горожане призвали на помощь таборитов.

Те выступили в поход под предводительством старого опытного воина Яна Жижки. Женщины и дети ехали в повозках, а рядом шагали мужчины. Крестоносцы ринулись в атаку, однако противники повернули повозки таким образом, что образовался закрытый прямоугольник, заслонились щитами и цепями. Они стреляли в рыцарей из бомбард и арбалетов, цепляли их баграми и молотили цепями.

Табориты подошли к Праге, расположились на горе Витков, крестоносцы сделали попытку взять её штурмом, но были отброшены назад.

Сколько будет длиться эта война? Думается мне, что прольётся ещё много крови...

Добрая память Яну Гусу — человеку, который не боялся говорить правду и не отступился от истины...»

«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АФРИКЕ» (ПИСЬМО ЭЛА КНИЛЬХТА ЛЕСМЬЯНУ СМОЛОЗУ)

«Приветствую тебя, мой друг Лесмян!

Где ты сейчас? Всё так же кочуешь по Европе?

Уже несколько лет я путешествую по Африке, хочу рассказать тебе о ней.

Поначалу обосновался в Египте, оттуда двинулся с караваном на запад. В пути нас едва не замело песком, но погонщики сказали, что бывали бури и посильнее. Они шли в долину реки Нигер на поиски золота, там его много находят. Местные жители меняют дорогой металл на такое же количество соли, не зная, насколько он ценный. Но мои спутники часто сталкивались с воинственным племенем берберов, приходилось делиться с ними.

Я посетил государство Мали и Эфиопию, мусульманские города на побережье Восточной Африки. Их когда-то основали арабские торговцы, прибывшие сюда на поиски золота и рабов и со временем поселившиеся здесь. Они меняют невольников у местных вождей на оружие и безделушки.

Одно племя я встретил перед походом в саванну. Вождя там обожествили ещё при жизни. Здесь свои обычаи, традиции. Я не стал вдаваться в них, а просто съел с аборигенами жареного мяса, выпил бананового вина и двинулся дальше. Давно хотел посмотреть на саванну — этот райский уголок...

И увидел многих травоядных и хищников: антилоп, зебр, носорогов, слонов, жирафов, львов, гиен, разных птиц. Наблюдал за их стадами, стаями. Шёл за антилопами, зебрами и газелями, искавшими зелёную траву. Смотрел, как на них охотятся львы и обучают этому своих детёнышей.

Теперь я возвращаюсь в Северную Африку. Так много всего повидал на этом континенте, что можно написать целую книгу. А самое главное, будет о чём рассказать потомкам. Хоть и на Юпитере немало дивных мест, а Земля — чудесная планета, достойная самого искреннего восхищения.

Надеюсь, как-нибудь нам доведётся встретиться или хотя бы ты получишь это письмо. До встречи, Лесмян! Через несколько дней я буду в Каире, где задержусь на некоторое время, пиши туда. Отправляю послание в Прагу, по твоему старому адресу, надеюсь, ты всё ещё живёшь там.

С дружеским приветом,

Эл Книльхт».

«СИСТЕМА ПРОЦИОН» (ЗАПИСЬ ИЗ ДНЕВНИКА ЛУЧЬЯНА СМОЛОЗА)

«Уже недалеко от системы Прочион я разминулся с племенем космических бродяг, которые пролетели мимо меня, оседлав комету; они проплыли на экране бортового компьютера в очень замедленном воспроизведении, и мне удалось их рассмотреть. Такие скитальцы, говорят, летают по всей Галактике. Одни грабят мирных обитателей планет, а другие живут честно, зарабатывая себе еду и вещи.

С жителями системы Прочион надо быть крайне осторожным — совсем недавно Союз освободил их от алгольской оккупации, в которой они находились тысячу лет. Оккупанты здесь всё разрушили, как, впрочем, во всех завоёванных системах, но тут немногие оставшиеся в живых лишились нормального мышления — то ли оттого, что захватчики напрямую преследовали такую цель, то ли потому, что никакой разум не может вынести ужасов, творимых алгольцами. Пользуясь беспомощностью обитателей, на систему совершают налёты космические пираты и бродяги.

Когда я приблизился к нужной мне сине-жёлтой планете, навигатор вдруг перестал работать и мне пришлось, покружив над шаром, сесть в произвольном месте. Я опустил на поляну

с высокой оранжевой травой, вышел из корабля, прогулялся до жёлтого леса и вернулся.

И очень своевременно залез обратно в судно! На поляне появилась толпа существ, одетых в какие-то лохмотья, очень похожих на людей. Они подбежали к кораблю и стали бить по нему руками, палками, камнями. «Так они мне всё тут разворотят, — в испуге подумал я. — Может, самому выйти к ним?» Некоторое время колебался и наконец вылез наружу. Тут же на меня обрушилось столько ударов, что удивляюсь, как вообще остался жив. Аборигены проникли в судно и устроили там погром. «Как же обратно-то полечу?» — ужаснулся я.

Но некоторые, самые разумные, дали мне залезть в корабль, и там я достал эмблему Союза Объединённых систем — космический корабль на фоне звезды и планет. Местные жители вдруг как-то сразу отступили, затем... бросились обнимать меня и едва не задавили. Они узнали эмблему своих освободителей, и теперь я стал для них героем.

Мне было их жаль — бедняги потеряли не только разум, но и речь. Лишь мычали что-то несвязное. Повели меня к хижине в глубине леса, там угостили фруктами и ягодами. Я знаками объяснял им, что хочу найти господина Верейка, который должен подписать соглашение от имени системы. После того, как показал его инициалы на их языке, жители поняли, кого разыскиваю, и отправили за ним гонцов.

Аборигены прониклись ко мне уважением, стали относиться с почитанием. Они внимательно слушали меня, когда пытался жестами рассказать о цели своего визита.

Наконец прибыл в красивом костюме Верейк и подписал соглашение. Жители подарили мне множество стеклянных бус, ожерелий, браслетов и прочих безделушек.

Я боялся, что поломанное судно не сможет взлететь. Но ничего подобного — оно завелось, даже навигатор заработал! И теперь снова нахожусь в пути. Хотя приборы немного барахлят, надеюсь, что всё обойдётся.

Навигатор ведёт корабль в систему Арктур, а я пишу этот дневник».

«КАМИАСТИАДА» (СТАТЬЯ АНГОРА РУВА, ГАЗЕТА «НОВЫЙ МИР», ЛЕОПАЛЬД, САТУРН)

«Обращаюсь к жителям Солнечной системы.

Вы видите, в каком она состоянии. В войне с алгольцами потеряла колоссальное количество ресурсов и армию, и теперь

разруха царит в странах Сатурна и Юпитера, жители голодают, обстановка неблагоприятная...

Всё это связано с появлением одного гостя — правителя системы Альфа Центавра Эжена Камиасты. Он — несчастье для Солнечной системы, этот тип разрушает её, притворяясь нашим другом и союзником.

Только прибыв, попытался ввести здесь собственные порядки, переформировать экономику на свой лад. Удивительно, как ему смог поверить Лучьян Смолоз — умнейший человек во всей системе! Но он лишь поддержал Камиасту, не видя подвоха. А тот ещё и долго отсиживался в нашей системе, трусливо сбежав от алгольцев. И временное переселение жителей Альфы Центавры к нам принесло огромные убытки.

Но самое страшное — то, что неожиданный гость вовлёк в свои проблемы политиков Солнечной системы, армию и вообще всё население! Все словно стали рабами Камиасты и отправились на верную смерть ради свободы его системы. Лучьян объяснял это тем, что алгольцы уже добрались до нашей системы и необходимо было сокрушить их на планетах Альфы Центавры, чтобы они не учинили такого же разгрома у нас. Можно придумать тысячи подобных отговорок, но правда одна: Альфа Центавра тут ни при чём. Захватчиков можно разбить и в межзвёздном пространстве. Мы должны защищать только свою систему!

Жаль, что наши люди оказались такими наивными, не устояли перед обаянием Камиасты. Теперь же предстоит вступление в Союз Объединённых систем, что принесёт лишние расходы и обязанности. Нужно ли нам это? Подумайте, жители Солнечной системы, поразмышляйте. Мы попадём в зависимость от других систем. А могли бы сохранить свободу... если бы хотели. Мы можем защитить себя от любых врагов сами, без посторонней помощи.

Солнечную систему нужно беречь в первую очередь от Камиасты, а не от алгольцев и космических пиратов.

Дата-журналист

Ангор Рув».

**«ВОЗРОЖДАЮЩАЯСЯ СИСТЕМА АЛЬФА ЦЕНТАВРА»
(ИЗ РЕЧИ ЭЖЕНА КАМИАСТЫ НА ОБЩЕСИСТЕМНОМ
СОВЕТЕ, ПЛАНЕТА ДЕАТУМ)**

«[...]

За короткий срок наша система смогла не только восстановиться из руин, но и сделаться более развитой, чем до войны. Это колоссальный успех!

Выпуск продукции в некоторых отраслях увеличился в несколько раз по сравнению с довоенным. Возобновлено торговое сотрудничество с другими звёздными системами.

Население Альфы Центавры достигло числа, которое было до оккупации. На планетах нашей системы восстановлены почти все мегаполисы. Построено несколько тысяч новых городов с огромными жилыми массивами, крупными промышленными предприятиями.

Возобновлена работа учебных заведений. [...]

Построены десятки тысяч культурных и спортивных учреждений, сооружений — театров, музеев, клубов, библиотек, стадионов. [...]

Вновь запущены все виды транспорта. [...]

Быстрыми темпами выпускается военная продукция. [...]

В память об Освободительной войне сооружено огромное количество памятников.

Альфа Центавра вновь открыта для туристов из других систем».

«ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА» (ЗАПИСЬ ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕСМЬЯНА СМОЛОЗА)

«Уже почти век длится война между Англией и Францией.

Три года назад англичане осадили французскую крепость Орлеан. Наследник Карла VI дофин, объявивший себя королём Карлом VII, не был признан правителем англичанами и бургундцами, и в случае падения Орлеана его ждало поражение.

Спасительницей молодого человека стала семнадцатилетняя дочь крестьян Жанна д'Арк, явившаяся с небольшим отрядом, уверенная в том, что именно ей предназначено спасти Францию. Девушка говорила, что слышала голоса святых, которые велели встретиться с дофином и взять у него отряд для снятия осады Орлеана.

Тот отправил войско во главе с опытными начальниками и с Жанной. Они сняли осаду с крепости всего за десять дней. Армия под командованием графа Дюнуа прорвала английскую блокаду и вошла в Орлеан. Через неделю состоялось решающее сражение возле города, англичане были разбиты. В честь этого события Жанну нарекли Орлеанской девой. О ней узнала

вся страна. Воодушевлённые её победой французы стали наступать.

Жанна предприняла поход в Реймс, оказавшийся в глубоком тылу врага. Войско быстро добралось туда — жители всех городов открывали ему ворота. В Реймском соборе дофин был помазан на царство.

Но удача изменила смелой девушке: она попала в плен к бургундцам, те передали её англичанам. Карл VII не захотел вызволять спасительницу: видно, боялся, что она затмит его своей славой и влиянием.

Англичане устроили в Руане суд над Жанной. Её обвинили в колдовстве, в том, что воевала по велению дьявола. Девушку сожгли, так и не доказав её вины. Перед казнью она попросила, чтобы ей дали крест, и один солдат протянул две лучинки, связанные крестом. Бедняжка прижала их к груди и держала так до тех пор, пока не была охвачена пламенем...

Всё это время я кочевал по городам Франции, работал там и прекрасно знал графа Дюнуа и Жанну д'Арк. Сколько бы ни старался суд опорочить Орлеанскую деву, правда всё равно будет известна людям. Жанна не занималась колдовством, жила с чистой совестью. Была добродушной, непорочной, благочестивой, правда, излишне самоуверенной.

Она слышала потусторонние голоса, и поэтому одни считают её колдуньей, другие — святой. А я видел в ней обычную девушку. Мой брат Лучьян, всегда отличавшийся трезвостью ума, встречался и общался с дьяволом и его свитой и при этом отнюдь не терял рассудка. Жанна делала то, что было необходимо — голоса подсказывали ей то же, что и здравый рассудок. Каждое своё действие она тщательно обдумывала.

Только должного опыта не имела, была ещё слишком молода. Хотя и обладала храбростью и талантом полководца...»

«О ПРОТИВОСТОЯНИИ АЛГОЛЬЦАМ» (РЕЧЬ ЭЖЕНА КАМИАСТЫ НА VII СОБРАНИИ ПРАВИТЕЛЕЙ СТРАН АЛЬФЫ ЦЕНТАВРЫ)

«Дорогие жители системы Альфа Центавра!

Вновь я вынужден говорить о наших врагах — алгольцах. Их предводитель Гасан уже давно отказался выплачивать нам материальный ущерб, многие пленные сбежали, остальные отказались работать. Нашей общей мечтой было освобождение от алгольской оккупации, и мы получили это. Но надолго ли?

Страшно становится при мысли о том, что захватчики снова могут напасть на нашу систему. Однако оснований для такого

страха теперь уже меньше. Ведь их армия, долгое время считавшаяся непобедимой, начала отступать. Она покинула не только нашу систему, но и ещё четыре других.

Против алгольцев применено много новых видов оружия, в том числе ядерное, способное уничтожать целые планеты. Их войска понесли большие потери, Гасан отзывает своих бойцов из тех систем, где им оказывают серьёзное сопротивление. Они не осмеливаются нападать на системы, которые состоят в Союзе Объединённых систем.

Союз активно противодействует алгольцам, отправляя разведчиков в их систему, успешно проводя антиалгольские операции, освобождая системы от захватчиков. В Союзе состоят уже тридцать шесть звёздных систем, которые честно выполняют условия договора, защищая друг друга от внешних врагов. Алгольцы изменили направление наступления, теперь они не продвигаются больше в нашу сторону, наоборот, вынуждены бежать из соседних систем, их войска значительно ослабели.

Альфе Центавре необходимо вступление в Союз для гарантированной её защиты от агрессоров. Только так мы сможем полноценно развиваться во всех сферах. Разве для нас являются большой суммой взносы, которые требуется платить Союзу? Для обороны нашей системы можно пожертвовать многим.

Сейчас мы готовимся к вступлению Альфы Центавры в Союз. Те, кто протестует против этого, поступают неразумно: только Союз может уничтожить алгольские войска, а не отдельная система. Ликвидировать врага — наша главная цель сейчас.

Ваш друг Эжен Камиаста благодарит вас за внимание».

«ОГРАДИТЬ СИСТЕМУ ОТ ВТОРЖЕНИЯ!» (СТАТЬЯ ГЕОРГА СКРИПТА, ГАЗЕТА «КАЛЕЙДОСКОП», УРАН)

«Обращаюсь к жителям Солнечной системы.

Мы все должны стать одной большой семьёй — от этого зависит наше будущее благополучие. Многие считают, что надо вступать в Союз Объединённых систем, но мне кажется, что наше общее братство защитит систему лучше него. Мы сами можем оградить её от захватчиков.

Нужно сделать нашу Солнечную систему неприступной крепостью. Она должна хорошо охраняться со всех сторон патрульными службами. Конечно, для них необходимо взимать налоги с народов системы, но благодаря этим службам мы сможем жить спокойно.

Внутри системы также должны летать патрульные корабли, космические станции. Всех прибывающих из других систем гостей нужно тщательно проверять. Патрулям надо будет улавливать сигналы от прилетающих из других систем судов, проводить тщательную проверку и их, и улетающих.

Необходимо снова создать регулярную армию Солнечной системы, готовую в любой момент отразить нападение внешнего врага. Её солдаты должны быть собраны со всех наших планет.

Эти мероприятия — тяжёлый труд, но они очень важны сейчас.

Нужно прочно оградить Солнечную систему от вторжения».

«СИСТЕМА АРКТУР» (ЗАПИСЬ ИЗ ДНЕВНИКА ЛУЧЬЯНА СМОЛОЗА)

«Впервые я засомневался, нужно ли вступать Солнечной системе в Союз. Сделав это, мы потеряем свою независимость — будем нести массу обязательств перед ним. А ведь и без него можем противостоять любым захватчикам, если уж наши войска разбили армию алгольцев...

С такими раздумьями я подлетал к системе Арктур. Миновал цепь астероидов, а затем — спутники планеты, на которую садился, и орбитальные станции. Опустившись под густую пелену облаков, стал кружить над огромным сине-зелёным шаром, разглядывая материки. Один континент был, видно, усеян фермами — я рассмотрел разноцветные квадратики полей. На другом располагалось множество городов. А на третьем, похоже, разумные существа не жили — там раскинулись пустыни, саванны и дикие леса.

Навигатор направил мой корабль к материку с городами, и я сел в космопорте одного из них. Прошёл в здание, где собрались толпы прибывших из других систем, всюду была толкучка. Еле пробравшись к окошку справочной службы, я через электронный переводчик обратился к работнику, синему бесформенному существу, с вопросом о подписании соглашения — когда можно будет увидеть представителя Правительства Арктура?

— Откуда вы прибыли? — спросил тот.

— Из Солнечной системы.

Работник переговорил с кем-то по видеосвязи, затем сказал мне:

— Господин Блом, который обязуется подписать соглашение, придет со следующим восходом звезды. Не желаете ли пока остановиться в гостинице?

Я не знал, когда будет этот следующий восход, но согласился, так как очень устал и хотел отдохнуть. Работник сообщил, что звезда взойдёт совсем скоро и что мой номер уже дожидается меня. И я, сев в шарообразное такси, поехал в гостиницу для послов.

...Гигантский номер, в который меня привёл портье, такой же синий и бесформенный, был заселён множеством постояльцев, отделённых друг от друга перегородками. Я оказался на своей крошечной территории, прилёг отдохнуть, но уснуть не смог: другие гости шуршали чем-то, стучали, скрипели. В конце концов я встал и пошёл гулять.

Город горел множеством разноцветных огней. Небоскрёбы здесь были такой высоты, что даже мне, привыкшему к высотным зданиям Грайюнкма, стало жутковато смотреть на них. По улицам шли толпы самых разных космических туристов — всяких размеров, форм, цветов и так далее.

Я посетил зоопарк, где собрали животных из нескольких десятков систем нашей Галактики. От их разнообразия разбегались глаза. Чтобы не потеряться, я примкнул к одной из экскурсионных групп и до восхода звезды осмотрел здесь всё.

Мы с Бломом встретились неподалёку от моей гостиницы. Он, синий толстый великан, похожий на моржа, взял авторучку одним из щупальцев и поставил подпись. Очередное соглашение было заключено, и я мог со спокойным сердцем отправляться дальше, в систему Антарес».

«ИМПЕРИЯ МИН» (ПИСЬМО ЭЛА КНИЛЬХТА ЛЕСМЬЯНУ СМОЛОЗУ)

«Приветствую тебя, мой друг Лесмян!

Я пока точно не знаю о твоём местонахождении, поэтому пишу во Францию, по тому адресу, который ты мне прислал.

Уже несколько лет живу в процветающей Империи Мин, работаю вместе с крестьянами, состою в общине. Сейчас Империя переживает «золотой век». Очень хочу рассказать тебе об этом государстве.

Как и многие страны, Китай находился под властью татар. Они уничтожили половину населения, а уцелевших взяли в рабство. Хан Хубилай временно прекратил это насилие, он перенял многие китайские традиции, сделал своей столицей Пекин и основал новую династию — Юань.

После затишья сюда вернулись беды. Татары вновь начали зверствовать. Жёлтая Река вышла из берегов, и крестьяне

стали голодать из-за того, что власти и помещики обирали их. Монахи, манихеи, буддисты призывали к общему восстанию. Появились пророчества о скором пришествии Матрейи — «будды грядущего».

И вот восстали крестьяне под предводительством монаха Ханя Шантуна. Завязалась война, продолжавшаяся восемнадцать лет. Глава повстанцев из низовьев Голубой Реки Чжу Юаньчжан по совету конфуцианцев создал систему военных поселений. Он собрал дисциплинированную армию, солдаты которой были одеты в красные куртки и шлемы с красными флажками и надписью «свирепый и неистовый». Они вытеснили татар из Пекина.

Чжу Юаньчжан стал императором. Варваров изгнали из страны, рабов освободили, а крестьянам дали землю. Власти начали преследовать богатых людей, бороться со взяточничеством, обучать и воспитывать новых чиновников. Были созданы школы, училища.

Людям прививали законопослушание и трудолюбие. В опубликованном императором «Уведомлении о воспитании народа» говорится о почитании старших, мире и согласии между крестьянами. «Забота о народе» — старинный принцип управления: чиновники наделяли крестьян землёй, проводили крупные ирригационные работы, создавали продовольственные запасы, уменьшали налоги, обучали крестьян возделывать хлопчатник, коноплю, люцерну, а нуждавшихся бесплатно обеспечивали пищей и лекарствами. Полвека назад по императорскому указу бедняков объединили в общины по двадцать — сорок семей и семьи стали оказывать помощь друг другу.

Сорок лет назад адмирал Чжан Хэ со своим флотом освободил морские пути от пиратов и создал несколько торговых факторий. За тридцать лет он семь раз плывал по Индийскому океану, добирался до Аравии и Африки. Так была налажена связь с Западом. Порт Гуанчжоу стал воротами Китая, теперь тут строят огромные корабли, способные вместить тысячи человек.

Совсем недавно я вновь посетил Великую Стену, где дежурят десятки тысяч воинов, осмотрел могучие крепости и бастионы, пушки и катапульты, а потом долго глядел вдаль — на красные знамёна, на зеленевшие поля — и думал о том, что Земля — это чудесный мир. Замечательно, что мы прибыли сюда и вдоволь походили по этой планете.

Напиши мне о себе, друг. Я сейчас в Пекине, пробуду здесь ещё долгое время. Жду с нетерпением твоего письма.

С дружеским приветом,

Эл Книльхт».

**«ПУТЕШЕСТВИЕ В САМАРКАНД» (ПИСЬМО ЛЕСМЬЯНА
СМОЛОЗА ЭЛУ КНИЛЬХТУ)**

«Многоуважаемый друг мой Эл!

Я получил все письма от тебя. Прости меня за немногословность; всё надеюсь, что мы скоро встретимся и поговорим наяву, а не на бумаге.

Твои письма — настоящий клад. Читаю их — и будто сам переносюсь туда, где ты сейчас, вместе с тобой путешествую по Африке и Азии, вижу, слышу и чувствую всё то, о чём рассказываешь мне.

Когда я получил последнее письмо от тебя, то был ещё во Франции, но теперь мы с тобой уже не так далеко друг от друга. Я приехал в славный город Самарканд. И тут познакомился с правителем тюркской державы Улугбеком — внуком Тамерлана. Он занимается точными науками, читает лекции в здешних училищах. Улугбек во многом способствовал развитию астрономии и математики, составил каталог более тысячи звёзд. Рядом с Самаркандом по его велению построили большую обсерваторию, оснастили её лучшими приборами. Улугбек — гениальный учёный, однако же некоторые недовольны им: воинам не нравится миролюбие господина, а духовенству — его научные занятия.

Я совершил уже несколько прогулок по городу, любуюсь величественными дворцами, мечетями. Побывал в мавзолее Гури-Эмир, где похоронен Тамерлан. Чтобы у тебя сложилось представление о Самарканде, приведу в своём письме отрывок из дневника одного посла, который сюда приезжал:

«Самарканд расположен на равнине и окружён земляным валом и очень глубокими рвами. За городом выстроено много домов, примыкающих к нему с разных сторон как предместья. Весь город окружён садами и виноградниками. Между этими садами пролегают улицы и площади, очень населённые, где живёт много народа и где продаётся хлеб, мясо и многое другое. Так что то, что находится за валом, более населено, чем сам город. В этих загородных садах много больших и знаменитых построек, и у самого сеньора (то есть у Тамерлана) там есть дворцы и погреба... Сеньор очень хотел возвеличить этот город и, когда завоёвывал какие-либо земли, отовсюду приводил людей,

чтобы они населяли город и окрестные земли. Особенно он собирал мастеров по разным ремёслам. Из Дамаска он прислал различных мастеров, каких смог найти: всевозможных ткачей, умельцев по лукам для стрельбы и оружейников, тех, кто обрабатывает стекло и глину, и эти мастера считаются лучшими в мире. А из Турции он привёл арбалетчиков и других умельцев, каких смог найти: каменщиков, золотых дел мастеров, сколько их нашлось; и столько их привёз, что в городе можно найти любых мастеров и умельцев».

Тамерлан хотел сделать Самарканд столицей мира...

В ближайшее время я буду здесь. Если появится возможность — приезжай сюда, встретимся. Сейчас живу во дворце правителя, преподаю философию в медресе.

Твой верный друг Лесмян».

«СИСТЕМА АНТАРЕС» (ЗАПИСЬ ИЗ ДНЕВНИКА ЛУЧЬЯНА СМОЛОЗА)

«Пока мой корабль летел к гигантской звезде Антарес, я прочитал огромное количество книг, то и дело выходя на связь с начальством из Грайюнкма, Леопальда и других городов. Приблизившись к той системе, судно замедлило скорость. Там вращалось более полутора тысяч планет, и навигатор с трудом нашёл нужную.

Наконец корабль добрался до неё и благополучно сел на поверхность. Там меня встретили власти как почётного гостя, мы совершили обзорную экскурсию по городу Чекастеру. Здесьние жители практически не отличаются от нас, людей, по своему виду.

Что тут было при моём появлении! Дороги в центре города перекрыли, даже воздушное движение частично остановилось. А когда я появился в здании Правительства, то мне все рукоплескали. Пришёл сам правитель системы Антарес — старец Редуций (у него на самом деле имён больше, чем у Камиасты). В честь моего приезда здесь устроили банкет.

Редуций был таким старым, что я выглядел рядом с ним мальчишкой (и это в мои-то пятьсот лет!), но, несмотря на преклонный возраст, очень хорошо управлял огромной системой. Он рассказал, что Антарес сотрудничает в разных сферах с несколькими тысячами систем в Галактике! Сюда

даже алгольцы побоялись вторгаться; узнав о захвате войсками Гасана соседних систем, жители планет Антареса освободили их.

— Вы бывали в какой-нибудь другой галактике? — спросил меня Редуций.

— Нет, никогда не бывал, — ответил я. — А разве кто-нибудь летал так далеко?

— Да, летали, — сказал он. — Я сам бывал в Галактике Андромеды один раз. И летал к центру нашего Млечного Пути. До других галактик, конечно, долгий путь, но сейчас созданы очень мощные корабли, способные преодолеть колоссальное расстояние за короткое время.

После его слов я призадумался: смогу ли когда-нибудь слетать в другую галактику? Сейчас мне это кажется невероятным. Но ведь в детстве мне казалось невозможным выйти за пределы атмосферы Юпитера, потом — за границы Солнечной системы...

Я не хотел уже вступать в Союз, куда так стремится Камиаста, но всё же заключил соглашение с системой Антарес — Редуций подписал бумаги. Солнечной системе необходимо торговое сотрудничество с этой системой — так у нас появится множество новых технологий, в которых нуждаемся.

Теперь мне осталось посетить лишь систему Поллукс, после чего смогу вернуться домой».

«С ЮБИЛЕЕМ, ЛУЧЬЯН!» (СТАТЬЯ ЗИЛА РАХМАНА, ГАЗЕТА «НОВОСТИ ГРАЙЮНКМА», ГРАЙЮНКМ)

«Дорогие друзья!

Сегодня юбилей у нашего дорогого Лучьяна Смолоза. Я знаю его с самого детства и честно могу сказать, что он всегда был моим лучшим другом. Судьба многократно разлучала нас на долгие годы. И сейчас Лучьян находится очень далеко отсюда и вынужден праздновать эту великую дату в межзвёздном пространстве.

Его жизненный путь был трудным. Он проявил себя во многих начинаниях. Постоянно жил в труде, создавал что-то новое. Открыл космос, первым из юпитериан посетил другую планету. Потом мы вместе летали в экспедицию на Марс, долгое время жили на Земле. С ним путешествовать совсем не страшно: мой друг — очень надёжный человек.

Благодаря его умелому руководству объединённые войска планет-гигантов не только разгромили алгольцев, приблизившихся к нашей системе, но и освободили от них Альфу Центавру.

Являясь военачальником, Лучьян всегда находился в передних рядах. Он стал образцом воинского мужества, самоотверженности, готовности к любым испытаниям.

У него очень доброе и чуткое сердце. Живя на родине, мой друг помогал материально детским домам, больницам, научным организациям, культурным учреждениям. Лучьян заботится о своих родственниках, друзьях, знакомых, помогает всем словом и делом. И он явился для меня примером доброты и отзывчивости. Конечно, у него гениальный ум и много научных достижений. Но в первую очередь его любят за хорошие дела и бескорыстие.

Мой друг всегда оставался оптимистом и верил только в лучшее. Это помогало и помогает ему жить. Пусть же у него исполнится всё то, о чём мечтает, жизнь будет насыщена радостными событиями. Желаю юбиляру найти хорошую жену, создать семью, пребывать в почёте и достатке. И оставаться таким же замечательным человеком. С праздником, Лучьян!»

«СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА» (ЗАПИСЬ ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕСМЬЯНА СМОЛОЗА)

«Волей случая мы с Элом Книльхтом оказались на юге Франции — сбежали туда из Самарканда после убийства Улугбека. Собственный сын приказал лишить его жизни. Обсерватория погибшего правителя была разгромлена. А тут, в Монпелье, мы устроились в университет уборщиками, получили каморку для проживания.

В Европе только что закончилась война между Англией и Францией, продолжавшаяся более сотни лет.

После смерти короля Филиппа IV Красивого и его сыновей прямая линия династии Капетингов прервалась. Претендентом на престол был сын дочери Филиппа IV — английский король Эдуард III. Но во Франции королём объявили племянника Филиппа IV — Филиппа Валуа, родоначальника новой династии. Чтобы лишить Эдуарда III прав на престол, французские юристы заявили, что земля не может передаваться по женской линии, и в качестве доказательства привели статью из «Салической правды», в которой говорилось об этом. Эдуард III не согласился с ними.

Это было одной из причин войны. Другой причиной стало то, что английские короли давно владели некоторыми землями Франции, будучи вассалами Капетингов, а теперь французские короли начали отбирать у них эти территории, намереваясь изгнать англичан из страны.

Начавшаяся война была на руку феодалам обеих держав.

Союзниками англичан стали горожане Фландрии, испанское королевство Арагон и Священная Римская империя. Французов поддерживало папство, испанское королевство Кастилия и Шотландия.

В первые годы войны победы одерживала Англия. Прекрасно действовала её пехота и конница. Во французской армии отсутствовала дисциплина. В битве при Креси король Филипп VI атаковал англичан, не подготовившись в полной мере к бою. Французские рыцари начали беспорядочное наступление, затоптали своих же арбалетчиков и были обстреляны английскими лучниками. Одержав победу, англичане осадили французский порт Кале.

Они захватывали всё новые территории противника. И в битве при Пуатье лишили его и армии, и короля. В это время вспыхнуло крестьянское восстание, названное «Жакерией» от простонародного имени Жак. Оно развернулось на большой территории вокруг Парижа, и участвовало в нём до ста тысяч человек. Они нападали на замки, грабили и поджигали их, бросали в огонь налоговые документы и списки феодальных повинностей, уничтожали феодалов и их семьи, стремясь освободиться от хозяев. Но дворяне собрали людей для борьбы, взяли в плен предводителя восставших Гильома Каля и разгромили крестьян.

Сопrotивление французам возросло, и англичане согласились на мирные переговоры. В Бретиньи был заключён мирный договор. Эдуард III получил в независимое управление земли на юго-западе страны и вокруг Кале.

Французы, уклоняясь от больших сражений, совершали внезапные нападения на врагов и понемногу вытесняли их со своей территории. Англичане столкнулись с трудностями: правительство ввело «подушный налог», и из-за него случилось восстание под предводительством кровельщика Уота Тайлера. Крестьяне нападали на феодалов и сборщиков налогов и убивали их, пытаясь уравнять в правах все сословия, кроме короля. Крестьянское войско захватило Лондон, стало громить дома королевских приближённых и чиновников. Юный король Ричард II поговорил с восставшими и узнал, что они хотят быть свободными и не нести наказания за мятеж. Правитель пошёл на уступки, и большинство крестьян покинуло город, а оставшиеся начали требовать ещё поделить между всеми церковные земли и отменить дворянские привилегии. Во время этих переговоров Уот Тайлер был убит мэром города, а другие предводители повстанцев — схвачены и позднее казнены. С мятежниками жестоко расправились.

Враждовавшие стороны решили отдохнуть, заключили перемирие и занялись своими делами. Но английский король Генрих V вновь развязал войну. В битве под Азенкуром французы были разгромлены.

После заключения договора о том, что Генрих V должен стать наследником Карла VI и управлять объединённым королевством, Франция могла лишиться национальной независимости. Но сын Карла VI дофин Карл продолжил борьбу. Жанна д'Арк помогла ему восстановить престол, в те годы патриотично настроенные французы начали наступление, и к настоящему времени англичане изгнаны со всей территории их страны».

«ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ» (ЗАПИСЬ ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕСМЬЯНА СМОЛОЗА)

«Османские султаны хорошо командовали войском, в основе которого была конница, организовывали и пополняли его. Они имели лучшую в Европе артиллерию.

Захватив большие территории у Византии, османы пошли на Болгарию и Сербию. Они разбили сербов в сражении на Косовом поле.

Поняв, какую опасность турки представляют для Византии, папство устроило Крестовый поход против них. В битве при Никополе на Дунае, а потом и под Варной крестоносцы потерпели поражение.

Султан Мехмед II Завоеватель стал готовиться к завоеванию Константинополя. В апреле этого года турецкое войско (около ста пятидесяти тысяч человек) вместе с флотом блокировало Константинополь. Против них боролось всего семь тысяч жителей города. Турки применили артиллерию, использовали подкопы и осадные башни. Их войско постоянно пополнялось свежими силами, и защитники Константинополя несли огромные потери. Захватив город, османы разграбили его и устроили там резню. Одни защитники, в том числе и император Константин XI, погибли. Других продали в рабство. Византийские учёные, художники, ремесленники бежали в другие страны, взяв с собой древние рукописи и иконы. Захватчики переименовали Константинополь в Стамбул и сделали его столицей Османской империи.

Так произошло падение тысячелетней Византийской империи».

«НАПУТСТВИЕ ПОТОМКАМ» (ИЗ ЛЕТОПИСИ ЕЛИЗОРА, МОНАХА ТРОИЦКОЙ ОБИТЕЛИ)

«Дорогие мои потомки, обращается к вам старец, прослуживший

много лет в Троицкой обители. Тот самый седой дедушка с длинной бородой, так любящий принимать прихожан в монастыре, выслушивать их чаяния.

У меня нет родных по крови детей, и потомками я называю всех, кто остаётся в этом мире и кто ещё родится когда-либо. Сам уже немощен, доживаю свой век в келье, не могу выйти наружу, потому что ноги не ходят, и разум часто затмевается. Я прожил почти сотню лет, видел и Куликовскую битву, и Тохтамышево нашествие, и ещё много событий.

Обращаюсь к вам, своим потомкам, с единственной просьбой: живите в мире и согласии. Не будьте врагами друг другу. Не делайте друг другу зла. Помните — наш век короток, и, враждуя с кем-то, мы наказываем в первую очередь себя.

Вся Русь стала свидетелем печального примера вражды Василия, сына Василия Дмитриевича, и его двоюродного брата Дмитрия Шемяки. Все годы княжения Василия Дмитриевича я служил ему верой и правдой, и перед смертью он взял с меня и других верных людей слово, что мы будем считать великим князем его сына Василия, тогда ещё девятилетнего мальчика. В тот год преставилась и моя мать Устинья — как и Василий Дмитриевич, от чумы.

Несколько лет спустя праздновалась свадьба Василия. Когда жених и невеста приехали из церкви и все сели за праздничный стол, один боярин углядел у Василия Косого, двоюродного брата великого князя, пояс, который принадлежал Дмитрию Донскому и когда-то затерялся. Софья Витовтовна, узнав об этом, сорвала пояс с Василия Юрьевича. Он и его брат Дмитрий Шемяка, разгневанные, уехали в Галич к отцу.

Шемяка причинил великому князю больше всего зла. Поначалу Василия изгнали из Москвы, дав ему в удел Коломну, но затем он вновь смог захватить власть и ослепил Василия Косого. Через несколько лет Дмитрий Юрьевич, овладев Москвой, ослепил Василия и сослал его в Углич.

Потеряв зрение, князь раскаялся во многих своих грехах, даже смог простить Шемяку. Но двоюродный брат продолжил вражду, они вновь стали воевать, Василий собрал войско против Дмитрия, но тот сбежал в Новгород и там отравился ядом.

В этом году скончалась мать великого князя Софья Витовтовна.

Я тяжело болен, меня многие навещают. Недавно приезжали Мария Ярославна и княжич Ваня, которого я воспитывал, обучал грамоте. Он умный мальчик и непременно станет мудрым и добрым правителем.

Послушайте меня, старика. Не держите друг на друга зла. Не тратьте свою жизнь на недовольство, обиды, злобу. Любите друг друга, творите добро, и вам воздастся.

Живите в мире и согласии, мои дорогие потомки».

«СИСТЕМА ПОЛЛУКС» (ЗАПИСЬ ИЗ ДНЕВНИКА ЛУЧЬЯНА СМОЛОЗА)

«В этой системе необычно и неудобно — здесь несколько светил и не только не бывает ночи, но всегда необычайно ярко. Я приблизился к одной из планет, покружил над мегаполисом и сел в космопорте.

Здесь обитатели также были похожи внешне на людей, только с серой кожей. Мой путь лежал в великолепный дворец, где восседал император. Договорившись об аудиенции у него, я стал дожидаться, когда он освободится, и с помощью электронного переводчика поговорил с его мудрым слугой Карасимом.

Собеседник поведал о кастах, которые живут на этой планете. Одна каста — монахи, служащие Великому Ягурфу — божеству, считающемуся создателем всего сущего. Он якобы сотворил звёзды и планеты, населил планеты живыми существами. Другая каста производит материальные блага. Третья — охраняет обе другие касты.

Заметив, с каким восхищением я осматриваю дворец, Карасим сказал, что сюда приходит множество паломников, прилетают толпы туристов. И сейчас путешественники с других планет, из других систем заполнили площадь перед дворцом.

Появился император в нарядных одеждах и подписал соглашение. Карасим выразил желание посетить Солнечную систему, и я готов был взять его с собой, но правитель сказал, что отпустит слугу позже.

Когда я уже покинул систему Поллукс, перестал работать навигатор. И мне пришлось связаться с профессором Лимусом, чтобы получить ориентировку до Бетельгейзе. Он осведомился о направлении полёта и велел свернуть на тридцать градусов влево и лететь по возможности прямо — так окажусь рядом с этой системой. Я так и сделал. Корабль, набирая скорость, нёсся по космическим просторам, и я, сделав себе кофе, любовался далёкими созвездиями.

Теперь моя миссия была выполнена. Но всё же я колебался: вступать в этот Союз или не вступать? Сам ведь не хотел, чтобы Солнечная система стала зависимой от него. У меня

было ещё время, чтобы передумать. Я чувствовал большую ответственность за нашу систему...

Увидев на экране предупреждение о поясе астероидов, хотел затормозить, но вдруг обнаружил, что двигатель не работает и я лечу по инерции. Топливо закончилось! Меня охватила настоящая паника; корабль постепенно снизил скорость и врезался в какую-то глыбу, его отбросило назад, и он поплыл куда-то...»

«НОВЫЙ ЭЛИКСИР» (СТАТЬЯ АЛЕКСИСА МАРСЕЯ, ГАЗЕТА «ЗДОРОВЬЕ», ГРАЙЮНКМ, ЮПИТЕР)

«Человечество мечтало о бессмертии — и получило его!

Новый эликсир, созданный гениальным учёным Макколом Дьюисом, — не бредни докторов, а реальное средство для вечной жизни. В Ганакоре и соседних странах проведено две сотни опытов, и все случаи показывают, что это лекарство останавливает старение организма и продлевает жизнь на неопределённое количество лет. Рецепт Дьюис и его коллеги пока хранят в секрете.

Но всё тайное становится явным, и когда-нибудь эликсир станет обычной добавкой к пище каждого. Пока же это редкое лекарство, продающееся по высокой цене. Покупателям предъявляются неопровержимые доказательства его чудодейственной силы. Помимо прочего, оно со временем излечивает все болезни, имеющиеся у человека. Это горьковатая на вкус жидкость светло-зелёного цвета. В будущем планируется выпуск препарата в капсулах.

В правдивости информации о лекарстве ручаются сотни тысяч жителей Грайюнкма, продегустировавшие его. В их числе — такие знаменитости, как политик Зил Рахман, актёр Тави Уайлер, певец Пумбо Клай. Даже сам правитель системы Альфа Центавра Эжен Камиаста, участвовавший в дегустации, считает, что это «эликсир бессмертия».

«Наш препарат лечит от всех болезней, — рассказывает Маккол Дьюис. — Обладает обезболивающим действием. Детям он противопоказан, так как может остановиться рост и развитие органов. Взрослые могут принимать не более одной столовой ложки лекарства в день. Передозировка нежелательна. Есть небольшие побочные эффекты, но в целом эликсир безопасен для здоровья, он изготовлен из средств народной медицины. Отпускается без рецепта врача».

Можем добавить к его словам, что главным побочным эффектом будет перенаселение планеты — ведь люди перестанут умирать.

Некоторые ганакорцы не считают, что вечная жизнь — благо. Но, с другой стороны, каждому хочется, чтобы его близкий человек жил всегда.

Этому и будет способствовать чудо-эликсир».

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ. НАЧАЛО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. В ГОСТЯХ У ДРАКУЛЫ

В январе 1848 года Лучьян с тремя мальчиками — внуком Костей, правнуком Афоней и слугой Ивлием — приехал в Румынию, в местечко Бран под Брашовом к своему старому знакомому — графу Дракуле, которого не видел почти четыре века...

Дилижанс подкатил к возвышавшемуся над скалами замку с серыми стенами и красными крышами зданий. Путники вышли из кареты. Когда рассчитались с возничим и тот уехал, четверо гостей Трансильвании ещё некоторое время оглядывали горы с покрывшими их рощами и покрасневшую луну на горизонте, затем двинулись к воротам.

— Вы поняли мой наказ? — спросил у мальчиков Лучьян.

— Да, мы не должны отходить от тебя далеко, — ответил Афоня.

— Правильно. В замке опасно, знайте это. Дракула — вампир, и многие из его гостей — такие же, поэтому будем держаться вместе.

— Дедушка, а как узнать, человек — вампир или нет? — спросил Костя.

— Иногда это бывает очень трудно сделать, — задумался Лучьян. — Но самые типичные признаки вампира вам, наверное, известны: он боится чеснока и соли, не отражается в зеркале, не прикасается к священным предметам. Вы не забыли элементарные выражения из языка вампиров, которым я вас научил?

Мальчики покачали головами.

— Главное — не бойтесь Дракулу. Он вас не тронет. Можете говорить при нём о чём угодно, главное — не обманывайте его, он больше всего не любит лжи.

Лучьян громко постучал в ворота. Тут же со скрипом отодвинули несколько тяжёлых задвижек, и гости увидели слуг, лакеев. Те разбежались, и навстречу путникам вышел высокий лысый старик с морщинистым лицом и длинными седыми усами, держа в руках серебряный фонарь.

— Vine ați venit, dragi oaspeți! — улыбнулся он.

Мальчики сняли шапки и кивнули в знак приветствия.

— Да не снимайте вы шапки, простудитесь! — засмеялся Лучьян. — Они, наверное, вспомнили легенду, в которой ты прибил послам фуражки к головам гвоздями, когда те не сняли их!

— Нет, нет, сейчас зима, простудитесь! — теперь на ломаном русском сказал граф. — Да это ведь сам Лучьян!

— Он самый, он самый, — закивал тот. — Четыреста лет не виделась! Как ты поживаешь?

— Ничего идут дела, ем я мёртвые тела! — и Дракула разразился таким хохотом, что, казалось, горы содрогнулись.

— Он шутит, как всегда, — шепнул мальчикам Лучьян. — Не волнуйтесь. Позвольте вас познакомиться. Это мои мальчишки — Костя, Ивлий и Афоня. А это тот самый легендарный Дракула. Мы хотим побеседовать для статьи в русской газете с одним из твоих гостей — графом Гоффманом. Он приедет сегодня?

— Он уже здесь, — Дракула указал рукой на окна замка, в которых горел свет. — Пир в самом разгаре! Проходите, не задерживайтесь на пороге! Всё моё внимание будет уделено дорогим гостям!

Хозяин провёл Лучьяна и мальчиков в огромный зал, где пировали за столом знатные люди. Звучала медленная музыка, и под неё танцевали пары. Дракула усадил прибывших гостей на свободные места, познакомил со своими друзьями. Среди них был и граф Гоффман — невысокий, щуплый старик с седой шевелюрой и широким гладко выбритым лицом.

— Дракула, у меня пропал кошель, — пожаловался он хозяину.

— Такого не может быть, — возразил тот. — Среди моих гостей нет воров. Проверь хорошенько все карманы.

— Я уже несколько раз проверил, — ответил Гоффман. — Он куда-то исчез!

— Очень странный случай, — пожал плечами Дракула. — Ладно, я возьму тебе пропажу. Сколько денег было в кошельке?

— Около трёхсот дукатов.

— А точнее?

— Двести девяносто пять.

Дракула приподнял длинную скатерть, поднял кошель, лежавший на полу, открыл его и пересчитал деньги в нём:

— Вот он. Я просто проверял тебя. Там действительно была названная тобою сумма. А если бы ты мне соврал — то оказался бы вместе с ними, — хозяин указал на виселицу в другом конце зала, на которой болтались мертвецы.

Наши путники только сейчас увидели её, и им стало не по себе...

— Дракула, нам уже пора, — заторопился Лучьян. — Спасибо тебе за приём.

— Как, вы уже уезжаете? — опечалился граф. — Так быстро? Нет-нет. Я должен показать вам свой замок.

— Может, как-нибудь в другой раз? — засомневался Лучьян.

— Нет, нет, идёмте, — Дракула повёл гостей в свой кабинет.

Они прошли в ярко освещённую лампами комнату с письменным столом, затем посетили библиотеку, где было множество книг по экономике, политологии, истории, географии и другим дисциплинам. Потом вернулись в кабинет, служанка принесла всем чаю, и Дракула с Лучьяном стали вспоминать давние времена, а мальчики с интересом слушали их.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВОСПОМИНАНИЯ

Лучьян планировал прибыть на Русь, но из-за неполадок в корабле сел западнее, в Румынии. Там спрятал судно и узнал у жителей, что это за местность.

Только собрался идти на Русь, как взяли его за какую-то кражу, к которой он не имел никакого отношения. Привели к самому господарю Владу III Цепешу, по прозвищу Дракула, тот побеседовал с ним и убедился, что старик не виновен. Заметив, что Лучьян — очень мудрый человек, Дракула предложил ему стать советником при дворе. Наш герой согласился, так как знал, что Лесмян и Эл находятся здесь, в Европе, и хотел разыскать их.

Он провёл при дворе Дракулы шесть лет, был свидетелем многих преступлений этого правителя, которые позже вошли в сказания. Лучьяну удалось узнать о местопребывании своего брата и друга и начать переписываться с ними. Они находились в Англии, участвовали в войне Алой и Белой розы.

«Здесь идёт борьба двух родов — Ланкастеров и Йорков, — писал Лесмян. — Столько крови мы не видели никогда. Эта война стала сплошным кровавым месивом, все предают, убивают

друг друга, и мы невольно оказались втянутыми в ужасную расправу...»

На вопрос брата о его жизни Лучьян отвечал:

«Живу при дворе румынского господаря. Не знаю, когда удастся отсюда выбраться — кажется, что меня здесь силой удерживают. Правитель пытается искоренить воровство в стране, но слишком уж строгое наказание он придумал за это: сажать на кол. Увидев, какие орудия его приближённые используют для пыток, я был потрясён. Сознаюсь, мне жутко здесь. У Цепеша к тому же много странных привычек. При дворе стали исчезать люди, пропали без вести послы венгерского короля...»

Лучьян отговаривал Дракулу от принятых им жестоких мер, но тот остался непреклонен. Считая своего советника занудным стариком, господарь лишний раз не привлекал его к государственным делам.

Началась война между Владом Цепешем и турецким султаном Мехмедом II. Первое время перевес одерживал султан, он отправил к своему противнику посла, требуя дани. Дракула ответил, что не только выплатит её, но и со всем воинством пойдёт на службу к турецкому правителю. Тот поверил и велел жителям своей страны встречать его хлебом-солью. Однако коварный Дракула, придя с войском к туркам, стал разорять и разграблять их поселения, не щадя никого. Затем вернулся к себе и сказал приставам султана: «Идите и поведайте правителю вашему обо всём, что видели: как смог, послужил ему. И, если любя ему моя служба, готов и ещё так же служить, сколько сил моих станет».

Неожиданно приехал Эл из Греции, где ему ссудили огромную сумму золотом. Она требовалась для того, чтобы освободить из плена Лесмяна, и была занята у его богатого друга. Эл встретился с Лучьяном, поговорил, они поужинали вместе. Очень устав с дороги, гость бросил свой воз на улице, забыл о нём и лёг спать в комнате у друга. Утром он обнаружил, что с телеги украли сто шестьдесят золотых дукатов. Сообщил об этом Дракуле, тот дал слово, что пропажу найдут, и приказал искать вора по всему городу. И велел взять из своей казны сто шестьдесят один дукат и положить на воз. Пересчитав деньги, Эл вернул правителю лишнее. И тот сказал ему, когда привели вора с похищенным золотом: «Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, то посадил бы и тебя на кол вместе с этим вором».

Эл торопился — ему надо было срочно вызволять Лесмяна из плена. Лучьян решил ехать с другом, но Дракула приказал

стражникам никуда его не пускать, и старик понял, что попал в неволю. «Отправляйся быстрее, освободи моего брата! — сказал он Элу. — Со мной ничего не случится». «Я вернусь», — пообещал тот и уехал.

Когда на Влада пошёл войной венгерский король Матьяш I, Лучьян, воспользовавшись паникой господаря и суматохой при дворе, сбежал. Дракула был выдан противнику и брошен в темницу в Вышеграде. Там он провёл двенадцать лет. Король предложил ему принять католичество — тогда можно будет вернуть его на престол. Тот согласился. Матьяш вновь сделал пленника господарем и выдал за него замуж свою сестру. У них в браке родились два сына.

Однако война между турками и румынами не прекратилась. Когда османы совершили очередной набег на земли противника, Цепеш скрылся, пропал без вести, и пошли слухи, что он погиб. Король забрал сестру и племянников к себе.

Побродив по Балканскому полуострову, Дракула вернулся в Румынию. Он решил жить тихо, незаметно, взяв прозвище как официальное имя, не возвращаясь на престол. Построил свой замок, занялся торговлей, разбогател. И теперь был очень состоятельным человеком, имел дома в Румынии, Болгарии, Сербии, Венгрии, Греции и других странах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТАЙНА ПЕРСТНЯ ДРАКУЛЫ

После беседы Лучьяна с Дракулой, а затем с Гоффманом Костю начало клонить ко сну. Он недоумевал: почему дедушка так рвётся уехать? Мальчик даже забыл про виселицу с покойниками, увиденную недавно.

Лучьян тоже очень хотел спать и, оставив доводы разума, согласился остаться на ночь в замке. И хозяин выделил гостям комнаты, в которых они расположились.

— Могу порекомендовать тебе отличное средство для накопления энергии за ночь, — сказал Гоффман Косте. — Ты ведь хочешь просыпаться всегда бодрым и полным сил?

— Да. А разве есть такое средство?

— Есть. Пойдём со мной.

Он провёл мальчика в потайную комнату, где стояло несколько гробов, и открыл крышку одного из них.

— Здесь спят вампиры. Они заряжаются энергией. Полезай в этот ящик и ничего не бойся. К утру взбодришься, будешь очень хорошо себя чувствовать.

Костя постоял, подумал.

— Не знаю... Это плохая примета.

— Брось ты, все приметы выдумали, — махнул рукой Гоффман. — Полезай, полезай. Отлично выпишься.

Сон так сморил Костю, что у него не осталось ни сил, ни желания спорить и он молча полез в ящик. И, оказавшись там, мгновенно уснул.

Он спал так крепко, что, очнувшись, не мог понять, где находится. Потом вспомнил, как со спутниками прибыл в замок Дракулы...

Откинув крышку, Костя вылез из гроба и осмотрелся. Темно, тихо... Не слышно ни шума, ни голосов...

Мальчика охватил панический ужас, и он выбежал из комнаты. Мечась по коридору, никак не мог найти выход. Дёргал двери, но они были заперты. Он понял, что стал узником в этом замке. Где же его спутники?!

Вот скрипнула одна дверь, и Костя прижался к стене. Мимо него с закрытыми глазами прошёл Дракула, вытянув вперёд руки. Мальчик, словно загипнотизированный, последовал за ним. Тот отпер какую-то дверь, стал спускаться вниз по лестнице.

Выйдя на улицу, хозяин направился к флигелю, обошёл его стороной... и куда-то исчез. Выбежавший за ним Костя растерянно протёр глаза, огляделся.

Он двинулся по улице и... провалился куда-то. Даже ничего не успел подумать, осознать, как очутился в каком-то мрачном городе, с тёмными, чуть подсвеченными фонарями зданиями. Пешеходы были прозрачными, они не шли, аплыли по воздуху... Призраки! Костя очень испугался, однако не стал прятаться и побежал по узенькой улочке. «Подземный город! — думал он. — Ничего себе!..»

И, свернув за угол, едва не столкнулся с Дракулой. Тот чудом не заметил его, идя уже с открытыми глазами. Но, видно, что-то почувствовав, граф прибавил шаг, а потом двинулся рысцой.

Костя проследовал за ним. Дракула свернул в какой-то тупик. Не чувствуя подвоха, мальчик бросился за графом... и снова куда-то провалился — отодвинулась плита, и он, зацепившись за какую-то перекладину, повис над пропастью, дна которой не было видно...

— Ты думал, что перехитрил меня? — склонился над ним Дракула. — Здесь много таких ловушек! Тебя ждёт смерть, путник! Прощай!

— Вытащите меня! — в панике закричал Костя.

Но граф уже ушёл...

Лучьян со свечой в руке бродил по коридору, ища выход. Ивлий и Афоня следовали за ним.

— Вот поэтому я и не хотел здесь оставаться, — бормотал старик. — Дракула делает своих гостей пленниками, а потом умерщвляет их. Возможно, он до сих пор обижается на меня за то, что сбежал от него четыре века назад, и я не хочу, чтобы вы пострадали тоже. Не беспокойтесь, мы найдём выход из этого замка. Куда же пропал Костя?..

Он стал дёргать ручки дверей, и одна из них неожиданно со скрипом отворилась... Путники вошли в тёмную комнату, занавешенную шторами, и Лучьян при свете догоравшей свечи разглядел на комодe нечто блестящее.

— Это же... перстень Дракулы! — старик взял кольцо. — Антиквариат, отлитый ещё в 1453 году. Граф говорил, что в нём заключена его вампирская мощь.

— Этот перстень надо уничтожить! — воскликнул Афоня. — Сейчас же!

— Сначала нужно выбраться отсюда, — вздохнул Лучьян и положил перстень в карман рубашки. — Идёмте.

Они долго ещё петляли по коридорам в поисках выхода. И, когда уже стало светать, обнаружили чёрный ход и благополучно выбрались из замка.

— Надо ехать в Брашов, — сказал Лучьян, — найти там кузнеца, чтобы он расплавил это кольцо. Тогда Дракула перестанет губить людей.

Путники открыли ворота. Мальчики разместились в дилижансе, старик сел на место кучера, пришпорил коней, и те помчались в город.

В Брашове им удалось совершить задуманное, и обратно они возвращались в тревоге за Костю, пропавшего неизвестно куда.

У ворот замка их встречал хозяин. Солнечный свет, который падал на него, уже не мог принести ему вреда — граф сделался обычным человеком. Из ворот вышел Костя, уцелевший после походов в Подземном городе. Дракула вовремя перестал быть вампиром и вытащил его из пропасти.

— Милости прошу ко мне на завтрак, — улыбался старик.

— Ты не сердись за перстень? — удивился Лучьян.

— Нет. Хотя это и было моё главное украшение, оно приносило мне одни беды и страдания. Из-за него я загубил много людей. И сейчас будто очнулся после долгого кошмарного сна...

...Из замка Дракулы исчезли все вампиры. И наши путники спокойно позавтракали и, попрощавшись с хозяином, уехали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ КНЯЖИЧА ИВАНА

Детство будущего великого князя Ивана проходило в тяжёлые годы княжеских усобиц. Его отец Василий II враждовал с двоюродными братьями — Василием Косым и Дмитрием Шемякой.

Они воевали в разных землях, сжигая целые селения, беря в плен людей, уничтожая пашни и посева. Ордынцы совершили очередной набег на Русь, взяли в плен великого князя, потом отпустили за огромный выкуп.

В междоусобной борьбе князя жестоко расправлялись друг с другом. Сначала Василий Васильевич взял в плен Василия Косого и ослепил его. Потом Дмитрий Шемяка захватил Москву и велел выколоть глаза двоюродному брату. Но московское боярство и духовенство вернули престол Василию II, прозванному «Тёмным». Шемяка бежал в Новгород и там отравился ядом. На этом война закончилась.

Одним из воспитателей Ивана был старый монах Троицкой обители Елизар. Он оберегал мальчика во время страшных усобиц и нашествия татар, обучал его грамоте, воспитывал с огромной любовью. В юности Елизар участвовал в Куликовской битве, воевал с полчищами Тохтамыша. И теперь рассказывал Ване про Лучьяна, который бился бок о бок с ним. Княжичу хотелось познакомиться с этим легендарным человеком, но воспитатель говорил, что он теперь странствует где-то очень далеко...

В семь лет Иван был обручён с троюродной сестрой — пятилетней тверской княжной Марией, а в двенадцать —

женился на ней. Этот брак устроили для того, чтобы улучшить отношения московского и тверского князей. В шестнадцать лет Мария родила сына, которого называли тоже Ваней.

При Василии II укрепилась великокняжеская власть, почти не осталось мелких уделов в Московском княжестве. Ещё больше он подчинил себе Суздальско-Нижегородское княжество, Новгород, Псков и Вятку. Был разорван союз православной церкви с католической, заключённый на Флорентийском соборе 1439 года. Князь сделал митрополитом русского епископа Иону, тем самым провозгласив независимость Русской церкви от константинопольского патриарха и укрепив международное положение Русского государства.

Елизар ненадолго пережил бабушку Ивана Софью Витовтовну и умер, когда княжичу исполнилось четырнадцать лет. Он оставил послание «потомкам» — то есть всему человечеству, — в котором призывал жить в мире и согласии, любить друг друга.

Василий не платил татарам дани, а когда они совершали походы на Русь, побеждал их в битвах. В Крыму появилась новая Орда, первым ханом которой был Ази-Гирей, потомок Чингисхана, и последующие правители тоже назывались Гиреями.

Великий князь, опасаясь заговора, отдалился от бояр и сблизился с татарами. Многие из них, побеждённые в усобицах, просили у него убежища. Одному татарину, по имени Касим, он предоставил в удел Городец на Оке — с тем, чтобы татары несли сторожевую службу на границе. Их прозвали «казаками». Позже они участвовали в походах московских князей на Литву и Новгород и отличились не только храбростью в битвах, но и жестокостью к врагам.

Василий II скончался в 1462 году, когда Ивану было двадцать два года. Тот ещё в девять лет стал соправителем отца, помогал ему вести государственные дела, ходил в военные походы. Поделив между сыновьями русские города, великий князь оставил жене Марии Ярославне большую часть своего наследства.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПЕРВЫЕ ГОДЫ КНЯЖЕНИЯ

Вскоре после смерти Василия II в Москву прибыл Лучьян, Лесмян, освобождённый из плена, и Эл. С почестями встретил их новый московский князь Иван III — высокий, худой мужчина с карими глазами и тёмно-русскими волосами и бородой. На пиру путники познакомились с его семьёй — матерью, братьями и сёстрами, женой и сыном.

Потом Лучьян рассказал Лесмяну и Элу о своих полётах в другие звёздные системы. В межзвёздном пространстве

он столкнулся с астероидами, корабль был сломан, топливо закончилось, но удалось связаться с системой Антарес, и её спасательная служба нашла судно и благополучно доставила вместе с ним самим в Грайюнкм. Альфа Центавра вступила в Союз Объединённых систем, а Солнечная система — нет. Принятые в Союз системы платили огромные взносы и во многом зависели от системы Бетельгейзе, и миллиарды жителей Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна прислали Лучьяну петиции и письма, в которых просили не вступать в него, заверяя, что в случае вторжения захватчиков смогут сами защитить Солнечную систему. Он выполнил их просьбу.

Во время кратковременного пребывания в Грайюнкме наш герой продегустировал эликсир знаменитого доктора Маккола Дьюиса. Это снадобье замедляло старение организма и продлевало жизнь человека на неопределённое количество лет.

От Ивана III Лучьян узнал события последних лет на Руси. Лесмян дал ему прочитать свой дневник, который долгие годы вёл за границей.

Два брата стали приближёнными великого князя, Эл занялся воспитанием его маленького сына Ивана. Лесмян и Эл предстояло вернуть огромный долг греческому другу. Лучьян отдал им все свои сбережения, но это была лишь малая часть нужной суммы...

Первые годы правления Ивана прошли тихо и мирно. Князь приглядывался к своему окружению, учился управлять всем, укреплял войско. Измельчавших удельных князей он сделал московскими боярами, а их вотчины — поместьями. Лучьян, Лесмян и Эл стали первыми его советниками.

Заработав нужную сумму, Лесмян и Эл уехали в Грецию отдавать долг. Они прежде рассказывали Лучьяну об их греческом друге — Константине Солонисе, потомке Дионисия Ахенского — слуги Карла Великого. Он жил в роскошном доме в Афинах, занимался торговлей, много путешествовал. Был другом недавно скончавшегося деспота Фомы Палеолога, брата последнего византийского императора.

В Москве тем временем скончалась жена Ивана, княгиня Мария Борисовна, прожив всего двадцать пять лет. Ходили слухи, что её отравили. Лучьян видел, что у мужа не было любви к ней и теперь смерть супруги не сильно опечалила его...

В том же году, 1467-м, началась Казанская война — Иван III хотел освободить русских людей, захваченных татарами

в плен. Московское войско выступило в поход на Казань, к нему присоединились полки удельных князей и татары Касима. Однако из-за ударивших морозов все повернули обратно. Казанцы двинулись на Галич, попытались взять его штурмом, но безуспешно.

Иван III отправил одного из князей, Семёна Романовича, в поход на черемису. Там воины опустошили и сожгли деревушки, одних жителей перебили, других — увели в плен. Великий князь, находившийся во Владимире, послал с той же целью муромцев и нижегородцев на земли Казанского ханства. А татары совершали набеги на русские поселения.

В мае следующего года на Казань ходил отряд воеводы Ивана Руно, к нему присоединились воины из нескольких городов. Окружив татарскую орду с двух сторон, русские полностью уничтожили её.

Через несколько месяцев войско великого князя вновь ударило по Казани. Туда отправилась судовая рать по Волге из Нижнего Новгорода. Воины быстро захватили город и осадили крепость.

Брат Ивана III Юрий заключил от его имени мир с Казанью. Татар обязали освободить русских пленных, взятых ими за сорок лет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ВОЙНА С НОВГОРОДОМ

Новгород испокон веков жил обособленно от остальной Руси. Он был «мостом» между ней и Прибалтикой. Просторные новгородские земли раскинулись от Балтийского моря до Урала, от Белого моря до Волги.

Городом управляли бояре, называвшиеся «триста золотых поясов». В городскую казну поступали деньги с налогов и пошлин от торговых сделок. Хотя новгородская земля имела совсем небольшую армию, никто из русских князей ранее не смог подчинить её себе.

Иван III считал эту республику своей вотчиной, однако новгородцы не были согласны с ним. Великий князь посовещался с Лучьяном, тот выступил за объединение русских княжеств:

— Почти два с половиной века на Руси хозяйничают татары и литовцы. Если все русские земли объединятся, ты станешь управлять ими и все князья будут жить в мире и согласии, мы вместе сможем избавиться от врагов.

Псков также был на стороне Ивана III.

И тот начал готовиться к походу на Новгород. Отправил туда владыку Феофила, но жители не захотели его принимать. Узнав

о намерениях великого князя, они обратились за помощью к Литве. К ним прибыл литовский князь Михаил Александрович со свитой.

Новгородское боярство раскололось на две группы. В первой, управляемой богатой вдовой посадника Марфой Борецкой и её сыновьями, стремились к союзу с Литвой. А во второй — выступали за укрепление связей с Москвой.

В мае 1471 года Иван III известил Новгород о начале войны. Полки отбывали туда из Москвы с разницей в несколько дней, и Лучьян ушёл с первым, который возглавляли князь Даниил Холмский и боярин Фёдор Хромой. Воеводы хотели выманить из города войско и перебить по частям. Сам великий князь с приближёнными выехал из столицы на две недели позже. Добравшись до Новгородской земли, дружинники по его приказу стали сжигать селения, уводить в плен и убивать людей.

Новгородцы, разделившись на несколько ратей, двинулись навстречу им, за озеро Ильмень. Воины Холмского овладели городом Русой и сожгли его. А оттуда пошли вдоль западного берега Ильменя к реке Шелони, где их ждала псковская рать. Однако внезапно повстречали новгородское войско. Вступив в бой, москвичи одолели противника и, избив, изувечив многих, отпустили. Потом так же легко разгромили другую новгородскую рать, приплывшую на судах. Лучьян отправился к Ивану III, находившемуся возле озера Коломно, и сообщил об этих двух победах.

Псковичи, придя в новгородскую землю, тоже стали её разорять. Они приблизились к реке Шелонь, куда прибыло и московское войско; на другом её берегу стояла новгородская рать. Уже стемнело, и все решили переждать ночь.

Утром один из отрядов Холмского переправился через реку на надутых кожаных бурдюках. И вновь завязалась сеча. Новгородцы, разбив противника, стали преследовать отступавших, и все переплыли на другой берег реки. Там их ждали в засаде остальные московские воины и татары. Они поразили большинство новгородцев стрелами, а остальных разгромили и обратили в бегство, многих настигли и взяли в плен.

Великий князь приехал в Руссу, когда туда уже привезли пленников и трофеи. Бедняков он велел отпустить, среднее и высшее сословия — доставить в Москву и бросить в тюрьму (позже их по просьбе владыки Феофила отпустили), а предводителей казнили.

Итоги войны были подведены в Коростынском договоре. По нему

новгородцы присягали на верность Ивану III и обязались выплатить ему в течение года пятнадцать с половиной тысяч серебряных новгородских рублей. Внутреннее устройство города не менялось.

По возвращении в Москву великого князя и войско встречали толпы народа. Был устроен великий пир, на котором Лучьян выпил много хмельного мёда. Его огорчало, что покорение Новгорода стоило многих жизней. И вместе с тем он надеялся, что русский человек никогда больше не пойдёт войной на своего земляка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Ещё до войны Москвы с Новгородом папа римский Павел II предложил Ивану III через своего посла, того самого Константина Солониса, руку греческой царевны Софьи Палеолог. Византийскую империю уже давно захватили турки. Последний её император Константин XI погиб при штурме ими столицы — Константинополя. Его брат Фома Палеолог с семьёй жил в Морее (полуостров Пелопоннес), затем — на острове Корфу.

Монетных дел мастер Иван Фрязин поведал великому князю о красоте, уме и образованности царевны. И по его поручению привёз из Италии парсуну — портрет Софьи, круглолицей девушки с тёмными волосами и глазами.

В январе 1472 года за невестой отправили послов, с ними поехали Константин Солонис, Лесмян и Эл, и всех с большими почестями встретили в Риме. Там Софья обручилась с представителем Ивана III — Фрязиным. Обряд получился необыкновенно пышным и торжественным. По словам одного из очевидцев, царевна была «очаровательна и прекрасна», «плащ из парчи и соболей, прикрывающий пурпурное платье, развевался на её плечах, сверкающее золотое украшение с жемчугом сияло в волосах». Папа римский уже считал девушку «королевой русской» и надеялся на помощь Москвы в борьбе с турками. Он дал за невестой большое приданое и отправил её со свитой на Русь.

Всюду, где она проезжала, ей были рады. В Ревеле Софью тепло принимали ливонские рыцари. А в Дерпте встретил с поздравлениями посол от Ивана III. В Псковской земле в честь неё устроили великий пир. Проведя здесь пять дней, она сказала на прощание жителям: «Спешу к моему и вашему государю, благодарю бояр и весь Великий Псков за угощение и рада при всяком случае просить за вас в Москве». Псковитяне подарили ей пятьдесят рублей, а Фрязину — десять.

По прибытии в Москву она получила благословение митрополита, увиделась с великим князем и его матерью, и в тот же день отпраздновали свадьбу.

Лучьян вновь встретился с Лесмянном и Элом и был рад тому, что они наконец отдали долг Солонису.

Вскоре после свадьбы князя Лесмян и Эл уехали путешествовать по Европе. Константин Солонис остался на некоторое время в Москве.

Лучьян много заботился о Софье, которая ещё не привыкла к новому месту. Она уже ждала ребёнка, живот у неё округлился. Старик заметил, что княгиня стала печальной, и подумал, что, должно быть, скучает по семье. И однажды спросил её:

— Почему ты грустишь? Что случилось?

Софья сначала не хотела говорить, о чём тревожится. Но потом рассказала, что Константин Солонис пристаёт к ней. И на просьбы оставить её в покое отвечает, что княгиня должна быть послушна ему за то, что помогал материально семье Палеологов. Он говорит, что долг покойного Фомы растёт с каждым днём и она должна его выплатить — а это была уже невероятно большая сумма. Солонис почти довёл женщину до нервного срыва. Однако мужу, занятому государственными делами, та ни о чём не рассказывала.

— Не беспокойся, я поговорю с этим горе-ростовщиком, — дал слово Лучьян.

Но поговорить не успел. Константина на другой день нашли мёртвым в реке — он утонул, будучи пьяным. О его смерти сообщили князю и придворным.

В Москву приехал сын погибшего Леонид. Он подозревал, что отец не сам утонул — ему помогли. И в разговоре с Лучьяном признался, что у родителя была дурная слава из-за скверного характера и бесчестных поступков и поэтому его могли утопить. И сообщил, что Лесмян и Эл отдали Константину гораздо большую сумму, чем тот им ссужал — долг рос с каждым днём. Сам Леонид оказался честным и порядочным человеком. Он забрал тело отца с собой в Грецию.

Под влиянием Софьи порядки в Кремле начали меняться. Иван III принял вместо герба с изображением Георгия Победоносца другой, византийский — с двуглавым орлом. И церемонии

стали похожи на византийские. Великий князь теперь сидел на возвышении, на троне из слоновой кости, присланном из Византии, в богатом и пышном облачении, бархатном или атласном, украшенном соболями или горностаями. И все, даже самые знатные люди, потомки Рюриковичей, должны были целовать ему руку и низко кланяться, бить челом.

Изменился и сам Иван: из простого в общении человека превратился в крутого, властного. Бояре в челобитных — грамотах с прошениями или жалобами — к великому князю стали называть себя его рабами, холопами.

Княжич Иван, красивый русоволосый юноша, которого для отличия от отца прозвали Молодым, не раз говорил Лучьяну, что ему не нравятся те порядки, которые здесь завела мачеха.

— Ваня, твой батюшка остался вдовцом, когда был совсем молодым, — отвечал Лучьян. — Это очень тяжело, поверь мне. Он нуждался в супруге. И теперь счастлив, у него совсем другая жизнь. Не говори о Софье плохо, пусть они с твоим отцом живут в мире и согласии. Всё равно у тебя никто не отнимет престол, следующим правителем на Руси станешь ты.

Это немного успокоило княжича.

Вскоре великий князь объявил его своим наследником и сделал соправителем.

Они любили по вечерам приходить в комнату к Лучьяну или гулять вместе с ним и слушать рассказы старика о жизни. Однажды Иван III поведал собеседникам о тверском купце Афанасии Никитине, уже умершем, чью рукопись он прочёл — тот побывал в Персии, Индии, Сомали, Маскате и Турции. Его дневник занесли в Московскую летопись.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОКОРЕНИЕ НОВГОРОДА

Около трёх месяцев, с ноября 1475 года по февраль 1476, Иван III провёл в Новгороде. Он разбираал судебные тяжбы, выслушивал просьбы и жалобы людей. И принимал участие в богослужениях. Князь проявил себя как щедрый хозяин, хороший собеседник, выступив в роли народного защитника.

Потом в Новгород были отправлены московские послы. Им предстояло выяснить обстановку и склонить всех горожан к присяге великому князю. Но те не хотели признавать его своим господином. И вспыхнул мятеж. Народ жестоко расправился с боярами, являвшимися сторонниками москвичей.

Иван III начал готовиться к походу на Новгород и известил его жителей о начале войны. Лучьян вновь вышел из Москвы в одном

из передовых отрядов дружины, через несколько дней отбыл и великий князь, оставив в столице вместо себя сына. По дороге к воинам примкнули некоторые новгородские бояре.

Во время совещания с воеводами на стане Палины Иван определил и общий порядок наступления на Новгород, и задачи каждого полка. К дружине присоединились ополченцы из разных городов.

Войско приблизилось к Новгороду и окружило его со всех сторон, перекрыв дороги. Жители отправляли к великому князю послов для переговоров, и он диктовал им свои условия. При этом обещал боярам сохранить за ними вотчины и не привлекать к службе за пределами Новгородской земли.

Переговоры длились полтора месяца, и в конце их новгородцы объявили: «Соглашаемся не иметь ни веча, ни посадника; молим только, чтобы государь утолил навеки гнев свой и простил нас искренно!»

Иван снял осаду с города, и жители присягнули ему на верность. Были арестованы и привезены в Москву Марфа Борецкая и многие бояре. По велению князя Лучьян изъял из новгородского дипломатического архива все договоры с литовскими и польскими правителями.

Иван простился с новгородцами и уехал в Москву. Через несколько дней по его велению в столицу привезли вечевого колокол — главный трофей из похода — и повесили на колокольне Успенского собора. Князь сменил выборных посадников и тысяцких своими наместниками. Он не выполнил обещания, данного боярам: стал отнимать у них земли и передавать служившим ему людям.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. СВЕРЖЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА

У великих князя и княгини родились три дочери, и им хотелось ещё сына. И вот наконец появился на свет мальчик, и назвали его Васей. Родители были счастливы. Но их радость омрачало то, что Русь находилась под властью Золотой Орды. Софья не раз говорила, что вышла замуж за раба татар.

Однажды, когда к Ивану III приехали за данью послы хана Ахмата и вручили его грамоту, великий князь порвал её и бросил на пол, сказав: «Умерла та курица, что несла татарам золотые яйца!» И выгнал незваных гостей, не дав им ничего.

Польский король Казимир IV, узнав об этой ссоре, ещё больше стравил противников. Он наговорил Ахмату про Ивана III столько плохого, что тот твёрдо решил напасть на русские

земли. Король пообещал воевать на его стороне. Но крымский хан Менгли-Гирей, верный великому князю, совершил набег на польские и литовские земли, и Казимир побоялся выступить в поход.

Накануне отбытия из Москвы с войском Лучьян, по обыкновению, рассказывал на ночь сказки детям Ивана. Девочки уснули быстро, а Вася долго ворочался, и старик качал его кроватку и любовался им — таким хорошеньким, в новой распашонке...

— Моих сыновей давно уже нет в живых, — тихо сказал Лучьян Софье. — Глядя на маленьких деток, я вспоминаю, как нянчил их, укладывал спать...

Она поведала, как до появления на свет Васи видела во сне Сергия Радонежского, который предсказал ей рождение мальчика.

Это был памятный 1480 год. Хан с ордой шёл на север медленно — ждал, когда король присоединится к нему. Решил идти на Москву через Калужскую землю, граничившую с Литвой. Лучьян двинулся навстречу противнику с войском под командованием Ивана Молодого. В середине июля татары вышли к верховьям Дона. Великий князь расположил ставку в Коломне.

Рати Ивана Молодого и его дяди Андрея Меньшого направились к Калуге. Фактически всем войском руководил боярин Даниил Холмский. «Мы должны изгнать их насовсем, — думал Лучьян. — Сейчас или никогда. Если проиграем, Ахмат устроит здесь погром».

Иван III вернулся в Москву. Там народ был встревожен. Князя и его свиту окружила толпа, люди умоляли защитить их от страшного врага. В Кремле прибывших встретили митрополит Геронтий и ростовский епископ Вассиан, который упрекнул Ивана, что тот оставил войско, сбежал.

Великий князь перебрался из Кремля в свою загородную резиденцию в Красном селе. Он отправил гонца к сыну с приказом вернуться в Москву. Но тот не покинул войска и передал отцу: «Ждём татар. Дождёмся и будем биться». Иван III повелел Холмскому привести княжича в Москву под стражей, но воевода, прибыв к нему, лишь сказал, чтобы ехал к родителю. Молодой человек ответил: «Лучше здесь умру, чем отдалюсь от войска!»

Ахмат, остановившись под Калугой, долго ждал Казимира.

Но не дождался. Встретившись с войском великого князя на реке Угре, он стал проводить разведку боем, но получил отпор. Ордынцы попытались перейти реку, но русские отбили их атаку, застрелив многих из луков и пищалей. После этого много дней противники, стоя на берегах реки, наблюдали друг за другом, тянули время.

Иван III начал переговоры с Ахматом. Он едва не раскаивался в том, что виновен перед ханом. Тот потребовал явиться к нему лично и просить прощения у стремени его коня. Лучьян отправил великому князю письмо, в котором требовал не соглашаться и не примиряться с врагом. Архиепископ Вассиан в наставительном послании призвал Ивана к защите православной веры и Русской земли.

Княгиня Софья с детьми уехала в Дмитров, а потом — на Белоозеро. Мария Ярославна осталась в Москве, готовясь в случае пришествия Ахмата пережить вместе с жителями осаду города в Кремле.

Наступили морозы. Угра заледенела. Иван III приказал войску отойти на север, в район Кременца, поняв, что тогда и татары, может быть, уйдут восвояси. Отступая, многие опасались, что враг пустится в погоню.

Ордынцы решили, что русские заманивают их в засаду, испугались и двинулись обратно в степи. Они разорили по приказу Ахмата двенадцать городов, находившихся во владении литовцев, за то, что Казимир не выполнил своего обещания, не помог им.

Лучьян с войском пришёл к южным границам Руси и простоял там до конца декабря.

На берегах Малого Донца князь тюменских татар Иван, наслышанный о том, что Ахмат добыл большие богатства в литовских городах, с воинами напал на него и убил. Потом быстро захватил Орду, разорил Сарай. И отправил к великому князю послов — сказать, что враг уничтожен, а он сам, как потомок Чингисхана, просит только его дружбы.

Так было свергнуто татаро-монгольское иго.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. НОВАЯ СЕМЬЯ ЛУЧЬЯНА

В Москву приехал итальянский купец Джузеппе Феврони. Будучи человеком общительным, он подружился здесь со многими. И познакомился с Лучьяном, умевшим говорить по-итальянски, когда нанёс визит великому князю.

Целый вечер они беседовали, рассказывали друг другу о своей жизни и деятельности. И на следующий день Джузеппе решил, что должен выдать одну из своих дочерей замуж за Лучьяна. Позвал нового знакомого в солнечную Италию, и тот поехал, думая, что пробудет там совсем недолго, а на самом деле прожил несколько лет.

В Риме Лучьяна обручили с дочерью Джузеппе Ниной. На церемонии отец невесты поведал о том, как много слышал о его достижениях, о верной службе русским князьям, и поэтому был рад видеть Лучьяна своим зятем. Тот остался жить в огромном доме с семьёй молодой жены — её родителями, дядями и тётями, младшими братьями и сёстрами.

Нина была красивой — со светлыми волосами, голубыми глазами и тонкими чертами лица. Лучьян боялся, что она не полюбит его, хотя за последние годы он даже будто помолодел. Но со временем супруги очень привыкли друг к другу. Она выращивала цветы, писала картины, и скоро это стало и его хобби. Джузеппе брал зятя с собой в торговые поездки.

Через год после обручения Нина родила сына. Её отец, мечтавший о внуках, был на седьмом небе от счастья. Он предоставил Лучьяну право дать мальчику имя. Тот предложил имя Монито, широко распространённое на его родине и созвучное с итальянскими именами. Так малыша и назвали. Одни говорили, что он похож на Лучьяна, другие — что на Нину.

Монито был подвижным ребёнком. Лучьян смастерил для него светильник, игрушки, написал сказку о двух близнецах, прототипами которых явились они с братом Гельяном. Джузеппе брал внука в церковь и на разные гуляния, нарядив его в синий костюмчик, которые шила для мальчика бабушка.

В эти годы Лучьян отдыхал душой и телом. О нём здесь заботились, не обременяя никакими лишними заботами, он радовался над малышом, учил его ползать, ходить, говорить по-русски и по-итальянски.

Лучьян писал письма Лесмьяну в Париж, приглашал в Рим познакомиться с его новой семьёй. Но тот, занятый преподавательской деятельностью при дворе короля, в ответном послании обещал прибыть позже. Он рассказывал о вражде Людовика XI, который боролся с феодалами и пытался объединить Францию, и герцога Карла Смелого — его непокорного вассала.

Лучьян переписывался и с Элом, который находился в Лондоне. Там только что закончилась война Алой и Белой розы и к власти

пришла династия Тюдоров.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. НОВЫЕ ПОРЯДКИ

Теперь Русь стала свободной, и на неё совсем по-другому взглянули правители европейских стран. Некоторые, прослышав о военных победах Ивана III, захотели породниться с ним. Молдавский господарь Стефан III выдал свою дочь Елену замуж за Ивана Молодого. У них родился сын Дмитрий. Римский император Фридерик III предлагал русскому правителю королевский титул, но тот учтиво отказался.

Великий князь присоединил к своим землям Тверское княжество. Это оказалось делом нетрудным, так как там многие бояре поддержали его. А тверской князь Михаил Борисович с несколькими верными боярами сбежал в Литву, к Казимиру IV, с которым он прежде переписывался. Вместо него князем тверским стал Иван Молодой.

Белокаменные стены Кремля потеряли свою прочность, начали осыпаться, и их пришлось заделывать красным кирпичом и досками.

Вскоре после свержения татаро-монгольского ига были возведены новые кремлёвские стены и башни из красного кирпича под руководством талантливого итальянского архитектора Аристотеля Фиораванти. И сооружён Успенский собор в Кремле, Архангельский и Благовещенский соборы и Грановитая палата, предназначенная для важных государственных совещаний, торжеств и приёма послов.

Княгиня Мария Ярославна постриглась в монахини под именем Марфа и поселилась в Вознесенском монастыре. Там она прожила около трёх лет, до своей смерти. Там и была похоронена.

У Ивана Молодого сильно болели ноги, и никто не мог вылечить его, потому что не знали, откуда взялась эта болезнь и как с ней справиться. Отец вызвал из Венеции лекаря Леби Жидовина, тот начал поить князя каким-то лекарством и ставить ему банки с горячей водой. Но молодой человек почувствовал себя ещё хуже и вскоре скончался. Иван III, потрясённый этим, разгневался на врача и приказал отрубить ему голову.

Через год в Москву приехали Лучьян и Монито. В Риме умерла сначала Нина, затем — Джузеппе. Путников радушно приняли при дворе. Лучьян вернулся на службу к правителю. Монито

подружился с маленькими сыновьями великого князя и его внуком Дмитрием.

Ещё через год пришло известие о смерти Казимира IV. Иван III выдал свою дочь Елену за его младшего сына, великого князя литовского Александра, с условием, что тот не будет принуждать её к принятию католицизма. Но позже Александр заставил всех русских подданных принять латинскую веру. Некоторые его князья и вельможи со своими городами перешли на службу к Ивану III. Тот послал войско, и оно овладело всей Литовской Русью.

Иван III был провозглашён государем всея Руси и самодержцем, то есть он держал землю сам и больше не подчинялся власти ордынских ханов. В придворных церемониях его стали называть на византийский лад царём. Теперь ему одному принадлежало право издавать законы, вести переговоры с другими странами, объявлять войну, заключать мир, чеканить монету, возглавлять крупные военные походы.

Государь совещался с Боярской думой, состоявшей из представителей старинных боярских родов. Потом в неё вошли и князья присоединённых к Московскому государству земель. В думе были бояре и окольные, назначенные Иваном III.

Два учреждения — дворец и казна — исполняли распоряжения государя. Дворец во главе с дворецким управлял землями правителя, устраивал суд по земельным спорам. А казна, управляемая казначеем, следила за взиманием налогов и таможенных сборов (пошлин), хранила государственную печать и архив, занималась и внешней политикой.

Бывшие удельные княжества стали называться уездами. Их разделили на волости и станы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. СУДЕБНИК ИВАНА III

Иван III начал переселять на новгородскую и тверскую земли людей, состоявших у него на службе. Их стали называть помещиками, а владения — поместьями. Помещик владел землёй, только если служил государю, и не мог передать её по наследству, продать или подарить. Когда вместо дружин сформировалось московское войско, в основе его были помещики.

Теперь во всём Московском государстве крестьяне занимались пашенным земледелием с трёхпольным севооборотом: разделив поле на три участка, первый засеивали яровыми культурами,

второй — озимыми, а третий оставляли незасеянным. Из озимых культур больше сеяли рожь, а из яровых — овёс. Стало меньше посевов пшеницы, ячменя, проса, их заменила гречиха. Вместо сохи уже кое-где использовали плуг.

В сентябре 1497 года Иван III издал Судебник — первый свод законов Русского государства. Источниками для него послужил сборник правовых норма Русская Правда, уставные грамоты московским наместникам в разные области, указы Ивана III и неписанные нормы традиционного права. Судебник был рассмотрен и утверждён в Боярской думе с участием самого государя, его сыновей и внука Дмитрия. В этом документе содержались новые правила распределения земельной собственности и взаимоотношений между землевладельцами и крестьянами.

Помещики хотели с помощью закона принудить крестьян работать на своей земле. Учтя их пожелания, Иван III определил в Судебнике, когда крестьяне могут переходить от одного хозяина к другому: это неделя до Юрьева дня 26 ноября и неделя после. Но, уходя от помещика, нужно было заплатить ему пожилое — плату за проживание на его территории. «...Дворы, находящиеся в полях, платят пожилое за двор рубль, а в лесах полтина. А который христианин (крестьянин) проживёт на нём год, да и пойдёт прочь, и он платит четверть двора, а два года проживёт, да и пойдёт прочь, и он полдвора платит; а три года проживёт и пойдёт прочь, и он платит три четверти двора; а четыре года проживёт, и он весь двор платит».

Были урегулированы судебные пошлины, судьям запрещалось брать взятки («посулы»), которые до этого считались обычным делом. В роли судей теперь выступали и бояре с представителями местного самоуправления. Вводились пытки для особо опасных преступников. К смертной казни приговаривали только за тяжкие преступления. Устраивался и «Божий суд» — поединок истца и ответчика при официальных лицах, драка на кулаках или с оружием.

Ознакомившись с Судебником, Лучьян заметил, что указы и нормы в нём прописаны хаотично, рассмотрены лишь частные случаи, а общих законов нет. И всё делается для пользы помещиков. Сам государь нарушал эти предписания, если они не соответствовали его интересам.

На юг и юго-восток страны прибывало много беглых крестьян и бывших жителей посадов, называвших себя «вольными

людьми» — казаками. Они селились на берегах Днепра, Дона, Волги, Терека, Яика и их притоков. И в долгой борьбе с соседними странами и полукочевыми народами объединялись. Появились общины донских, волжских, днепровских (черкасских), гребенских и яицких казаков.

Средства к существованию они добывали в основном в военных походах. Ещё получали «жалованье» от государства — деньги, хлеб и порох — за охрану границ. В их кругах царила свобода и равноправие. Но в каждой общине было самоуправление, возглавляли её выборные атаманы и старшины. О самых важных делах говорили на общих сходах (собраниях).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ЦЕРКОВЬ И МОНАСТЫРИ

Лучьян часто задумывался о судьбе православной церкви и монастырей в России, которые часто посещал. Ему не давали покоя споры между нестяжателями и иосифлянами, свидетелем которых он был.

В 1453 году пал Константинополь и русская церковь отделилась от греческой, стала самостоятельной, её авторитет возрос. В то же время её возглавил подданный русского государя и, следовательно, тот получил возможность вмешиваться в церковные дела.

Появилось много новых монастырей по всей стране. Одни были очень богаты, с крупными земельными владениями, существовали за счёт торговли, ростовщичества и пожертвований верующих. А другие мало что имели, в них иноки жили своим трудом.

Церковь проповедовала спасение души: чтобы обрести вечное блаженство после смерти, надо делать пожертвования монастырям. И люди приносили туда ценные вещи, одежду, домашнюю утварь, приводили скотину.

Богатые землевладельцы в завещаниях делили имущество между своими наследниками и монастырями. Князья дарили монастырям сёла с крестьянами и давали жалованные грамоты. Монахов обеспечивали в день ангела и в день кончины жертвователя «кормом» — пшеничным хлебом, медвяным квасом и другим. К тому же монахи увеличивали плату за свои услуги. Они стали жить на широкую ногу.

Лучьян посещал монастыри Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. У первого была богатая обитель, туда приходили именитые, состоятельные люди, там служили представители княжеских и боярских родов. А у второго — скромный скит. Волоцкий и его сторонники, иосифляне, считали, что церковь нужно

хорошо обеспечивать для успешного распространения её идей, занятий благотворительностью. А Сорский и его сторонники, нестяжатели, выступали против монастырского землевладения, считали, что монахи должны быть сдержанны во всём, не наживать никакого имущества и жить за счёт собственного труда.

Иван III поддержал их и даже высказался за то, чтобы отнять у монастырей некоторые земли. Когда спросили мнение Лучьяна по этому поводу, он сказал: «В пожертвованиях нет ничего плохого. Но монахи не должны наживать на этом. Им, как правильно говорят нестяжатели, следует быть аскетами. Монастырям нужно заниматься благотворительностью, не заботясь о пополнении своей казны...»

Ещё одно беспокоило Лучьяна. Появилось много ересей, в большинстве своём — из Новгорода. Некоторые из них, например стригольники и жидовствующие, выступали против христианской веры, критиковали православную церковь и монастыри. Первые хотели возродить славянское язычество, вторые в своих взглядах опирались на иудаизм. Но государь и церковь стали бороться с еретиками: сначала их бросали в тюрьмы, потом приговорили к смертной казни, некоторых сожгли.

Размышляя об этих страшных расправах, Лучьян не спал ночами — всё лежал, глядя перед собою, и думал, думал... Одна за другой рисовались жуткие картины в его памяти. Порой вспоминал он покойного митрополита Зосиму, с которым когда-то много беседовал, и его сочинение, в котором Москва была названа «новым Римом».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА ПРЕСТОЛ

Прошло несколько лет со смерти Ивана Молодого, а отец всё не мог смириться с тем, что наследника нет в живых. Тот был правой рукой государя и мог достойно продолжить его дела. Иван III привязался к своему внуку Дмитрию, который перенял от покойного родителя доброту и кротость. Софье не нравилось, что её супруг так сильно полюбил мальчика и, как ей казалось, из-за этого стал меньше любить их детей.

Государь постарел, поседел, лицо его покрылось морщинами. И задумался он над тем, кому же передаст престол... Софья и некоторые бояре считали, что Василий имеет больше прав быть наследником, чем Дмитрий. Другие придворные, в том числе Лучьян и Монито, приняли сторону государева внука. Монито — потому что они с детства крепко дружили, а Лучьян полагал, что, раз власть передаётся по старшинству, престол должен

получить Дмитрий. И его мать, княгиня Елена, поддерживала это мнение.

Иван III тоже остановил выбор на внуке. Но сторонники Софьи и Василия устроили заговор: они хотели отравить Дмитрия. Государь узнал об этом, разгневался, казнил заговорщиков и приставил стражу к Василию. Правителю донесли, что и Софья участвовала в сговоре.

Дмитрия торжественно объявили наследником престола в Успенском соборе московского Кремля. Митрополит Симон надел ему на голову шапку Мономаха, а Иван III передал отроку семейные реликвии, и они вместе благословили его.

В тот день при дворе устроили большой пир. Но государь уже не радовался за внука и начал тосковать по жене и сыну, которых теперь не было с ним... Он решил выговориться Лучьяну:

— Я больше не могу так... Сказал Софье, что не хочу её видеть, но теперь скучаю по ней. Мы много лет прожили вместе, и я так привык к своей жене... Что мне делать?

— Помиришься с княгиней, — ответил старик. — Ни к чему эти раздоры. Да, Дмитрий должен стать твоим наследником, но не забывай о жене, о детях. Постарайся их простить... или хотя бы не будь так строг с ними.

Вскоре после этого Лучьян и Монито уехали в отведённое им поместье. Они занялись хозяйством, распахали поле, засеяли его, вырастили урожай. Им нравилась такая жизнь — тихая и мирная, трудовая.

Но затем Монито вдруг начал где-то пропадать по вечерам. Лучьян узнал от крестьян, что он предаётся пьянству, и потом несколько раз говорил с ним, наставлял на путь истинный. И вскоре сын пропал без вести. Его искали в окрестных селениях, но не нашли. Кто-то говорил, что отрок убежал к казакам, а кто-то — что отбыл в Европу. Лучьян долго разыскивал беглеца вместе с соседским помещиком Анненковым, но безуспешно.

Прошло около года после объявления Дмитрия наследником. Иван III опасался, что тот, если станет государем, может подвергнуть опале его жену и детей и бросить их в темницу. К тому же выяснилось, что Софья и Василий на самом деле не участвовали в заговоре. Правитель строго осудил и казнил за ложные известия вельмож, прислуживавших Елене, и объявил Василия новгородским и псковским князем, а позже — своим наследником. К Дмитрию и его матери приставили стражу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. СМЕРТЬ ИВАНА III

Так и не найдя сына, Лучьян вернулся в Москву. Он узнал о смерти Софии и ещё больше опечалился. Навестил Ивана III, у которого случился паралич и один глаз перестал видеть.

Лучьян попытался вступить за Дмитрия, который уже давно сидел в темнице.

— Он просто взят под стражу, — ответил старику государь. — Его содержат в хороших условиях.

Но Лучьян знал, что бедного парня не ждёт ничего хорошего. Иван III составил завещание, в котором определил для каждого сына владения, права и обязанности; внука он не упомянул. Государь был уже почти при смерти, а при Василии Дмитрию станет ещё хуже. Незадолго до своей кончины Иван женил наследника на дочери боярина Юрия Сабурова Соломонии.

За день до смерти государь вызвал к себе Дмитрия, попросил прощения за то, что лишил его наследства и взял под стражу, и сказал, что внук теперь свободен и может пользоваться своими правами при дворе. Тот был растроган и простил деда. Но, едва выйдя от него, вновь попал в руки стражников, которые по приказу дяди Гавриила бросили молодого человека в темницу...

Иван III вскоре скончался.

О его смерти Лучьян известил народу у стен Кремля. Было пасмурно, накрапывал дождь.

— Иван Васильевич достойно управлял русскими землями, — говорил старик, оглядывая людей. — Он продолжает жить в своих делах, начинаниях. Наш государь заботился о стране, о своих подданных как добрый родитель. При нём было свергнуто владычество татар и Русь только присоединила новые княжества, но и окрепла, стала по-настоящему великой...

Засвистел ветер, полил дождь, и Лучьян весь промок. Он не знал, что теперь делать, куда идти. Не хотел служить новому государю, да и тот вряд ли обрадовался бы ему как стороннику Дмитрия.

Старик решил ехать во Францию, к брату Лесмяню. Но он так не хотел покидать страну, в которой прожил много лет и которую полюбил всем сердцем... Лучьян ещё раз оглядел стены Кремля, вздохнул и побрёл куда-то наугад...

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ. ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В этой книге собраны дневниковые записи о деятелях политики, религии, философии, науки и искусства эпохи Возрождения, о путешественниках и завоевателях эпохи Великих географических открытий. Повествование ведут Лучьян и Лесмян Смолозы, Зил Рахман, Эл Книльхт, Леонид Солонис, сын Лучьяна Монито и торговец Феодор Карлоне.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОБЫТИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

«ФЕРДИНАНД И ИЗABELЛА» (ЛУЧЬЯН СМОЛОЗ)

«Когда-то испанскими землями управляли мавры, затем их вытеснили Португалия, Кастилия и Арагон и поделили земли между собой.

Крестьяне Кастилии получили свободу. Они объединялись в коммуны, соблюдали свои законы, избирали старейшин. Гранды (кастильские аристократы) держали большие поместья на захваченных землях, там трудились арендаторы-мавры.

Не утихали войны испанцев с маврами. Монархии поддерживались церковью, грандами и коммунами. Когда обозначился успех мавров в войне, оставшееся без добычи рыцарство стало грабить страну, гранды начали воевать с королём и друг с другом. Это длилось полтора века. Королевские земли и прибыль присвоили гранды.

Во Франции тем временем установилась абсолютная власть монархов. Томас де Торквемада, духовник наследницы кастильского престола, юной принцессы Изабеллы, решил, что добиться такой же власти в Испании можно путём её объединения, и обручил Изабеллу с арагонским принцем Фердинандом.

Фердинанд и Изабелла начали управлять объединённой Испанией, подчиняясь своему духовному советнику Торквемаде. В государстве была установлена абсолютная монархия. Против грандов собралось ополчение коммун и стало нападать на замки знати. В Каталонии подняли мятеж крестьяне, которых король обещал освободить от рабства. Гранды возвратили монарху захваченные земли, а крестьяне получили волю.

Война против мусульман продолжалась десять лет. В 1492 году была захвачена Гранада. Королевская чета прибыла в роскошный дворец Альгамбру. Торквемада распорядился, чтобы мавры и евреи, не принявшие христианство, покинули государство. Им не позволили взять с собой ценности. Некоторые из них остались и приняли новую веру, но продолжали тайком исполнять свои обряды. Для слежки за ними Торквемада восстановил инквизицию и объявил себя Великим Инквизитором.

Он подчинил церковь государству. Фердинанда сделали магистром трёх духовно-рыцарских орденов и дали ему в пользование огромные средства. Церковная десятина была теперь государственным налогом.

Испания, как и Франция, стала абсолютной монархией. Правление Фердинанда и Изабеллы принесло большую пользу государству, народу: были введены постоянные налоги и создана регулярная армия, ограничены хлебные цены и запрещено ростовщичество, закончились мятежи и смуты.

Изабеллы и Торквемады уже нет в живых. Фердинанд теперь женат на Жермене де Фуа, племяннице короля Людовика XII. Некоторое время я жил у него при дворе, занимался поисками моего пропавшего сына Монито. Объехав всю Европу, так и не смог его найти или узнать что-либо о нём...»

«ПОЛЬСКАЯ ШЛЯХТА» (ЗИЛ РАХМАН)

«Несколько лет я живу в Польше, путешествую по этой стране, давным-давно ознакомился с местными порядками и обычаями. Потихоньку наблюдаю за здешней жизнью.

Господствующая здесь шляхта — это слуги магнатов, которые владеют обширными землями. Раньше шляхтичи не принимали деятельного участия в политике, но полвека назад получили право участвовать в выборах князей и других важных вопросах.

У них я заметил необыкновенное хлебосольство: собирают много гостей, подолгу пируют — бывает, что и по несколько дней. Звенят бокалы, без умолку говорят паны и пани, поют песни. Столы ломятся от яств. На одном пиру я познакомился с молодым преподавателем из Кракова — Николаем Коперником. Нас заставили выпить по несколько чарок вина за здоровье хозяина и своё, после чего мы разговорились об астрономических наблюдениях, но вскоре обоих сморил сон. Когда позже я восхитился саблей хозяина, висевшей на стене, он тут же мне её подарил.

В то же время шляхтичи, как я заметил, начинают закрепощать крестьян: устраивают суды над ними, прикрепил к земле и заставляют работать на себя, увеличивают их повинности. И презрительно именуют хлопами. Чтобы лишить их жалования, крестьян спаивают водкой. Они уже потеряли человеческий облик, стали больше похожи на животных, спят с домашним скотом в темницах, и обращаются с ними как с животными. Помню ужасную картину, когда при мне секли одного крестьянина, и если бы я не вмешался, то его бы забили насмерть. Меня до крайности возмутило то, что помещики обходятся с крестьянами

хуже, чем с собаками. И увиденный мной случай, к сожалению, один из многих подобных.

Некоторое время я жил в Данциге у знакомого магната. Этот город — теперь один из богатейших городов Европы: мраморные купеческие дворцы, готические соборы, очень большой порт... Этот магнат разбил парк, в котором мы любили гулять; там был установлен великолепный фонтан и мраморные скульптуры.

Живя в Польше, я переписываюсь со своими друзьями — Лучьяном, Лесмьяном, Элом и другими. Они путешествуют по Европе и сообщают мне в письмах много нового и интересного».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЭПОХА ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

«ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ» (ЛУЧЬЯН СМОЛОЗ)

«Из манускриптов Аристотеля и Птолемея люди узнали, что Земля имеет шарообразную форму, начали измерять широту астролэбией и составлять географические карты.

Географ Паоло Тосканелли объехал Европу, измерил широту в нескольких местностях, затем поместил на крышу флорентийского собора гномон и, померив его тень, высчитал длину меридиана. Он определил ширину Атлантического океана — приблизительно шесть тысяч миль. В письме к португальскому двору Тосканелли начертил маршрут плавания на запад через океан, к берегам Азии. С этим посланием ознакомились многие, в том числе и Христофор Колумб — мореплаватель из Генуи, изготавливавший и продававший морские карты.

Он хотел отправиться по маршруту Тосканелли и несколько лет ждал разрешения короля на это. Долго требовал для себя титулов «адмирала моря-океана» и вице-короля всех земель, которые когда-либо откроет, и наконец получил их. Колумб со своей флотилией отплыл из Испании, намереваясь отыскать путь в Индию. Плавание было долгим и трудным, но в конце концов моряки благополучно добрались до земли. Приняв её за Индию, капитан после высадки на берег дал ей имя Сан-Сальвадор, а местных жителей назвал индейцами. От них матросы узнали о находящемся неподалёку богатом и красивом острове, ведущем большую торговлю. Это была Куба, и Колумб посетил её, думая, что это Китай.

И, считая, что он открыл Западную Индию, отбыл обратно в Испанию. Потом ещё несколько раз отправлялся в морские экспедиции: открыл Пуэрто-Рико, Ямайку, остров Тринидад, приплывал к берегам Южной Америки.

Вслед за Колумбом на новый материк прибывали и другие моряки. Один из них, флорентиец Америго Веспуччи, в письмах банкиру Медичи и другу детства Содерини рассказывал, что открыл новый, неизвестный прежде материк. Немецкий учёный-картограф Мартин Вальдземюллер нарисовал на карте новый материк и назвал его в честь Америго Веспуччи Америкой».

«МОРСКОЙ ПУТЬ В ИНДИЮ» (ЗИЛ РАХМАН)

«В 1498 году экспедиция португальского мореплавателя Васко да Гамы отплыла из Лиссабона, добралась до мыса Доброй Надежды, затем — до устья реки Замбези. Многие моряки умерли от цинги. В городе Мозамбик мусульмане с враждой встретили мореплавателей христианской веры. Но один местный шейх дал им лоцмана для плавания в Индию. В индийском порту Каликуте они пробыли три месяца, но так и не продали свои товары: индийцам не очень нравились грубоватые европейские ткани. Произошло несколько стычек гостей с враждебно настроенными властями, и да Гама покинул порт, обстреляв город из пушек и взяв заложников. На обратном плавании экспедиции пришлось отбиваться от нападавших сомалийских пиратов.

В финансовом плане экспедиция Васко да Гама прошла с большим успехом: привезённые из Индии товары были проданы на сумму, в шестьдесят раз превышавшую затраты на это путешествие.

Вернувшись на родину, Васко да Гама был награждён титулом дона, земельными наделами и немалой пенсией».

«ПЕРВОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ» (ЗИЛ РАХМАН)

«Новые капитаны отправлялись в плавания, чтобы открыть новые земли. Португальский и испанский мореплаватель Фернан Магеллан с экспедицией пытался обойти с юга открытый Колумбом материк. Он продвигался к холодным широтам, изучая берега Южной Америки. Корабли плыли на юг медленно, сталкиваясь со штормами. Одно судно разбилось во время бури, но почти все моряки спаслись. В этом плавании европейцы в первый раз увидели пингвинов. Был найден длинный пролив, и по нему корабли двигались больше месяца.

Выйдя в открытый океан, экспедиция отправилась на северо-запад. Плыли ещё четыре месяца. Запасы продовольствия иссякли, моряки стали голодать. Почти все болели цингой, многие умирали. В этом океане погода была спокойной, безветренной, и Магеллан назвал его Тихим.

Однажды моряки увидели на горизонте горы — впереди

находились Филиппинские острова. Местный раджа оказал гостям радушный приём и выразил покорность испанскому королю. Магеллан пообещал ему помочь в войнах с соседями. Вместе с отрядом он высадился на одном из вражеских островов, попал в засаду и был убит.

Из этой экспедиции в Испанию возвратились восемнадцать из двухсот шестидесяти пяти моряков.

Так с плаваний Колумба, да Гамы и Магеллана началась Эпоха великих открытий. Появились новые торговые пути. На рынки Европы завезли хлопок, сахар, чай, кофе, табак, фарфор, хлопчатые и шёлковые ткани, кукурузу и картофель».

«ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ АМЕРИКИ» (ФЕОДОР КАРЛОНЕ)

«Люди прибыли в Америку из северо-восточной Азии около двадцати пяти тысяч лет назад. Со временем они заселили и освоили весь континент. И вот в прошлом веке в жизнь его народов вмешались европейцы.

Когда генуэзский мореплаватель Христофор Колумб прибыл к берегам Америки, он был уверен, что это Индия, и назвал её жителей индейцами.

Совсем недавно я вернулся из экспедиции на этот континент, где пробыл около двух лет. Америка населена множеством индейских племён. Большинство их — охотники или рыболовы, некоторые занимаются примитивным земледелием. Две трети населения — высокообразованные индейские цивилизации, живущие на небольших территориях. В основном это свободные земледельцы и ремесленники, собранные в общины, но кое-где есть и рабство. Правители пытаются сделать свою власть неограниченной. Им служат многочисленные чиновники. Немалую власть имеют жрецы.

Цивилизации Америки преуспели в сельском хозяйстве и ремёслах, в науках и поэзии, в архитектуре и изобразительном искусстве. Но здесь не использовалось колесо, не было гончарного ремесла, а из животных приручили только ламу и на ней перевозили грузы.

Одной из самых развитых была цивилизация индейцев майя. Их сравнивают с древними греками — не только по большим успехам в науках и искусствах, но и по тому, что у них тоже нет единого государства, есть только отдельные города (Тикаль, Паленке, Ушмаль, Чичен-Ица и другие), враждующие между собой.

Майя построили много прекрасных городов с пирамидами

и дворцами, украсили их статуями и настенными росписями. Они пользовались иероглифами. Астрономы-жрецы, годами наблюдая за небесными телами в своих обсерваториях, определяли время обращения планет вокруг Солнца и предвидели солнечные и лунные затмения.

Многого добились майя в математике. Они ввели ноль в систему исчисления. И, пользуясь лишь им, единицей (обозначалась точкой) и пятёркой (обозначалась линией), делали сложнейшие расчёты.

Огромная череда междоусобных войн обессилила государство этого народа, и испанцы без особого труда завоевали их.

Могущественную империю создали воинственные ацтеки. Их главный город Теночтитлан был огромных размеров, там жило до ста тысяч человек. На центральной площади находился главный храм ацтеков, посвящённый богу дождя и грома Тлалоку и богу войны и солнца Уицилопочтли, требовавшему человеческих жертвоприношений.

Со временем три их города подчинили себе соседние племена. Ацтекская держава расположилась от Мексиканского залива до Тихого океана. Покорённые племена должны были платить дань этому народу, они презирали своих поработителей и стремились к освобождению.

В державе ацтеков, перенявшей многое из культуры покорённых народов, большое развитие получили земледелие и ремёсла, наука, поэзия и искусство.

Некоторые считают самым большим и могущественным государством доколумбовой Америки империю инков. Четыре века назад их небольшое племя из предгорьев Анд стало завоёвывать соседние племена. И со временем инки возглавили союз племён. Им управлял вождь, названный потомком Солнца и получивший титул «Сапа инка» (Верховный, или Единственный, инка). Этот союз вырос в огромную империю. Она достигала трёх тысяч миль с севера на юг, в ней жило очень много племён и народов. Её название на языке инков — Тауантинсуйу, то есть «четыре соединённых между собой стороны света».

В столице инков Куско находится их главный храм, посвящённый Солнцу. Утром лучи восходящего светила проникают в храм через открытые двери, и золотая фигура божества на алтаре и золотые пластины на стенах сверкают и переливаются. Здесь погребены правители Тауантинсуйу. Возле храма находятся святилища Луны, звёзд, грома, молнии и радуги, сад с золотыми

и серебряными фигурами людей, животных, птиц и растений. В этом городе расположен и дворец Верховного инки. Правитель обладал абсолютной властью, вся земля государства была в его собственности. Он получал урожай с полей Верховного инки, жречество — с полей Солнца, а все другие — с остальных земель.

В державе инков были очень развиты ткацкое, гончарное и ювелирное ремёсла. Храмы и дворцы возводили из многотонных каменных блоков. По их мощёным дорогам с навесными мостами и тоннелями легко передвигаться. Там есть и почтовая связь с гонцами-скороходами. Во время экспедиции я видел узелковое письмо инков — кипу (то есть «узел»). Это может быть шнурок или палка с привязанными разноцветными шнурками с узелками. Они могут шифровать законы, документы, хроники, поэтические произведения».

«МИФОЛОГИЯ НАРОДОВ АМЕРИКИ» (ФЕОДОР КАРЛОНЕ)

«В чём-то культура племён и народов Нового Света похожа на культуру Китая и Японии древних времён. И там, и здесь были кроманьонцы, исповедовались шаманизм и тотемизм.

Некоторые боги покровительствовали отдельным видам хозяйства, олицетворяли природные стихии. У древних мексиканцев, например, бог Синтеотль был покровителем земледельцев и ювелиров, изображали его как юношу с орудиями труда или кукурузными початками в руках. Бог огня — Тонатлиу — тоже изображался как юноша, и ему приносили в жертву людей. Особо почитался бог Кецалькоатль, изображённый как змея с перьями. Ради богов люди убивали друг друга, занимались каннибализмом и членовредительством.

О религиозных воззрениях и богах инков я узнал мало. Самые великие из божеств там — Держатель Вселенной (Пачакамак) и Мать-Земля (Пачамама). Духовному и физическому развитию людей помогает заповедь: «Не укради, не лги, не ленись». Среди них почти не осталось порочных людей... К тому же власти контролируют поведение граждан, надзиратели следят за чистотой и опрятностью в домах, а нарушителей строго наказывают.

Сейчас ещё исповедуются древние культы: тотемических животных, растений, камней. Духи предков и природа — скалы, горные долины, пещеры, родники — священны (уака) для инков.

В прошлом веке империя стала быстро расширяться. И появились образы единых богов: женское божество кукурузы Сарамана,

божество моря-океана Кочемама, триединое солнечное божество — повелитель Апу-инти, сын Чури-инти и брат-солнце Уаки-инти.

В мифах народа кечуа прародителем инков являлся их легендарный правитель и основатель империи Манко Капак. По преданию, он был послан к людям отцом-Солнцем и обучил их ремеслу, ткачеству, орошению полей...»

«ЗАВОЕВАНИЕ АМЕРИКИ» (ЭЛ КНИЛЬХТ)

«В Европе ходило много легенд о богатствах Нового Света, широко распространилось предание об Эльдорадо — «Стране Золотого Человека». И люди устремились на поиски сокровищ...

Но никаких золотых гор они не нашли. Вместо этого подхватили тропическую лихорадку и стали массово умирать. Нападали на индейцев, грабили и от них заразились сифилисом.

После жестокой битвы с индейцами Колумб наложил на них дань и отправил несколько сотен пленников в Испанию как рабов. Но королева не пожелала делать индейцев невольниками и приказала вернуть их на родину. Она хотела обратить их в свою веру и отправила в Америку священников. Но не могла контролировать действия дворян-конкистадоров за океаном, и они отправили Колумба в отставку, завладели индейскими деревнями и согнали рабов на рудники и плантации.

Но того золота, которое находили в рудниках Гаити, не хватало завоевателям, и они искали другие богатые земли. В 1511 году завоевали Кубу, а год спустя конкистадор Васко Бальбоа выбрался через Панамский перешеек к Тихому океану. В феврале 1517 года капитан Франциско Кордова прибыл на полуостров Юкатан и увидел там большой город с просторными улицами, каменными домами и высокой ступенчатой пирамидой в центре. Прежде он встречал на новой земле лишь бедные индейские деревушки и поэтому был очень удивлён. Ему рассказали, что такие города есть и дальше, в середине материка.

В 1519 году из Кубы отплыла эскадра Эрнандо Кортеса из одиннадцати каравелл — покорять новооткрытые земли. Мне довелось участвовать в той экспедиции, и здесь поведаю обо всём, что с нами случилось.

Мы высадились в Центральной Америке, вынесли на берег пушки и разбили лагерь. Прибыли послы от местных жителей, рассказали нам, что находимся в могущественной державе ацтеков, правитель её Монтесума живёт в своём дворце в городе Теночтитлане, возглавляет десятки племён и сотни тысяч воинов. Кортес послал их правителю стеклянные бусы, красную шапку из сукна и две рубашки в дар, попросив сказать

ему, что привёз послание от императора Карла V и должен вручить его правителю ацтеков.

Нас было не больше четырёхсот человек, и некоторые боялись идти в столицу. Чтобы солдаты не смогли бежать, Кортес велел спалить судна. Мы двинулись в Теночтитлан, и к нам примкнули племена, подвластные ацтекам, недовольные большой данью, которой их обложили. Выйдя к озеру, увидели на середине его огромный город — ступенчатые пирамиды, освещённые огнями, дворцы, окутанные зелёными садами, каналы с большими лодками. Гостей встретила огромная толпа людей, в золотом паланкине несли Монтесуму, он был весь украшен изумрудами, в короне из разноцветных перьев. Стороны поприветствовали друг друга, и нас привели в какой-то дворец, и вслед за нами туда пришёл на переговоры Монтесума. Солдаты схватили его и стали требовать золото из сокровищницы Теночтитлана. Он привёл нас в зал, где было много головных уборов из перьев, золотых вещей, драгоценных камней. Испанцы забрали всё золото и переплавили в слитки.

Ацтеки устроили мятеж, когда взяли в плен их правителя, и мне и другим солдатам велели утихомирить их несколькими выстрелами из пушек. Мы затащили орудия на крышу дворца и стреляли, пока всё не окуталось дымом. Индейцы были очень испуганы. Они собрались в храме, чтобы обратиться за помощью к своим богам, но испанцы напали на них, стали колоть шпагами и копьями, отрубать им руки и головы, и кровь потекла ручьём...

Мне вспомнилось давнее мероприятие — колонизация планет Солнечной системы юпитерианами и сатурнианами. Они не творили никакого насилия, наоборот, пытались помочь бедным народам других планет. И теперь я думал, что мы пришли к ацтекам с миром, и был поражён жестокостью колонистов...

На улицах слышался вопль ацтеков и рёв морских раковин — трубили сбор всеобщего ополчения. К дворцу приближались сотни тысяч воинов со щитами и мечами. Они окружили здание и несколько раз попытались взять его штурмом. Испанцы вывели Монтесуму на крышу дворца и велели остановить их, но ацтеки обстреляли и своего правителя. Наши солдаты хотели перевязать его, но он отказался от помощи. Ночью, когда сражение утихло, испанцы стали уходить из города, взяв с собой груды золота. Когда мы шли по дамбе посреди озера, мост не выдержал людей с таким грузом и рухнул, многие упали в воду, и их перебили ацтеки, приплывшие в лодках. Некоторым удалось чудом спастись. Группа всадников во главе с Кортесом, в которой был и я, смогла уйти.

В начале 1521 года Кортес собрал войско из тысячи испанцев и ста тысяч индейцев, нанёс поражение ацтекам на берегу озера Тескоко и вновь подошёл к Теночтитлану. Долго длилась осада города, шли тяжёлые бои; захватчики разрушили акведук, лишив ацтеков пресной воды. Голод и эпидемия умертвили многих. 13 августа Теночтитлан был взят, уцелевших жителей изгнали из города, некоторых взяли в рабство. Меня в этом походе уже не было — хватило и первой такой «прогулки»...

Через несколько лет испанцы заставили индейцев разрушить до основания пирамиды Теночтитлана. На месте самой большой из них построили огромный католический храм, и город переименовали в Мехико, он стал столицей вице-королевства Новая Испания.

Та же история повторилась в Перу в 1531 году: испанцы во главе с Франсиско Писарро под видом мирных гостей прибыли туда, взяли в плен правителя инков Атауальпу и, хотя получили за него выкуп, умертвили его. Осенью 1533 года испанцы взяли столицу инков Куско и разграбили её. Их вожди, Писарро и Альмагро, поссорились из-за добычи, и первый убил второго, но позже сам погиб от руки сына своего противника...»

«В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ» (МОНИТО СМОЛОЗ)

«В стране, где я живу с женой и четырьмя детьми, невероятно красивая природа и плодородная земля. Мы решили обжиться здесь, как только европейцы получше осведомились об открытых землях, и прибыли сюда, когда ещё не родился наш младший сын Джованни. На этот материк устремился поток переселенцев из разных стран Европы — испанцы, португальцы, англичане, голландцы, французы и все другие.

Мы не мечтали о золотых горах, нам хватало того, что здесь плодородная почва, овощи вызревают всего за полмесяца, а более крупные, такие как дыня, тыква и огурец, можно употреблять в пищу уже через месяц после посадки семян.

В одном из поселений я сложил из камня дом, и теперь мы живём в нём. Здесь просторные улицы, площадь с большим собором и много белёных кирпичных домов, которые обвивает виноград.

Люди занимаются скотоводством, на необъятных просторах пасутся тысячи лошадей и коров. Немало здесь и диких лошадей, индейцы приручают их, и мой старший сын Георг стал тоже прекрасным наездником.

Индейцы берут в заём у поселенцев участки земли и работают у них за небольшую плату. В нашей семье все сами занимаются хозяйством. Мы выращиваем кофе, сахарный тростник, хлопок

и табак и продаём испанцам — они предлагают за это хорошие деньги.

Дружим с индейцами — очень хороший народ. Королева Изабелла справедливо запретила обращать их в рабов. Я против любого рабства. Сюда привозят негров-невольников из Африки, церковь против этого явления, и хорошо бы, если бы оно совсем исчезло.

Так и живём — в трудах и заботах, всё делаем сообща, и в доме царит мир и лад, чего желаю каждой семье...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИСКУССТВО ВОЗРОЖДЕНИЯ

«ГУМАНИЗМ И ГУМАНИСТЫ» (ФЕОДОР КАРЛОНЕ)

«Создатели новой культуры, прозванные гуманистами, пытаются возродить античность после нескольких мрачных веков, но делают это со своими целями. Они воспевают земную красоту и возвеличивают человека, считая его развитым и духом, и телом творцом своей судьбы, меняющим мир к лучшему.

В Италии сейчас особенно известны имена поэтов Петрарки и Бокаччо. Широко проповедуется риторика как ключ к античному мировоззрению. Латинский язык очищается от средневекового мусора и возвращается к своему классическому состоянию. Европейские народы вновь заговорили на греческом языке, который был давно уже забыт. Восстанавливаются и издаются сочинения античных ораторов.

Гуманисты приводят людей к самопознанию и самосовершенствованию, объединяют науку и житейский опыт в понятие «virtu» («добродетель», «доблесть»). Среди них известны педагоги Бруни и Барбаро, историки Поджо и Пикколомини, критик Валла, политик Салютати, философы Мирандола, Фичино, Платоновская академия Медичи во Флоренции.

Самые важные центры гуманистической культуры сложились в Неаполе, Павии, Венеции, Риме и Флоренции, а также на севере Европы, в Нидерландах и Германии, где на слуху имена Роттердамского, Рейхлина, Гуттена.

Деятели нового искусства открыли законы перспективы и светотени, исследуют пропорции и анатомию предметов. Вместо икон теперь пишут картины, в скульптуре появились статуи в полный рост, конные монументы, портретные бюсты, дополненные скульптурно-архитектурным надгробием, живописным рельефом. На полотнах художников отражены жизненные явления, человек и окружающая его среда. Это начало нового, реалистического направления. В архитектуре вновь

появилась античная ордерная система, купол, возник тип городского дворца-палаццо. Творчество художников пришло от коллективного к индивидуальному. Самые известные мастера нового искусства — художники Мазаччо, Франческа, Мантенья, Анджелико, да Мессина, Боттичелли, да Винчи, Санти, Джорджоне, Тициан, Веронезе, Тинторетто и другие, скульпторы Донателло и Микеланджело, архитекторы Брунеллески, Браманте, Палладио. Главные центры Возрождения — Флоренция, Рим и Венеция.

Из Италии эта культура распространилась на север, за Альпы, получив название Северного Возрождения, по-своему развилась в Испании, Португалии и Англии, повлияла на культуру Восточной Европы и Скандинавии».

«НОВЫЕ ЖАНРЫ В ИСКУССТВЕ» (ФЕОДОР КАРЛОНЕ)

«В новом искусстве появилась иллюзорно-натуроподобная живописная картина, давшая начало самостоятельным жанрам пейзажа, бытовой живописи, портрета. Развивается искусство печатной гравюры на дереве и металле. Индивидуальность автора картины теперь оценивается по его мазкам, штрихам и фактуре.

В литературе развивается городская новелла и разные виды романа, особенно плутовской, героическая поэма, сатирические произведения, любовная лирика, пастораль.

В театре чаще всего ставят драмы в их разных формах. Появляются опера, оратория, увертюра, сюита, соната. Из музыкальных произведений больше исполняются мадригалы, песни, канцоны. Возникли инструментальные пьесы, вариации, прелюдии, фантазии, рондо, токкаты. Музыканты играют на новых инструментах — клавесине, виоле, флейте».

«КОЗИМО МЕДИЧИ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ» (ЛЕОНИД СОЛОНИС)

«В Италию полтора века назад пришла эпидемия чумы и умертвила почти половину населения. Многие бежали из страны. В запустении оказались торговля и ремёсла. Богатые горожане хотели извлечь прибыль из земли и стали массово скупать поместья, а купцы и ростовщики приобретали замки и титулы, становились баронами и графами и нанимали на службу дворян. Иногда дворяне собирались в большие банды, участвовали в войнах и грабежах.

Чуть более века назад синьор Милана Джан-Галеаццо Висконти в ходе предпринятой им налоговой реформы прибрал к рукам городскую казну, собрал мощную армию и начал бороться с бандами. Его войска захватили Северную Италию и подошли

к стенам Флоренции, где простой народ дрался с купцами и ростовщиками; те нанимали для обороны французские отряды. Джан-Галеаццо разбил их в сражении под Алессандрией и получил титул герцога Ломбардии. Но после его смерти в Италии вновь начались смуты.

Сын Джан-Галеаццо герцог Филиппо-Мариа тоже попытался объединить Италию. Его войска одолели флорентийских наёмников, и Флоренцию вновь охватили народные волнения. Участвовавший в них крупный банкир Козимо Медичи имел огромные богатства, но хотел получить больше власти и поэтому возглавил простой народ. Они добились своего — изгнали купцов и ростовщиков из Флоренции, а тех, кто остался, обложили большими налогами.

Медичи получил власть над целым городом. И много сделал для его процветания: дал деньги на мощение улиц, создание мастерских и пособия для бедняков. Торговля в городе вновь расцвела. Козимо одаривал милостыней бедняков, строил церкви; при нём возвели собор Санта Мариа дель Фьоре. Доживая свой век в богатой вилле, он раскаивался в том, что занимался ростовщичеством, которое считалось грехом.

Когда Византию захватили османы, сюда, во Флоренцию, бежали учёные греки. Мне тогда было пять лет; смутно помню, как мы с семьёй тоже прибыли в этот город из Афин. Мой отец познакомился со многими горожанами. Греки здесь были хорошо приняты. Они переводили на латынь взятые с собой сочинения Аристотеля, Платона, Полибия, пересказывали их флорентийцам. Мой отец много ознакомил Медичи с трудами Платона, и тот стал его большим почитателем и основал у себя дома кружок любителей античности, который, как и школу великого философа, прозвали Академией. Учёных, которые там собирались, называли гуманистами. Они создали несколько библиотек рукописных книг.

Медичи окружали также архитекторы, скульпторы, художники, тянувшиеся к античному искусству. Архитектор Филиппо Брунеллески в течение нескольких лет измерял и вычерчивал на бумаге остатки древних построек на римском форуме, подолгу бывал в Пантеоне. Он соорудил такой же, как и там, купол над церковью Санта Мариа дель Фьоре. Медичи давал щедрые пожертвования своим талантливым друзьям. Его сподвижник Донателло возродил античную скульптуру, а художник Филиппо Липпи, писавший картины в духе Джотто, основал новое направление в живописи. Во Флоренции были созданы художественные мастерские, открытые для будущих живописцев. В мастерской Андреа Вероккио впервые стали

пользоваться масляными красками и писать настоящие картины вместо фресок на влажной штукатурке. Учениками Вероккио были известные сегодня Сандро Боттичелли и Леонардо да Винчи.

Сандро и Леонардо были в дружбе с внуком Козимо — Лоренцо Великолепным. Как римские правители, он устраивал карнавалы с актёрами в роли древних богов и героев, придумывая сюжеты и песни для представлений. Сандро Боттичелли написал великолепную картину «Рождение Венеры». Простой народ и монахи, которым Лоренцо помогал меньше, чем Козимо, упрекали его в излишней роскоши и распутстве. Аббат Савонарола говорил, что он этим «губит и свою душу, и душу народа».

В то время наша семья вернулась в Грецию. Мой отец спустя некоторое время погиб. Он занимался ростовщичеством, собирал огромные деньги со своих должников, и его предупреждали, чем это может грозить. Так всё и получилось».

«МАСТЕРА НОВОЙ ЭПОХИ» (ФЕОДОР КАРЛОНЕ)

«Во время правления Содерини многие деятели новой эпохи ехали во Флоренцию, чтобы встретиться там друг с другом.

Скульптор Микеланджело Буонаротти создал из мрамора статую библейского Давида высотой в три человеческих роста. И Содерини предложил ему и Леонардо да Винчи состязание в росписи стен Зала Большого Совета. Мастера нарисовали два эскиза будущих картин — изображения памятных битв при Ангьяри и Кашине. Люди были восхищены этими картинами, слухи о них разлетелись по всей стране, и из разных её уголков во Флоренцию стали прибывать гости, чтобы взглянуть на них.

Однажды туда приехал из Урбино молодой художник Рафаэль. Он был также сильно увлечён этими картинами и мечтал в будущем сравниться в мастерстве с их авторами. Усердно обучался их ремеслу и вскоре добился успеха: стал главным художником папы Юлия II, расписывал залы его дворца в Риме. Юлий II пригласил к себе и другого художника — Микеланджело, чтобы тот расписал Сикстинскую капеллу во дворце. Художники стали соревноваться, создавая великие картины: «Афинская школа», «Парнас», «Сотворение мира». Микеланджело пять лет работал в неудобной позе, расписывая потолок, и чуть не ослеп, но зрители были в восторге от его трудов.

Папа Лев X так же, как его отец Лоренцо Великолепный, был увлечён искусством и карнавалами и перенёс их центр из Флоренции в Рим. Он пригласил к себе знаменитого Леонардо

да Винчи, поселил его в прекрасных покоях, но тот уже мало работал над картинами — заставил комнату зеркалами и делал опыты с преломлением света, изредка прерываясь на работу над портретом Моны Лизы Джоконды. Писал этот портрет почти всю жизнь, выводя каждый волосок, каждую чёрточку на лице и шее...

Строительством собора Святого Петра руководил Рафаэль, затем — Микеланджело, но оба умерли, не достроив его. Возведение собора продолжается, здесь работают лучшие мастера, и он должен стать символом христианской веры и новой эпохи...»

«ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ» (ЛУЧЬЯН СМОЛОЗ)

«С этим великим деятелем искусства я познакомился в Риме. Задолго до встречи с ним был наслышан о его таланте — о том, что он строил летательный аппарат, писал «Тайную вечерю», возводил памятник герцогу Сфорца, изобрёл колесцовый замок для пистолета, вёл занятия с учениками. Друзей и учеников у него было немало.

Леонардо написал тысячи заметок с иллюстрациями по анатомии, но нигде их не опубликовал. Он создавал проекты строительства соборов, каналов. Открыл физический закон отражения света. И являлся автором шедевра современного искусства — портрета Моны Лизы Джоконды.

Леонардо считал знание истинным условием свободы. «Те, которые отдаются практике без знания, похожи на моряка, отправляющегося в дорогу без руля и компаса... практика всегда должна быть основана на хорошем знании теории», — говорил он. Этот великий деятель новой эпохи участвовал в дискуссиях о сравнительных достоинствах живописи и поэзии, он — автор «Трактата о живописи»; также вёл дневники, которые хранятся у его ученика Франческо Мельци.

Я видел, как ему было тяжело в последнее время. Соперники — Микеланджело и Рафаэль — хотели очернить его перед папой римским. Когда Леонардо покинули ученики, я старался поддержать друга. Рассматривая фрески Микеланджело, Леонардо говорил, что тот оказался талантливее его, но я знал, что ему просто не удалось реализовать свои замыслы, в которых он был сильнее соперника.

В последние годы жизни он писал картину «Иоанн Креститель». Мы поступили на службу к французскому императору Франциску I: Леонардо — как придворный художник, инженер, архитектор и механик, а я — как хронограф.

Кроме основной деятельности, я писал учебник по истории Древнего мира. Он вышел совсем недавно, это одна из первых печатных книг на Земле. Чтобы создать его, несколько лет занимался пристальным изучением древних источников, в том числе археологических находок. В учебнике рассказано о жизни первобытных людей, о древних государствах — Египте, Финикии, Ассирии, Персии, Индии, Китае, Греции, Риме и других, о жизни многих героев древности...»

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. НАУКА И ФИЛОСОФИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

«НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЭПОХИ» (ЛУЧЬЯН СМОЛОЗ)

«Наиболее важными изобретениями эпохи стали компас, порох и книгопечатание. Компас помог морякам-первооткрывателям ориентироваться на новых местах, порох — покорить народы Нового Света, а с началом книгопечатания стали лучше распространяться знания и идеи новой эпохи.

Люди начали интересоваться природой. Учёные полагают, что её освоение должно строиться на наблюдениях, опыте и экспериментах. Человек должен узнавать о вещах через свой опыт, а не из других источников. Люди больше не чувствуют себя природной составляющей, они поняли, что сами могут изменять природу.

Раньше думали, что Земля — центр Вселенной, что она неподвижна, а другие небесные тела вращаются вокруг неё. Но вот совсем недавно вышла книга «О вращениях небесных тел» польского астронома Николая Коперника, который, к сожалению, умер после тяжёлой болезни, не дождавшись издания своего труда. Он писал о том, что не Солнце вращается вокруг Земли, а Земля — вокруг Солнца; наша планета вращается вокруг своей оси, и потому люди думают, что это светило движется по кругу. Но он говорил, что Солнце — центр Вселенной, а на самом деле это одна из бесчисленных звёзд. И утверждал, что орбиты планет круговые, а в действительности они эллипсоидные.

Итальянский писатель и философ Никколо Макиавелли, продолжая сочинения античных времён о политике, опирался на собственный опыт. Он написал учебник для правителей и министров под названием «Государь». В книге государство представлено как политическое состояние общества. Политика, как «опытная наука», даёт пояснение прошлому, управляет настоящим и может предсказывать будущее. По мнению автора, единый государь, даже пренебрегающий при необходимости нормами морали, лучше нескольких удельных правителей».

«ФИЛОСОФИЯ НЫНЕШНЕГО ВЕКА» (ЛЕСМЬЯН СМОЛОЗ)

«Человек сегодняшнего времени стремится возвыситься, самоутвердиться, показать свою силу и талант. Его идеал — разносторонне развитая личность, и ярким примером тому может служить Леонардо да Винчи.

Пико делла Мирандола, гениальный учёный, философ, в сочинении «Речь о достоинстве человека» утверждает, что человек должен сам распорядиться своей судьбой и найти своё место в мире.

Философия вновь стала изучать природу и теперь отождествляет её с Богом. Натурфилософы, например немецкий врач, алхимик и астролог Парацельс, видят природу как живое целое, проявляющееся не только в умном и правильном устройстве организмов живых существ, но и в неодушевлённых явлениях. Парацельс провёл сравнение органов человека и животного с частями растений, строением минералов и движением небесных светил. Он выделил три первоначальных в природе элемента: ртуть (дух), сера (душа) и соль (тело). И пришёл к выводу, что одушевлённое начало в природе — архей — надо взять под контроль, чтобы овладеть силами природы.

Немецкий философ и математик Николай Кузанский опирался на идеи неоплатонизма. «Единое есть всё» — такова формула, выведенная им. Он говорил, что единое тождественно бесконечному. Бесконечное — максимум того, что может быть, единое — минимум, следовательно, Кузанский получил принцип совпадения противоположностей».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. РЕЛИГИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

«МАРТИН ЛЮТЕР» (МОНИТО СМОЛОЗ)

«После смерти жены я с детьми вернулся из Латинской Америки в Европу и первое время жил в Вене. Там однажды встретил своего старого друга. Прогуливаясь вечером по улицам города, я увидел шедшего в одиночестве пожилого мужчину, лицо которого показалось мне знакомым. Он тоже меня узнал: это был Мартин Лютер, с которым мы учились в университете и были большими друзьями в молодости. Он пополнел, и я удивлялся тому, как смог узнать его, ведь раньше мой друг был очень худым...

Я познакомился с Мартином во время обучения в Эрфуртском университете. Он приехал из Мансфельда. Его родители раньше были крестьянами, отец работал на медных рудниках, потом стал бюргером. Поначалу мы, как многие студенты, жили весело, развлекались, мало думая об учёбе. Но однажды в лесу при нас убило молнией одного друга, который был развязным

малым, и Мартин с тех пор замкнулся в себе. Он воспринял этот случай как некое предостережение и перестал гулять с нами. И после окончания университета ушёл в монастырь. Он много молился и голодал, даже терял сознание от недоедания. Власти оценили его благочестие и сделали Мартина проповедником, а затем — преподавателем в Виттенбергском университете.

В 1511 году он приехал по делам церкви в Рим и, чтобы ему отпустили грехи, взошёл на колени по лестнице к собору Святого Петра. Пробыв в Риме несколько месяцев, он заметил, что там всё покупается и продаётся, что сам папа Лев X проводит время в пирах и карнавалах. Индульгенции за деньги освобождали от любых грехов. Вернувшись в Германию, он увидел, что многим прихожанам таким образом отпустили грехи на столетия вперёд и они открыто предаются порокам и не боятся наказания. Мартин долго пытался убедить их, что индульгенции не имеют никакой силы и грех нельзя искупить деньгами, но его не слушали. Тогда он написал «Девяносто пять тезисов» с критикой господствовавшего религиозного учения и прибил их к воротам церкви. Мой друг утверждал, что только искреннее раскаяние и вера могут спасти на Страшном Суде. Это выступление подрывало авторитет римского папы, и вскоре о нём заговорили по всей Германии. Учёный богослов Экк устроил диспут с Лютером, и тот стал утверждать, что роль римского папы невелика, истина заключена не в его буллах, а в Священном Писании. В своё время за подобные высказывания сожгли Яна Гуса. Лютер получил от папы римского буллу, в которой его отлучали от церкви, и после, поддерживаемый жителями Виттенберга, разорвал её и бросил в костёр.

В Германии крестьяне были недовольны огромными богатствами монахов и епископов, на которых они работали, которым платили десятину, и мечтали, как и чехи, отнять у них имущество и земли и поделить между собой. «Девяносто пять тезисов» подтолкнули их к этому. Рыцари Франц фон Зиккинген и Ульрих фон Гуттен стали печатать в своей типографии призывы к восстанию против папы и епископов и уговаривать молодого императора Карла V возглавить его. Тот не согласился на это, но и арестовывать Лютера не стал, хотя имел такую возможность. Мартин бежал из города в замок одного князя и полтора года скрывался под чужим именем. Он гулял по окрестным лесам, переводил Библию на родной язык. Меня тоже преследовали за пособничество ему, и я с семьёй бежал в Португалию, а оттуда — в Латинскую Америку.

Теперь, когда мы встретились и пришли в трактир, Мартин

рассказал мне о своих дальнейших похождениях.

Франц фон Зиккинген собрал армию из рыцарей и наёмников, попытался взять владения трирского архиепископа, но войско разбили, а сам он погиб. В Виттенберге вместо Лютера появились люди, призывавшие жить по писанному в Евангелии: «И все верующие были вместе, и имели всё общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого». Они крестили любого, кто к ним присоединялся, и их прозвали «перекрещенцами», или «анабаптистами». Их вождь Томас Мюнцер хотел идти войной не только против церкви, но и против тех, кто живёт не по заповедям — князей, дворян, ростовщиков. Крестьяне поддержали анабаптистов, и весной 1525 года они, объединившись, стали нападать на монастыри и замки, сжигать их, избивать монахов и изгонять дворян из их владений. Мюнцер, расположившийся со своим отрядом на горе Франкенгаузен, был окружён армией саксонского герцога, обстрелян и схвачен; его пытали и затем казнили. Та же участь постигла всех восставших крестьян.

Лютер, поняв, какая опасность ему грозит, перешёл на сторону князей, графов и герцогов и стал уговаривать их провести церковную реформу, и они, поняв, что получают при этом большие богатства, согласились. Было отменено почитание икон, упразднены многие обряды, священники теперь могли жениться, службу позволялось вести на немецком языке. Простой народ теперь ненавидит Лютера за предательство, и он боится появляться в деревнях.

Дворяне и наёмники-ландскнехты захотели добраться до Рима и наказать самого папу. В мае 1527 года отряды ландскнехтов, дойдя до Рима, устроили там страшный погром, резню и грабёж, а потом подожгли город и бежали оттуда; скрывшийся от них папа Клемент VII едва остался жив.

В 1529 году император Карл V собрал сейм, на котором было запрещено захватывать церковные земли. Но сторонники реформы запротестовали против этого — и их прозвали «протестантами». Протестантские князья объединились в союз и были готовы воевать; их сторонниками стали короли Дании, Швеции и Англии, которые, как и они сами, забрали себе богатства церкви. Но в это время турки взяли Венгрию и подошли к Вене, и немецким князьям пришлось отбивать их нападение...

«Однако война с императором неизбежна, дружище Монито, — вздохнул Мартин. — Сейчас я вспоминаю жизненный путь и думаю, что всё-таки лучше бы было оставить всё как есть

и не пытаться что-либо изменить. Твой друг раздул пламя религиозной вражды...»

Я спросил его, слышал ли что-нибудь о моём отце, Лучьяне Смолозе. Не так давно мне сообщили, что он жив, и теперь ищу его. Но Мартин не знал, где тот находится».

«ПОЛЕМИКА ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО С МАРТИНОМ ЛЮТЕРОМ» (МОНИТО СМОЛОЗ)

«Христианские мыслители много рассуждали о проблеме взаимоотношения Божественной воли с человеческой. На эту тему вели полемику и Эразм Роттердамский с Мартином Лютером, и я в числе многих следил за ходом этого спора.

С Эразмом Роттердамским я не был знаком лично, но по его трудам «Оружие христианского воина» и «Похвала глупости» у меня создалось о нём очень ясное представление. Папство, боровшееся против Лютера, хотело, чтобы Эразм перешёл на сторону католической церкви, но тот не желал принять ничью сторону. Его испытывали и угрозами, и соблазнами мирских благ, но тщетно.

Наконец он чётко высказался в сочинении «Диатриба, или рассуждение о свободе воли». Мартин в очередной раз убедился, что Эразм недостаточно глубоко понимает слово «праведность» и недооценивает значение первородного греха. «Невозможно себе представить, как отвратительна книжонка о свободной воле... — отозвался он об этом труде. — Трудно отвечать на столь неучёную книгу столь учёного человека».

Год спустя Лютер написал опровержение под названием «О рабстве воли», взятым из текста «Второй книги блаженного Августина «Против Юлиана». Позже Эразм написал ещё три работы: «Гипераспистес 1», «Гипераспистес 2» и «О желанном церковном согласии», но Мартин ограничился единственным сочинением.

При том, что они занимают противоположные позиции, оба ссылаются на мнение блаженного Августина. Это можно объяснить тем, что в его учении есть глубокие противоречия. И каждый из оппонентов цитирует то, что ему удобно.

Лютер считает, что предопределение Божие о нас служит основанием Его предвидению. То есть, как пишет Мартин, «...у человека нет свободы воли по отношению к тому, что выше его, а есть только по отношению к тому, что ниже его. То есть он знает: у него имеется право употреблять или же оставлять без употребления денежные средства, имущество в зависимости от своей свободной воли, хотя и этим правит

свободная воля одного только Бога, как Ему это будет угодно. В остальном, в отношении к Богу и к тому, что касается спасения или осуждения, у человека нет никакой свободной воли».

Эразм Роттердамский же горячо верил в высокое достоинство и благородство человеческой природы, в то, «что честная и воспитанная воля может нравственно возвысить не только отдельного человека, но и всё человечество» и не мог согласиться с тем, что человек — это всего лишь орудие всемогущего Промысла. По его мнению, свободная воля, пусть и раненная первородным грехом, существует. А Божественная благодать не только не устраняет её, «но и усиливает, облагораживает». Зная, что в сочинениях блаженного Августина можно найти много доводов как за, так и против свободной воли, Эразм воспользовался лишь теми суждениями, которые подтверждали его правоту. Он даже вышел за пределы августицианства и начал рассуждать в русле православия.

Каждый из двух оппонентов как мог боролся за своё мнение: Эразм Роттердамский — мягко и деликатно, Мартин Лютер — воинственно и грубо. Но я не осуждаю никого. Помните слова Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже»? Так же и здесь: хотя мы с Мартином давние друзья, но доводы Эразма показались мне более убедительными. Пусть на меня никто за это не держит зла: я тоже имею право на собственное мнение».

«В ЗАСТЕНКАХ ИНКВИЗИЦИИ» (ЛЕСМЬЯН СМОЛОЗ)

«После долгой войны с протестантами император вынужден был пойти на уступки — признать существование протестантских княжеств и городов, запретить продажу индульгенций; теперь церковь отдавала монархам большую часть своих доходов.

Испанский дворянин Игнасио Лойола для борьбы с протестантами основал орден иезуитов, и его влияние распространилось по всей Европе. Боролись также с помощью цензуры и инквизиции. Был создан «Индекс запрещённых книг», эти книги отбирали у торговцев и сжигали, и тех, кто читал и распространял их, судил инквизиционный трибунал.

По этой причине я оказался в застенках. Книга, которую купил, оказалась запрещённой, и инквизиторы схватили меня на улице и бросили в тюрьму. Там я разговорился с одним пожилым человеком, который искал своего отца. Он оказался в застенках из-за торговли запрещёнными книгами. Когда мужчина назвал имя отца, меня словно молнией поразило. Это был Монито, сын моего брата Лучьяна.

«Мне отсюда уже не выйти, — сказал он, когда узнал, что я — это его дядя Лесмян. — Позаботьтесь вместе с отцом о моих детях, не оставляйте их».

Я стал успокаивать его, говорить, что нас отпустят, но он качал головой. В беспокойстве племянник рассказал мне о своём пропавшем без вести сыне Джованни — тот ушёл из дома и потерялся. И упросил меня говорить инквизиторам, что мы друг друга не знаем — так к нам будет меньше вопросов.

Спустя некоторое время нас вызвали на допрос. Меня спросили, не у Монито ли покупал книгу. Я ответил, что нет. Инквизиторы стали расспрашивать моего племянника, кто ему велел продавать книги, знает ли других таких же торговцев, но он молчал. Тогда его стали пытать. Никогда не забуду тот страшный день...

Сначала его вздёрнули на дыбу, вывернули суставы, но он не проронил ни слова. На лицо ему кинули тряпку и стали лить на неё воду. Монито захлебнулся и потерял сознание. Когда пришёл в себя, инквизиторы стали мягко увещевать его оставить ересь. Он молчал. Тогда ему смазали маслом ступни и приложили к ним жаровню с раскалёнными углями. В это время я потерял сознание, затем очнулся в застенке, где сидел до этого, и узнал о смерти племянника. Видимо, инквизиторы решили пожалеть старика, но я уже готов был погибнуть вслед за Монито.

Меня ещё подержали в застенках, пытая при мне протестантов, сжигая «ведьм» — женщин, которые занимались гаданиями и наговорами. Для распознавания ведьм судьями немецкие инквизиторы Крамер и Шпренгер написали книгу «Молот ведьм» — и на кострах сожгли тысячи женщин. После увиденных мной казней я на какое-то время потерял разум, стал душевнобольным человеком. И на какое-то время потерял память; помнил лишь то, как оказался в доме у доброй семьи, которая обо мне заботилась. Мне рассказали, что инквизиторы, увидев, что я тронулся умом, вышвырнули меня на улицу.

Протестанты тоже жестоко расправлялись со своими врагами. Один из их предводителей, Жан Кальвин, ввёл в Женеве очень строгие порядки, и в тюрьму можно попасть за любой незначительный проступок. Кальвин печатает листовки с призывом к войне против церкви, рассылает своих проповедников по всей Европе, внушая им, что они «избранные» и не должны бояться пыток и казней, что попадут в рай, и кальвинисты идут призывать народы к восстанию...»

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ЛИТЕРАТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ

«НОВЕЛЛЫ БОКАЧЧО» (ЛУЧЬЯН СМОЛОЗ)

«Впечатления от прочитанных произведений я люблю записывать, даже завёл для этого отдельный дневник.

Накануне дочитал произведение итальянского писателя Джованни Бокаччо — «Декамерон» (или «Десятиднев»), написанное около двух веков назад. Это рассказы молодых людей, переживавших страшную эпидемию чумы в загородной вилле. Трое юношей и семь девушек каждый день рассказывают друг другу занимательные и поучительные истории, многие из которых — переработанные легенды, фольклор, сказки. Каждый день они избирают «короля» или «королеву», определяющих распорядок дня и выбирающих тему для историй; один лишь юноша Дионео может рассказывать истории на любую тему. И каждый вечер одна из девушек исполняет балладу на тему рассказанных историй. Кроме самих новелл, повествуется о занятиях героев, об их впечатлениях от услышанных историй. Всего герои живут за городом две недели.

Тематика их рассказов очень разнообразна. Это и примеры для подражания, и любовные истории, и сатира, и истории женщин-матерей, и многое другое. Читать было до крайности интересно. Эту книгу мне привёз старый друг Зил Рахман, он же рассказал мне об авторе «Декамерона».

Поначалу книга не имела успеха у той аудитории, на которую рассчитывал автор — у интеллигенции. Бокаччо невысоко ценил своё произведение, считал его ошибкой. Но в конце концов публика очень заинтересовалась «Декамероном». Книгу перевели на французский и итальянский языки ещё до того, как её напечатали. Она была впервые издана в 1470 году.

После прочтения этого произведения у меня впервые за многие годы появился в душе огонёк светлой надежды на спокойное будущее, хотя сейчас очень тревожное время: инквизиция стирает с лица земли больше народа, чем чума».

«ИСТОРИЯ ДВУХ ВЕЛИКАНОВ» (ЛЕСМЬЯН СМОЛОЗ)

«Роман Франсуа Рабле о Гаргантюа и Пантагрюэле не оставил меня равнодушным. Первую книгу (хронологически она первая, но в ряду книг романа стоит второй) я прочитал несколько лет назад и остался очень доволен, написал автору письмо с благодарностью. Франсуа ответил, что на этом история двух великанов не закончена, и появились вторая, третья, четвёртая книги, и все я ждал с нетерпением и читал взахлёб. Первую и вторую автор издал в Лионе под псевдонимом Алькофрибас Назье, а остальные — в Париже под своим настоящим именем.

В произведении много натуралистических картин, но из-за этого отвращения к нему не испытываешь — скорее понимаешь всю жизненность происходящего. Только вот голова раскалывается от огромного количества упомянутых в нём имён, книг, законов, блюд и всего прочего.

Читая книги Рабле, я усмотрел в них грехи католического духовенства — жажду наживы, напускное благочестие, тягу к власти над всей Европой. И увидел связь с гуманизмом — в главах о Телемском аббатстве, о воспитании Гаргантюа Понократом.

На образы двух главных героев, отца и сына, по-моему, повлияли дальние потомки Лучьяна — король юпитерианской страны Фаниклеи Аурус Маргинус и его сын Эдвард. Юпитериане и сатурниане редко прилетают на Землю, в основном здесь бывают туристы, но несколько лет назад король и принц с нашего газового гиганта посетили несколько стран Европы, Азии и Африки, встретились с их правителями, с простым народом и пообщались с ними через переводчиков. Это умные, образованные люди, настоящие идеалы новой эпохи. У короля было юридическое и экономическое образование, а принц учился в дипломатическом университете, оба занимались лёгкой атлетикой. Думаю, под их влиянием и сложились образы Гаргантюа, разносторонне образованного и физически развитого, и Пантагрюэля, также с большим умом и талантами.

Я остался очень доволен произведением Рабле — повествование живое и увлекательное, читается легко и интересно...»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. «ПОИСКИ АТЛАНТИДЫ» (ЛУЧЬЯН СМОЛОЗ)

«По преданию, легендарный затонувший остров Атлантида был царством бога Урана, там жили атланты. Он опустился на дно океана после землетрясения.

Впервые легенда об Атлантиде рассказывалась в диалогах Платона; по преданию, она затонула одиннадцать тысяч лет назад. Об этом острове писали Геродот, Диодор Сицилийский и Плиний Старший.

Когда о нём узнали юпитериане, многие решили, что это выдумка. Но некоторым не давала покоя мысль о богатом царстве, и они, объединившись, на нескольких кораблях вылетели к планете Земля. Изучив её материки и океаны из космоса, стали высаживаться на планету.

Руководствуясь древними источниками, одна группа погрузилась в океан у берегов Испании, другая — возле Крита. Часть

юпитериан двинулась к Антарктиде, полагая, что это и есть погибшее государство. Они были уверены, что из-за смещения земной оси Атлантида сдвинулась на место южного полюса и заморозилась.

Недавно мне стало известно, что мой внук Джованни тоже участвует в поисках Атлантиды. Он прислал сестре письмо, в котором рассказывал об этом.

Но эта экспедиция ничего не дала. Прошло уже слишком много времени. Есть немало гипотез о местонахождении Атлантиды, и, даже если она существовала, теперь вряд ли можно отыскать её. Некоторые исследователи, не добившись ничего, отправились обратно на свою планету...»

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ТРИ ГОСУДАРЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОТРЕЧЕНИЕ

Поиски Атлантиды не увенчались успехом. Сколько ни искали этот остров — не нашли. Видно, он навечно останется в тайне от всех. Юпитериане ещё что-то ищут на дне океана, но найдут ли? Напрасно за это взялись, напрасно...

С такими невесёлыми думами молодой Джованни Смолос возвращался в имение отца в Англии. Сойдя с корабля, он добирался на попутном возу до одного из пригородов Лондона, потом шёл пешком. Поклажа его была лёгкой — мешок с парой чёрствых сухарей. Голод давал о себе знать, и, когда стемнело, Джованни прибыл на рынок, где встретил знакомого мясника. Его слегка удивило, что тот дал ему с собой окорок, не взяв денег.

— Что случилось, Чарли? — спросил он. — Почему ты так на меня смотришь?

Пришлось Чарли рассказать путнику о том, что его отец умер. Минуло уже шесть лет со дня его смерти, но Джованни ещё не знал об этом — он уехал на поиски Атлантиды, когда папа был ещё жив.

— Из-за чего он умер? — допытывался Джованни. — От болезни?

Мясник рассказал о страшной гибели Монито от рук инквизиторов. Джованни был потрясён.

— Тебе лучше не возвращаться в его имение, — предупредил Чарли. — Остайся пока у меня.

Он объяснил, что старший брат Джованни — Георг — прибрал имение отца к рукам и вряд ли хочет, чтобы младший брат вернулся.

— Что за вздор! Георг будет рад меня видеть, — возразил Джованни.

Уже стемнело, когда он прибыл в имение.

— Кто вы такой? — спросил стражник у ворот.

— Я Джованни, сын Монито Смолоза!

— У него не было сына по имени Джованни.

— Как — не было? Я младший сын Монито! Позовите моего брата Георга, он узнает меня!

Вскоре в воротах появился худощавый мужчина лет сорока. Он равнодушно взглянул на гостя.

— Георг, здравствуй! Ты что, не узнаёшь меня? Я Джованни, твой брат!

— Ты не можешь быть Джованни, — покачал тот головой. — Он погиб несколько лет назад. Ступай себе, странник. Ты помешался.

Джованни рассердился.

— Позови моего брата Валериана! Он узнает меня, раз ты не узнал!

— Валериан умер. Что тебе нужно?

— Ты не хочешь признать своего брата, Георг! Ответь, почему?

— Потому что ты не мой брат. Я вижу тебя впервые.

— Ты лжёшь! Позови Августу, она узнает меня! Позови её!

Увидев любимую сестру, Джованни бросился к ней в объятия. И вдруг заметил, что она тоже ведёт себя отрешённо.

— Августа, неужели и ты не узнаёшь меня? Я Джованни, твой брат!

— Я не могу тебя вспомнить, — сказала она, опустив глаза. — Мы виделись прежде?

— Ты меня не слышишь! Я Джованни!

— Джованни погиб, — вздохнула она. — Его больше нет с нами...

— Что за вздор! Я жив! — воскликнул он. — Тебе заморочили голову!

И ушёл в растерянности и досаде: не может быть, чтобы его не узнали ни брат, ни сестра. Что здесь случилось в его отсутствие? Августа, бедная Августа! Она, кажется, нездорова — у неё такой болезненный взгляд...

Проникнув во двор имения через тайный ход, Джованни спрятался в кустах и долго раздумывал о случившемся. Потом заплакал — ему было очень жаль умерших отца и брата...

Кое-как успокоившись, он прилёг и задремал. Но вдруг кусты зашелестели, и он испугался, что его обнаружат...

ГЛАВА ВТОРАЯ. ГЛАФИРА

Джованни вскочил, но тут кто-то взял его за руку.

— Это я, Глафира...

Ему сразу вспомнилось детство — как он играл с соседской девочкой по имени Глафира. Они были лучшими друзьями. Самые светлые воспоминания о детстве были связаны с ней...

— Неужели это ты... — ответил Джованни, вглядываясь в её лицо. — Как смогла найти меня здесь?

— Я следила за тобой. И слышала твой разговор с братом и сестрой.

— Но ты-то признала меня! — обрадовался он. — А вот они, похоже, потеряли память...

— Я тебе сейчас всё расскажу... — она протянула ему свёрток. — Здесь еда, ты, наверное, голоден...

Он поблагодарил её, развернул свёрток и стал есть хлеб с сыром, а потом — жареную рыбку.

— После смерти вашего отца Георг завладел всем имением, — стала рассказывать Глафира. — Августа жила с ним, а Валериан тогда находился в Германии. Когда сестра обнаружила завещание отца, Георг отобрал его и пригрозил ей, чтобы никому про него не говорила. В том завещании сэра Монито разделил имущество и земли между троими сыновьями и дочерью. Но Георг подделал завещание, в котором всё доставалось ему как старшему сыну...

— Вот подлец! — в негодовании воскликнул Джованни. — Теперь мне всё понятно.

— Ваш отец говорил, что любит вас четверых одинаково. Поэтому многие его друзья и знакомые не могли понять, почему он оставил всё одному Георгу. Супруг Августы лорд Бадлмер пытался оспорить её права на имущество, но после визита

к Георгу неожиданно занемог и скончался прямо в дороге. Говорят, что его отравили. Прибывший Валериан тоже говорил о честном разделе имения, утверждал, что видел настоящее завещание отца. Вскоре он так же неожиданно умер...

— Неужели Георг оказался таким негодяем? — возмутился Джованни. — Я придушу его собственными руками!

— Джованни, не надо! — взмолилась Глафира. — Беги отсюда, пока жив! Он убьёт и тебя, если предъявишь свои права!

— Нет, отсюда никуда не уйду! И свою сестру не брошу! Она больна, я видел!

— Георг добавляет ей снотворное в еду; она потеряла память и уже плохо соображает...

— Я заберу её, и мы уедем! — решил Джованни. — Будем искать нашего деда Лучьяна — он живёт в Лондоне.

— Может быть, он по справедливости разделит имение...

— Глафира... Как я по тебе скучал! — Джованни притянул к себе девушку и поцеловал. — Спасибо за всё... Ты настоящий друг.

Утром они подошли к воротам имения. Джованни созвал людей из соседних имений, чтобы поведать им о своей тяжбе.

— Неужели вы меня не узнаете? — спросил он. — Я сын Монито Смолоза! В детстве жил здесь и знал всех, и все знали меня!

Люди тихо переговаривались между собой, но ему ничего не отвечали.

— Этот изверг убил моего брата Валериана, он медленно лишает жизни сестру! И вы равнодушно смотрите на это! Если не хотите признать во мне наследника Монито Смолоза, то хотя бы вызволите из имения Августу, чтобы её совсем не отравили!

Толпа зароптала. Некоторые говорили, что Джованни — сумасшедший, некоторые — что он прав: Августу надо спасать. Но никто не признал в нём сына Монито.

Из ворот вышел Георг. Он молча осмотрел собравшихся.

— Какой же ты мерзавец! — крикнул ему Джованни. — Подожди, отплатится тебе за всё!

— Отшвырните его подальше, — тихо сказал Георг стражникам.

Те копьями отогнали толпу от ворот.

— Джованни, нам надо прибыть с жалобой к королю и его приближённым — может быть, так дело разрешится, — предложила Глафира.

— Я не пойду ни к кому жаловаться, — ответил Джованни. — Сам разберусь с ним!

Не слушая его, Глафира одна отправилась в Лондон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРАВЛЕНИЕ ГЕНРИХА VIII

Король Генрих VIII умирал. Лучьян, который был учителем его детей, слышал от придворных людей, что ему становится всё хуже и хуже. Несколько лет он мучился от ожирения, не мог ходить и передвигался в кресле на колёсах. И ещё у него воспалилась рана на ноге.

Архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер рассказывал Лучьяну о жизни Генриха VIII, о его реформах, об англиканстве. Тот унаследовал престол, являясь младшим сыном Генриха VII, так как старший был болен.

У молодого короля, весёлого и энергичного, было крепкое здоровье, богатырское телосложение, он отлично ездил верхом и стрелял из лука. С началом его правления при дворе стали проходить балы, маскарады, турниры, и на всё это тратилось много денег. Генрих был умным и талантливым человеком, знал несколько языков, но слишком превозносил себя. Он не интересовался делами и возлагал их на кого-нибудь из своих приближённых.

Вначале король поддерживал католиков. В 1521 году отправил папе римскому свой памфлет «В защиту семи таинств» с критикой реформаторов. И за это Рим удостоил его титула «Защитник веры». Но потом он поменял свои взгляды из-за семейных обстоятельств. Его первая жена Екатерина Арагонская за двадцать лет брака родила нескольких больных детей, которые тут же умерли, и лишь одну здоровую дочь, названную Марией. У короля были и внебрачные дети. Но он хотел законного наследника, мальчика. Влюбившись в фрейлину жены Анну Болейн, решил развестись с женой и отправить её в монастырь. На это требовалось согласие папы римского. Но тот был против их развода.

Тогда Генрих разорвал связи с Римом. В 1531 году по требованию короля английская церковь стала подчиняться только ему и прекратила обращаться к папе. Архиепископом Кентерберийским был назначен Томас Кранмер. Он благословил и развод короля с королевой, и его новый брак — с Анной Болейн. Екатерина была отправлена в монастырь. Папа вызывал Генриха к себе

с повинной, но тот не приехал, и его отлучили от церкви. Многие монастыри Англии не хотели признавать короля своим главой, и его советник Томас Кромвель велел казнить их настоятелей. Было изъято имущество из мелких монастырей.

У новой королевы появилось много поклонников, и король, подозревая жену в измене, отдалился от неё. Она и несколько её фаворитов были арестованы и допрошены. Один из мужчин признался, что тайно встречался с ней. Анну приговорили к смертной казни и обезглавили. Генрих обвенчался с фрейлиной Джейн Сеймур, тихой и скромной девушкой. Она родила ему сына Эдуарда и вскоре умерла.

В 1536 году появился первый документ англиканской церкви — «Десять статей», в котором содержались идеи и католичества, и протестантизма. За источники вероучения в нём были взяты Священное Писание, Апостольский, Афанасиев и Никео-Цареградский Символы веры и решения четырёх Вселенских Соборов. Сократилось количество обрядов, из семи таинств осталось только крещение, причастие и покаяние. Причастие понималось так же, как в католичестве: превращение хлеба и вина в тело и кровь Христа. Как и в лютеранском учении, говорилось об оправдании человека верой. Он должен был также творить добрые дела. Индульгенции признавались недействительными. Перенималось католическое учение о чистилище.

В 1539 году появилось дополнение к «Десяти статьям» — «Кровавый статут», в котором служителям церкви запрещалось вступать в брак. Иконы, мощи, статуи и другие реликвии перестали почитаться и были уничтожены.

В 1538 — 1539 годах король изъял имущество у крупных монастырей. Кроме того, церковь теперь платила ему подати. На них были усилены флот и войска, построены крепости на границе и гавани. С противниками англиканства расправлялись очень жестоко — тысячами бросали в темницы и казнили.

Король женился ещё три раза и ни с одной из супруг не прожил долго и не был счастлив.

...Теперь он умирал. Врачи говорили о том, что опасную рану на ноге уже нельзя залечить.

— Не оставляй моего сына, — обратился он к Лучьяну. — Только ты сможешь хорошо воспитать его и обучить наукам. Позаботься об Эдуарде. Меня скоро уже не будет — я предчувствую смерть: всё время снятся дурные сны...

Король простился с принцем Эдуардом. Хотя он и был жестоким и властным человеком, но оставался добрым и ласковым родителем, и сын очень любил его.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ТОРЖЕСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ

Король умер. Весть об этом быстро разнеслась по стране. И все уже чествовали нового короля Эдуарда VI. Он был очень печален, и Лучьян говорил ему:

— Тебе надо быть сильным. Теперь ты правитель Англии...

Он велел слугам не докучать Эдуарду. Мальчик должен был какое-то время побыть в одиночестве...

После похорон отца его короновали в Вестминстерском аббатстве.

Джованни попал в тюрьму по доносу Георга. Его приговорили к порке за то, что объявил себя наследником Монито Смолоза. И никого он не мог убедить, что является Джованни Смолозом, который считался погибшим.

— Если бы вы были тем, за кого себя выдаёте, то кто-нибудь из слуг Георга или местных жителей узнал бы вас, — сказал ему надзиратель.

— Этот подлец так влиятелен, что вряд ли кто-нибудь пойдёт ему наперекор, — вздохнул Джованни. — Тех слуг, при которых я воспитывался, он уволил, взял новых. Остались ещё два человека из прежних, но они были подкуплены им...

Кажется, надзиратель прислушался к словам собеседника. Но это не спасло Джованни от публичного наказания — его привязали к позорному столбу и высекли плетью. Он мужественно вытерпел экзекуцию.

После него к столбу вывели мальчишку, которого обвиняли в воровстве.

— Джованни! — крикнул тот.

— Лео? Это ты? — Джованни узнал соседского мальчика.

Он удивился. Несколько лет назад, когда отправлялся в экспедицию, Лео был ещё мал — и всё же не забыл его!

Им не позволили долго разговаривать. Надзиратели перешёптывались: они стали понимать, что перед ними действительно Джованни Смолоз, которого считали погибшим. Догадавшись об их мыслях,

тот обрадовался и почувствовал благодарность к Лео. Он принял его удары плетей на себя.

Их держали в тюрьме ещё некоторое время. Сколько за это время они видели казней, мучений людей! Их страшно пытали, жгли на кострах... Джованни прижимал Лео к себе, чтобы тот ничего не видел, но мальчик всё равно слышал стоны и душераздирающие крики и плакал.

Убедившись в его правоте, Джованни освободили из тюрьмы. Правда, ничего не предприняли для того, чтобы вернуть ему долю наследства. Но он был рад и тому, что вышел на свободу. Вместе с ним выпустили и Лео. Они отправились в Лондон — просить заступничества у короля и искать Лучьяна.

Справедливость восторжествовала. Глафира встретила с Лучьяном и обо всём ему рассказала, и он с другими придворными отправился в имение. Георг, узнав об их скором визите, бежал из Англии. Он несколько лет скитался по странам Европы, после чего умер.

А Лучьян, Джованни и Лео остались жить при дворе короля Эдуарда VI, который правил всего шесть лет и умер после долгой болезни. За преданную службу они получали высокие звания, жалование, поместья.

Джованни стал пэром Англии. Он женился на Глафире, у них родилось четверо детей. Лучьян вылечил свою внучку Августу и взял её тоже к себе во дворец.

И на какое-то время в его жизни наступило затишье — короткое и счастливое...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЖИЗНЬ МИШЕЛЯ НОСТРАДАМУСА

Лучьян ездил по делам в Ватикан и в пути познакомился с пожилым человеком, который оказался известным медиком и предсказателем — то был Мишель Нострадамус. Они вместе гуляли по улицам Парижа, и провидец рассказывал новому знакомому о своей жизни.

Настоящее его имя было Мишель де Нотр Дам. Он родился в городке Сен-Реми в Провансе в 1503 году. Был очень любознательным ребёнком. Деды-лекари Пьер и Жан обучали его медицине, народному целительству, рассказывали о целебных свойствах трав. Благодаря им он овладел греческим, латинским и древнееврейским языками. И от них получил уроки математики,

алхимии, магии и кабалистики. Больше всего мальчик интересовался астрологией, к которой в то время обращались доктора, лечившие пациентов.

В четырнадцать лет Мишель был отправлен в Авиньон, чтобы продолжить изучение математики и астрономии и начать заниматься гуманитарными науками, риторикой и музыкой. И, хотя он был прилежным учеником, порой делал неожиданные заявления, противоречившие общепринятому мнению — например, что Земля вращается вокруг Солнца. Тогда ещё учёные открыто не говорили об этом, Коперник опубликовал свой труд «О вращении небесных тел» позже, и, возможно, Мишель уже в отрочестве стал провидцем и предсказал это событие...

Потом, чтобы выучиться на врача, он поступил в университет города Монпелье. И там обнаружил, что знает уже всё, о чём рассказывают преподаватели. На занятиях ему было скучно. Но ради диплома проучился так три года. И наконец стал бакалавром медицины и получил лицензию врача. Он поменял свою французскую фамилию де Нотр Дам на латинскую Нострадамус, которая означает «Звёздный Адам».

Самой опасной болезнью была чума — её не умели лечить, и она уничтожала целые города. Хотя некоторые врачи пытались бороться с ней лекарствами со ртутью, кровопусканиями и слабительными. Но людей умирало ещё больше. Когда в Бордо случилась эпидемия, Нострадамус прибыл туда. Он смог создать лекарство, которое победило эту страшную болезнь. Это были розовые пилюли, произведённые следующим способом: «Триста — четыреста красных роз собрать до восхода солнца, измельчить и перемешать со стружкой зелёного кипариса, флорентийскими ирисами, гвоздикой, душистым корнем каламуса и линолюса». Содержавшийся в них витамин С эффективно боролся с чумой. Так молодой доктор остановил эпидемию и в Бордо, и в Каркассоне, Тулузе и Нарбонне.

Получив большой опыт, он вернулся в Монпелье, чтобы получить докторскую степень. Добился не только её, но и места на профессорской кафедре. И три года читал студентам лекции. Потом его пригласил к себе знаменитый учёный и философ Жюль Сезар Скалигер, живший в городе Ажане, и Мишель перебрался туда и занялся врачеванием. Он к тому времени стал известен на всю страну, и пациентов к нему приходило много. Там и женился. О бывшей супруге Мишель говорил мало, Лучьян узнал только, что это была «женщина высокого происхождения, красивая и благородная». Они очень любили друг друга. У них родились сын и дочь. Но вдруг в Ажан пришла

эпидемия чумы и умертвила жену и детей Нострадамуса... Пациенты отвернулись от доктора, который не смог спасти свою семью. Родственники супруги отсудили у него всё наследство. Его обвиняли и в связях с дьяволом, и в ереси. И вызвали в Тулузу на суд Святой инквизиции. Но он скрылся...

Шесть лет Нострадамус странствовал по Италии, Швейцарии и югу Франции. Затем прибыл в Марсель и снова взялся за врачевание. В городе Эксе вспыхнула эпидемия чумы, и он отправился туда. Медиков там уже не осталось — одних скосила болезнь, а другие сбежали. На улицах разлагались трупы, в домах плакали и стонали люди... Девять месяцев доктор самоотверженно боролся с «чёрной смертью». Жители пили его розовые пилюли. И эпидемия отступила. Оставшиеся в живых по велению Мишеля сожгли тела умерших. Он предписал всем строгое соблюдение гигиены. После этого Нострадамус сделался национальным героем и стал получать пожизненную пенсию.

Поборовшись с чумой ещё в нескольких городах, он отошёл от медицины и занялся косметологией. Поселившись в городке Салон де Кро, женился на богатой вдове Анни Позар Гемель, у них родились три сына — Цезарь, Андре и Шарль — и три дочери — Мадлен, Диана и Анна. В эти годы Мишель написал книги «Универсальное лекарство от чумы», ставшую учебником для молодых докторов, «Полезную брошюру о многих отменных рецептах» и «Как приготавливать варенье различных сортов из мёда, сахара и вина». Он очень любил сладости и придумал много рецептов пирогов, тортов и других десертов. У него стали случаться видения событий из будущего, и Нострадамус сперва удивлялся им, а затем понял, что это пророческий дар, и начал записывать увиденное. Так продолжалось несколько лет. «Ночью сижу в моей комнате, — писал он, — слабое пламя из ниоткуда заставляет меня излагать предсказания, в которые никто не поверит, а зря».

В 1550 году был опубликован его «Альманах крестьянина» с пророчествами на будущий год, каждому месяцу посвящалось четверостишие-предсказание. Издание стало очень популярным, и отцы-инквизиторы узнали о пророке. Чтобы его не преследовали, Мишель говорил, что это астрологические прогнозы. И такие альманахи издавал с тех пор ежегодно. После первого же выпуска взялся за большую книгу предсказаний — «Центурии». Она была написана на шести языках — старофранцузском, латинском, итальянском, древнееврейском, арабском и древнегреческом. Автор создал семь томов по сто четверостиший в каждом — поэтому каждый том назывался «центурией», то есть «сотней».

Нострадамус предсказал все значимые события в мире до седьмого тысячелетия, когда, по его словам, наступит конец земной цивилизации. Хотя «Центурии» вышли небольшим тиражом, они стали необыкновенно популярными, о них и об авторе говорили по всей стране, кто-то — с интересом, а кто-то — с неприязнью, считая их словоблудием.

Королева Екатерина Медичи была впечатлена загадочными четверостишиями Нострадамуса и пригласила его в гости. Он, приехав в Париж, пообщался с ней и многими знатными людьми и получил много милостей и подарков.

— Королева попросила меня предсказать судьбу её детей, — поведал Мишель Лучьяну. — С большим трудом я открыл ей правду: из семи своих детей она переживёт четверых...

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРОРОЧЕСТВА

Нострадамус рассказывал Лучьяну о грядущем, но тот мало что понимал — из-за туманности суждений предсказателя.

— Твоё будущее я вижу смутно... — говорил Мишель. — Знаю, что ждёт тебя много горя. И радость тоже будет. Впереди у тебя очень большая миссия, она трудная и опасная, но нужно справиться с ней. Ты создашь огромную империю и снова, как давным-давно, спасёшь многие её народы. Её будут называть Соларией, а также Лучьянией — по твоему имени.

— А что это за эпоха «самовластья рабов», о которой ты упоминал? — спросил Лучьян.

— Люди создадут великую империю и будут преследовать церковь. Жизнь перестанет развиваться свободно и погрузится в великую мглу. И возникнет новый Вавилон — бездуховный и невежественный. Многие люди будут уничтожены его красной сектой... Начнутся страшные бедствия для многих народов...

— И я застану то время?

— От тебя отделится тень, которая будет существовать и тогда...

— Какая тень? Что ты имеешь в виду?

— Не могу сказать точно... Вижу, как от тебя отделяется тень и живёт своей жизнью... Тогда же ты встретишь женщину, которая искренне тебя полюбит. Она посвятит тебе свою жизнь. Вы будете жить в твоей любимой стране. Там, где после долгих лет гонений и скитаний наконец обретёшь покой...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЗНАКОМСТВО С ЦАРЁМ ДОРМИДОНТОМ

Пожилой царь Дормидонт отдыхал после трудного дня. Он беседовал с дочерью Юлией, беря с подносов у слуг разные яства и закусывая креплёное вино.

— Нет, ты не выйдешь замуж за Винсана, я не позволю. Мне не нравится этот прохвост. Тем более что вы с сыном правителя Лапонии Эмилом уже помолвлены. Ваш брак будет важен для укрепления союза с этой страной. Уже более двух веков войны и смуты раздирают наше государство. Неужели ты хочешь, чтобы так продолжалось и дальше?

— Отец, ты такой мудрый человек — и не можешь понять самого простого: я не буду счастлива замужем за Эмилом, я люблю графа Винсана!

— Прекрати, я не желаю слушать твой бред. Чтобы дочь царя вышла замуж за какого-то графа!.. Этому не бывать!

— Ваше величество, прибыли гости, они хотят знать, устройте ли вы аудиенцию? — спросил верный адъютант царя Якоб Лагарт.

— Что за гости и откуда?

— Они прибыли издалека, один из них назвался Лучьяном Смолозом...

— Пустите их, я знаю, кто это.

Спустя минуту в зал вошёл старик с двумя другими мужчинами.

— Приветствую ваше величество, — поклонился он. — Мы прибыли совсем недавно, меня зовут Лучьян Смолоз, а это мой внук Джованни и его друг Леонид.

— Я слышал о вас, — кивнул царь. — Вы были знакомы с моим отцом. Его уже нет в живых...

— Нет, я не мог быть знаком с вашим отцом, мы ведь раньше не бывали в Лаконии...

— Вы прилетели с планеты Земля, не так ли?

— Как вы узнали?!

— Дело в том, что я тоже прибыл оттуда. Я сын Феодора Карлоне.

— Феодора Карлоне?.. Да, я знал вашего отца, это был знаменитый путешественник. Но как вы оказались здесь?

— Когда началась экспансия юпитериан на Землю и Луну, моя семья прилетела с ними сюда. Мы живём здесь уже много лет.

— Мы тоже прибыли с юпитерианами, — сказал Джованни. — Можем ли просить у вас временного приюта? Хочется пока остановиться в славном городе Орбуче...

— Мне не нравится Орбуч, — ответил Дормидонт. — Скверный городишко... Я всегда мечтал построить новый город, свой. Здесь, в Лаконии, мне удалось не только устроить переворот и свергнуть правителя-тирана, но и самому стать главой государства. И теперь, кажется, у меня получится осуществить мечту... Вы можете остаться при дворе. Первое время будете исполнять простые обязанности, и если хорошо себя покажете, то со временем станете моими приближёнными.

— Благодарим вас, — поклонились путники.

В зале появилась женщина, которую гости сначала приняли за одну из служанок — она была очень просто одета.

— Это моя супруга Роза, — представил её Дормидонт. — А сейчас прошу извинить — мне нужно прилечь...

Он попытался встать с кресла, но охнул и сел обратно. Супруга подошла к нему, начала массировать его плечи и спину. Ему делалось легче с каждым мгновением... Наконец он смог подняться с трона и удалился в покои.

Якоб Лагарт повёл мужчин в их комнаты.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ПРИДВОРНАЯ СЛУЖБА

Лучьян, поселившись во дворце, стал «изучать» страну, в которой теперь жил, пригладиваться к людям, и после минувшего сурового Средневековья с его беспорядками здешняя жизнь показалась ему раем. Город произвёл на него очень хорошее впечатление.

Люди здесь любили и умели трудиться. Безработных не было, каждому находили дело по способностям.

— Когда-то мой отец издал закон, по которому все обязаны работать, но теперь он не так строго следит за этим, — рассказывал Лучьяну старший сын царя Роберт. — Тем не менее лаконийцы постоянно в труде. У нашего народа это в крови...

В Орбуче строилось много новых зданий, и возводились они так быстро, что Лучьян диву давался. Он любил гулять по городу в свободное время. На улицах был совершенный порядок, чисто и ухожено, и никаких средневековых нечистот и эпидемий. Некогда царь Дормидонт ввёл суровое наказание для тех, кто загрязняет улицы, и мусор стали выкидывать в строго отведённые для этого места.

— Многие, кто сюда приезжает из Лапони или с Лансонов, называют нашу страну настоящим сокровищем, утопией, — говорил Роберт. — Кто знает, может, это и вправду так...

Лучьян видел, что это действительно так. Сами люди здесь были замечательными — открытыми, добродушными, отзывчивыми.

Честно и верно прослужив царю Дормидонту несколько месяцев, Джованни стал канцлером. Его жизнь начала потихоньку налаживаться. У них с Глафирой было двое сыновей, и подошло время рождения третьего — его назвали Альбертом. Он сделался любимцем царских родственников и слуг, и даже сам Дормидонт иногда заходил посмотреть на малыша. Но больше всего любил нянчиться с ним Лучьян.

Однажды он написал портрет маленького правнука. Старик не имел большого таланта в рисовании, но мальчик получился на рисунке как живой — в белой распашонке, с кругленьким личиком, большими глазами и редкими волосиками, с высунутым язычком. Эта картинка потом много лет хранилась у Лучьяна.

Маленького Альберта и его братьев часто навещала жена царя Роза. Позже Лучьян говорил, что это была одна из самых мудрых женщин, которых он знал. Со слугами и простым народом она держалась просто, доброжелательно, без всякой надменности. Любила сама трудиться: прибирать комнаты, готовить обеды, стирать одежду, заботиться о придворном саде. Когда выходила прогуляться перед сном, то одевалась очень скромно и её принимали за простую горожанку. А если кто-то и узнавал царицу, она отвечала на приветствие и беседовала с человеком. Лучьян вспоминал:

«Я любил беседовать с ней. Каждая сказанная ею фраза была мудростью, и я даже многое записывал. У неё произошло немало поучительных жизненных историй. В одной из них мне открылась вся сущность этой замечательной женщины. Когда-то маленький Роберт спросил её:

— Мама, почему люди так часто ссорятся друг с другом?

— Каждый хочет быть правым и отстаивает свою правду, — ответила она. — Вместо того, чтобы с любовью и пониманием отнестись к другим...

И дети слушались её больше, чем властного отца. Даже сам Дормидонт был безоружен перед любящим сердцем жены и никогда с ней не спорил».

Теперь она уговорила Дормидонта выдать дочь Юлию за графа Винсана по её желанию и радушно приняла его во дворец; тот

остался очень признателен ей.

Лучьян занимался воспитанием младших детей Дормидонта — Якоба, Климента и Ирины. Вместе с ними он пристрастился к чтению литературы, прочитал «Сагу о вигунтах», «Жизнь волшебника Джуная», «Легенду о единорогах» и многое другое.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. НОВЫЙ ГОРОД

Однажды Лучьян и младшая дочь царя Ирина гуляли в парке. Девочка запускала в небо змея, и тот плавно летел по ветру, а она бежала за ним и смеялась. Потом, устав и присев на скамейку, сообщила своему воспитателю новость:

— А ты знаешь, что мой папа и братья хотят строить новый город?

— Правда? — удивился Лучьян. — Но это ведь огромные расходы... К тому же Орбуч — прекрасный город, достойный того, чтобы быть столицей...

— Папа считает, что должен основать свой город, — объяснила Ирина.

За обедом Лучьян спросил у царя, правда ли это.

— Да, — ответил Дормидонт. — Каждый правитель Лаконии основывал город в память о себе и почти всегда называл его своим именем, некоторые даже строили по несколько городов.

— Где же ты хочешь его основать?

— Чуть южнее Орбуча. Там очень благодатное место, тихое, спокойное — равнина, окружённая холмами. Я уже отправил туда около тысячи рабочих с архитектором Феодором Гептенем — ты его знаешь, это брат моей жены. И вскоре сам собираюсь поехать, чтобы руководить строительством. Твой зоркий глаз и мудрые советы тоже будут очень нужны.

— С удовольствием поеду, просто это очень неожиданно...

Из города отбыло на новое место ещё несколько сотен людей — архитекторов и строителей. Вереницы повозок двигались на юг. Потом выехали и царь со свитой. Лучьян и Джованни были рады принять участие в таком великом деле.

Когда они, проехав сотню километров, добрались до той равнины, там уже вовсю кипела работа. Из окрестных селений привозили камни, дерево, глину, песок. Здесь собралось много крестьян, бедняков, которых хорошо кормили и обеспечивали одеждой и вещами за работу. Все трудились не покладая рук — копали ямы, возводили фундаменты зданий. Отдыхали мало.

Дормидонт осматривал первые постройки вместе с Якобом Лагартом и другими адъютантами, проверял, как идёт работа, давал указания. Он отправил Джованни в соседний городок за новым материалом.

В городке тот взял на рынке мешки с глиной и известью, погрузил в повозку. Когда ехал обратно, пошёл сильный дождь, дороги размыло, телега перевернулась, мешки порвались, и много материала просыпалось в глубокую лужу. Джованни помогли проезжавшие мимо купцы — взяли к себе в повозку, повели его лошадь за собой.

Узнав об утере материала, Дормидонт строго отчитал своего канцлера, и, если бы не вмешательство Лучьяна, того ждало бы суровое наказание. Старик убедил царя ограничиться выговором, ссылаясь на то, что его внук не по своей вине лишился глины и извести.

Часть территории, на которой возводился город, была болотистой. Несколько человек погибло при строительстве, увязнув в болотах. Много людей получило травмы, когда обрушился один из новых домов.

Сын царя Роберт трудился вместе с рабочими. Он размешивал глину, клал камни. Лучьян стал с ними возводить стену вокруг нового города. Работали много, изредка прерываясь на короткий отдых и обед.

Вскоре царь с адъютантами вернулся к себе во дворец, поручив возведение города архитекторам по тому плану, что он составил с сыновьями. С наступлением зимы Лучьян и другие пожилые рабочие тоже были отправлены в Орбуч. Дормидонт устроил пир в честь нового города, который решили назвать его именем, и в честь свадьбы сына Роберта, взявшего в жёны дочь правителя Лапонии Марию.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ЗАМОК ДЖОВАННИ

Новый город рос на глазах. В строительстве участвовали архитекторы и рабочие со всего государства. Джованни и сыновья царя трудились вместе со всеми.

Через год после свадьбы сына Дормидонт устроил ещё один пир — в честь рождения внука, которого называли Августом. Царь редко устраивал пиры и развлекался — почти всё время он отдавал государственным делам, не позволяя себе праздности. И того же требовал от других — трудиться на благо государства. Он был благодарен судьбе за то, что стал государем, и стремился делами оправдать ту честь, которая ему выпала.

Ему приходилось много ездить по стране, и, когда правителя не было в Орбуче, его обязанности выполнял Лучьян. Дормидонт много раз посещал юг страны: его беспокоили острова в океане, отделявшем Лаконию от Лапонию — Лансоны.

— Сейчас они принадлежат Лаконии, а когда-то были собственностью Лапонию, и ходят слухи, что лапонийцы хотят отвоевать их, — сказал однажды Лучьяну Роберт. — Поэтому отец так беспокоится...

— Чем они так хороши? — спросил Лучьян. — Большая территория?

— Дело не в территории. Хотя она и не маленькая. Дело в климате. На этих островах очень плодородная земля, там выращивают огромные урожаи. И очень хорошие погодные условия, лаконийцы ездят туда отдыхать. Мой отец стал часто там бывать — к старости у него появились проблемы со здоровьем, он ездит туда лечиться.

Тем временем новый город потихоньку разрастался. Было построено несколько крепостей, обведённых мощными стенами. Южнее города Дормидонта для царя возвели крепость возле озера — это была резиденция для отдыха.

Вернувшись в новый город, правитель отметил, с каким усердием Джованни там трудится, и наградил его — подарил замок в живописной местности, почти рядом со своей крепостью. Всё семейство Лучьяна переехало туда. У Джованни и Глафиры родилась девочка Марта, и её мама была на седьмом небе от счастья — она очень хотела дочку.

Теперь Лучьян всё время проводил с правнуками: гулял с ними, обучал грамоте, читал им книги, кормил, укладывал спать и так далее. Они проводили много времени в саду с яблонями, грушами, сливами — сидели в тени деревьев, беседовали, ели фрукты, читали и обсуждали рассказы и стихи. Лучьян много рассказывал детям о своей жизни. Джованни и Глафира тоже любили бывать на свежем воздухе. Джованни любил верховую езду. В конюшне жил его любимый конь Дагор, на котором он любил кататься по вечерам. Семья обычно завтракала, обедала и ужинала в беседке возле замка.

Возле двора находился небольшой пруд и несколько беседок, в которых Лучьян любил отдыхать. Ему нравилась такая безмятежная жизнь, хотя раньше он совсем не любил покой. Понимал, что пришла настоящая старость. И, чтобы не так быстро стареть, бегал каждое утро по несколько километров.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. НА РЕКЕ ЖИСЬ

Шло время. В новом городе строились правительственные и общественные здания, он продолжал разрастаться; сюда прибыло много жителей Орбуча, особенно чиновников. Наконец настал день, когда сам царь со свитой въехал на коне в город, названный в его честь. Теперь он поселялся здесь навсегда. Город Дормидонт был объявлен столицей Лаконии.

— Пока Лаконией правит моя династия, — сказал правитель свите, — да будет этот город столицей государства неизменно!

Он гордился тем, что в его честь воздвигли город. И был очень признателен всем, кто принимал участие в этом непростом деле. Царь устроил грандиозный пир, на котором гуляли все жители новой столицы.

Лучьяну очень понравилось жить там, гулять по просторным и чистым улицам, которых было пока не так много. Джованни, Якоб Лагарт и граф Винсан задумали создать большой сад в центре города и стали сажать деревья, и Лучьян тоже включился в работу. Впоследствии здесь появился парк с прекрасными аллеями и садом. Возле нового дворца Дормидонта было построено здание с колоннами — библиотека. Сюда привезли множество книг из старой библиотеки царя в Орбуче.

Тогда же тысячи горожан устроили факельное шествие, двигаясь вокруг дворца. Грохотали пушки, появлялись в небе разноцветные огни. Дормидонт с большой радостью и гордостью смотрел на шествие и салюты. А Лучьяну всё происходившее казалось сном — таким всё было необычным. Толпа долго ходила по городу, славя царя, воспевая его заслуги...

На берегу реки Жись находилось несколько старинных часовен. Сюда приезжали многие правители Лаконии. Дормидонт любил эту местность — горы, реку с прозрачной водой, еловый лес. Вода в реке, по преданию, была целебной, излечивала многие болезни.

— Старость неминуема, и она приближается, — сказал как-то царь Лучьяну. — Но хотя бы попытаемся излечить болезни. Нужно ехать на реку Жись...

Дормидонт отправился туда не только для того, чтобы исцелиться. В одной из часовен прошло венчание его младшей дочери Ирины с сыном аристократа Бирмалом, и царская семья, свита и слуги присутствовали на церемонии.

После этого все отправились на реку. Царь совершил там омовение, и вслед за ним омылись его родные и приближённые. Затем на просторной поляне устроили пикник — постелили несколько ковров, расставили на них тарелки с едой, кувшины с напитками и кубки.

Лучьян после омовения отправился прогуляться в лесу с графом Винсаном. Тот рассказывал ему о Гуронах и Жорженах — династиях, правивших Лаконией прежде. Династия Гуронов оборвалась из-за эпидемии, которая унесла жизни всех членов семьи правителя. А династия Жорженов — из-за деятельности последнего правителя-деспота, против которого восстал весь народ.

— Дормидонт тоже в чём-то деспот, — сказал Винсан. — Но он так строг к людям для их же блага. Царь хочет сделать наше государство более сильным и справедливым, поэтому так требователен ко всем.

Правитель тем временем весело проводил время на поляне в кругу семьи, поедая бутерброды, запивая их соком. Он благословил Ирину и Бирмала и пожелал им долгой и счастливой совместной жизни.

Прибыл гонец с посланием от правителя Лапони. Когда Дормидонт развернул и прочитал письмо, ему стало не по себе. Не говоря никому ни слова, он отправился на берег реки прогулочным шагом. Ему надо было остаться наедине с собой, обдумать создавшееся положение. Несколько слуг отправились за ним, но Роберт велел им вернуться на поляну и сам подошёл к отцу.

— Что случилось? — спросил он. — На тебе лица нет.

— Правитель Лапони Гасан Лавар собирается идти на нас с войной, — сообщил Дормидонт. — Он требует, чтобы мы отдали ему Лансоны, иначе нападёт с войском на Лаконию. Да, эти острова приносят нашему государству огромные доходы, но рисковать людьми я не могу...

— Не вздумай отдавать ему Лансоны, — ответил Роберт. — Если отдашь — проявишь слабость, он будет постоянно шантажировать тебя. Лавар не пойдёт на Лаконию, потому что здесь находится его дочь, моя жена. А если даже у него и хватит глупости начать войну, лучше закончить её с потерями, но достойно, чем потом стоять перед ним на коленях.

Слова сына убедили правителя не отдавать Лансоны, но с ответом он медлил — сомнения всё ещё не покидали его...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ВОЙНА ЗА ЛАНСОНЫ

Не дождавшись ответа Дормидонта, Гасан Лавар отправил свою армию на Лансоны. Узнав об этом, правитель Лаконии также повелел своим войскам двинуться на острова и изгнать оттуда захватчиков.

Армия под руководством Роберта и Джованни на нескольких десятках кораблей отплыла на Лансоны. Чуть позже туда отправился и сам царь, оставив Лучьяна в качестве своего заместителя. Какое-то время от Дормидонта и воинов не поступало никаких известий, и письма Лучьяна Джованни оставались без ответа. Но вот наконец внук прислал ему письмо, в котором сообщал о плачевном состоянии армии.

«Лапонийцы упорны в своём стремлении овладеть островами, — писал Джованни. — Их не останавливает ничто. Когда мы прибыли на Лансоны, разгорелся бой, в котором погибли многие. Армия потеряла лучших бойцов. Мы палили из пушек так, что земля дрожала, но не смогли далеко продвинуться, а вскоре и вовсе начали отступать. Лапонийцы окружили нашу армию плотным кольцом, и лишь немногим удалось вырваться. В плен попало большинство солдат. Дормидонта и Роберта нет среди нас — они в плену, если не погибли. Противники, очевидно, хотят захватить не только Лансоны — часть их армии двинулась на Лаконию. Так что прошу: уходите из города немедленно; скоро враги уже будут возле его стен. Я же пока останусь на островах и приложу последние усилия, чтобы отстоять их...»

Лучьян посовещался со свитой. Но не все были согласны покинуть столицу: граф Винсан, Феодор Гептен и Якоб Лагарт заявили, что нужно самим жителям отстаивать город, если придёт враг. И Лучьян, согласный с ними, обратился с речью к горожанам — призвал встать на защиту города. Он попросил отбыть в Орбуч стариков, женщин, детей, больных людей, и некоторые уехали. Лучьян уговаривал Розу, Марию и Глафиру покинуть город, но они отказались.

— Я должна быть с моим народом, — ответила царица.

Мужчины заперли ворота, приготовили оружие для обороны.

Гонец принёс известие: Дормидонт и Роберт были взяты в плен. Гасан Лавар просил передать Лучьяну, что если тот не согласится отдать Лансоны лапонийцам, то правителя и его наследника расстреляют.

— Его величество Дормидонт велел вам не сдавать островов ни при каких условиях, — сказал гонец.

...В первый раз Лучьян был в таком замешательстве. Конечно, послушаться царя он не мог, но не мог и допустить, чтобы тот погиб. Посоветовавшись ещё раз с приближёнными, решил сохранить жизнь царю и отдать Лансоны. К тому же лаконийское войско всё равно уже не могло вернуть их.

Но в дело вмешалась дочь Гасана — Мария. Она захотела написать отцу письмо с просьбой прекратить войну и с напоминанием о том, что является заложницей лаконийцев.

— Но мы не собираемся делать тебе ничего плохого, — сказал ей Лучьян.

— Я знаю, просто нужно устроить моего отца, — ответила Мария. — Сообщу ему, что если Дормидонта и Роберта убьют, то со мной поступят так же. Тогда он не тронет их.

Она написала и отправила письмо с гонцом.

...Враги так и не дошли до города. Южнее они были разбиты резервными войсками, выдвинувшимися вслед за основными. Остатки лапонийской армии попытались прорваться к столице, но были остановлены народным ополчением: внезапные нападения людей, скрывавшихся в лесах, обессилили их, и противники повернули обратно.

Вскоре из плена возвратились Дормидонт и Роберт. Оба были худыми и бледными, выглядели измученными. Роберт сообщил Лучьяну, что Джованни погиб при обороне одной из крепостей на юге страны. Его тело вскоре привезли и захоронили.

Между Дормидонтом и Гасаном было подписано перемирие, и лапонийский правитель оставил свои притязания на Лансоны.

Лучьян и Глафира с детьми, убитые горем, не могли поверить, что расстались с Джованни навсегда. Вдова погибшего долго носила траур, каждый день ходила к нему на кладбище, и старик, видя, как она убивается по мужу, решил увезти своих родных из Лаконии — подальше от тех мест, которые напоминали им о его гибели.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. РЕФОРМЫ ИВАНА IV

Детство будущего государя прошло в горе и страхе. В три года он потерял отца, в восемь лет — мать.

«Остались мы с братом круглыми сиротами, — писал Иван позже в послании к князю А. М. Курбскому. — Подданные наши об нас, государях своих, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобретении богатства и славы. И сколько зла они наделали!

Сколько бояр и воевод умертвили! Часть казны матери нашей они взяли себе, неистово пихали ногами её вещи.

Нас с братом начали воспитывать, как нищих. Какой нужды не натерпелись мы в одежде и в пище, ни в чём нам воли не было. Одно припомню: бывало, мы играем, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, локтем опершись о постель нашего отца, ногу на неё положив».

При Иване и его брате Юрии бояре устраивали драки и ужасные расправы и поощряли в наследнике жестокость. Будучи ребёнком, он сбрасывал с крыши дворца котят и щенят. А позже стал увечить и убивать людей, носясь со сверстниками на лошадях по Москве. Таким его сделала жизнь с боярами, оскорбления и унижения, которых мальчик натерпелся. После смерти отца Иван стал великим князем, а в возрасте шестнадцати лет венчался на царство.

Первый раз он женился сразу после коронации. Супруга Анастасия была доброй и мягкой и умирляла его гнев. У них родились сыновья Дмитрий (умер в младенчестве), Иван и Фёдор. Но царица заболела и скончалась. Вторая жена царя, черкешенка Мария Темрюковна, наоборот, поощряла проявление у него жестокости. Она вела разгульную жизнь и умерла, как говорили, от отравления.

В начале царствования Ивана IV было создано правительство — Избранная рада, в которую вошло ближайшее окружение царя. Её возглавил дворянин А. Ф. Адашев. Она основала новый орган власти — Земский собор, который занимался политическими, экономическими и административными делами. Был составлен новый Судебник, увеличивший зависимость подданных от государя. Сформировалась приказная система, появилось несколько приказов по основным государственным нуждам. Созванный Стоглавый собор унифицировал церковные обряды.

После того, как Русь освободилась от власти Золотой Орды, та распалась на ханства — Казанское, Астраханское, Крымское, Ногайское и Сибирское. Из них постоянно совершались набеги на русские земли, и людей тысячами уводили в плен.

Решив усмирить эти ханства, Иван IV предпринял на них несколько походов, оказавшихся неудачными. Но после он лучше подготовился, собрал полки, взял с собой пушки и порох. Черемисы (чувашаи, мордва, мари) перешли на его сторону и участвовали в наступлении на Казань. Сорок дней

длилась осада города, затем его штурмовали, разрушили стены и завладели им.

А после царь взял Астрахань, Башкирию и Ногайскую Орду.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ОПРИЧНИНА

До Москвы Лучьяна, Глафиру и детей добросил один из грузовых кораблей юпитериан. А там их приютил у себя Лесмян, накормил, постелил им постель. И перед сном два брата сели поговорить.

После того, как Лучьян рассказал о жизни при дворе Дормидонта, о новой столице Лаконии, о войне с Лапонией и о гибели Джованни, Лесмян покачал головой:

— Напрасно вы ищете покоя здесь. Нынешний царь ввёл такие порядки, что весь народ его проклинает. И нелегко вам здесь будет, нелегко... Многие бежали из Русского государства в страны Европы, дабы сохранить жизнь. Лучшие советники и воеводы покинули царя и отбыли в другие страны. И вас призываю: бегите подальше отсюда, подумайте о детях!

— Неужели здесь всё настолько опасно? — усомнился Лучьян.

И Лесмян рассказал брату вот что.

...Когда скончалась жена Ивана IV Анастасия, он, поверив слухам о том, что её отравили, сделался мнительным и жестоким и, видя в каждом врага, стал расправляться с приближёнными. Многие из них покинули Россию.

Чтобы усилить власть, царь разместил в девятнадцати городах и волостях шесть тысяч своих людей. И, перебравшись в новый дворец за рекой Неглинной, окружил себя ещё шестью тысячами, которые, поклявшись в верности, стали выполнять разные его поручения. Они были названы опричниной, а все остальные люди в государстве — земщиной — и управлялись земскими боярами. Опричники получили полную свободу в отношении земских людей и начали творить произвол. Они сильно притесняли народ, грабили и убивали...

Лучьян поразился таким переменам и заявил брату, что хочет видеть царя воочию.

— Тебе надо быть тише воды и ниже травы, — возразил Лесмян. — Ты со своим правдолюбием угодишь в темницу, если не на тот свет сразу.

— Я открыто говорил правду при многих государях, которым служил, — ответил Лучьян. — И теперь не собираюсь молчать,

когда гибнет народ. Глафиру и детей отправлю в Польшу, а сам встречусь с царём.

На следующий день он приехал в царский дворец, там заговорил с опричниками, был схвачен ими и доставлен к Ивану IV — человеку с грустными и дикими глазами, горбатым носом и поседевшей бородой. Он только что закончил молиться.

— Ещё одного смутьяна привели, — сказал ему один из слуг. — Пытался опорочить царя и нынешние порядки.

— Ты кто таков будешь, старец? — сердито сверкнул глазами Иван. — Почто вздумал смуту сеять?

— Я — тот, кто служил при твоих предках, — ответил Лучьян. — Ты молишься, замаливаешь грехи и продолжаешь уничтожать народ. Скольких людей, которые прежде были твоей опорой, нет теперь с тобой! И некому будет тебя защитить, когда придёт враг на Русскую землю — а он уже рядом!

— Ты дерзнул молвить такое! — разгневался царь. — Безумный старик! В темницу его! Пусть там доживает остаток своих дней!

Опричники выполнили его повеление. Лесмян отправил Глафиру и детей в Польшу и остался вызволять брата. Умоляя царя отпустить его, хотел даже валяться у него в ногах, чтобы Лучьян вышел на свободу.

Но Иван сам вскоре понял, что старик говорил правду. При дворе осталось мало умных советников — кто погиб, а кто уехал. А враги были рады тому, что государство рушится, и спешили воспользоваться этим. И царь освободил Лучьяна и уничтожил опричнину. Но было уже поздно: иноземные захватчики со всех сторон нападали на Россию...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

Крымский хан Девлет-Гирей со стотысячным войском неожиданно появился возле Серпухова, где находился царь. Иван испугался и бежал в Коломну, затем — в слободу Александровскую, а оттуда — в Ярославль.

Лучьян и Лесмян покинули Москву перед нашествием хана. Они ездили на лошадях по окрестностям города, пока враги разоряли и жгли его. Священник Феофан, служивший в Покровском соборе, сообщил им, что к столице подходит большое русское войско, и те уехали. Как оказалось потом, он всё это придумал, чтобы припугнуть их.

Жители стали возвращаться на свои пепелища. Приехали и два брата. Дом Лесмяна тоже был сожжён, но Лучьян успокоил его:

«Невелика потеря, отстроим заново».

Когда умер польский король Сигизмунд II Август, не оставив наследника, многие поляки захотели, чтобы их Речью Посполитой управлял русский царь или один из его сыновей, дабы не допустить набегов турок или австрийцев. Но Иван IV посчитал это для себя делом убыточным и отказался.

Новым правителем там стал князь семиградский Стефан Баторий. Он был образованным, умным и храбрым человеком. Обещал народу, что вернёт все земли, которые Россия когда-то отобрала у Польши и Литвы. И нашёл союзников для предстоявшей войны: шведского и датского королей и крымского хана. Его поддержали папа римский и турецкий султан.

Войско Батория вторглось в Россию. Иван IV, узнав об этом, отстранился от управления армией, поручил его своим воеводам и сделал Лучьяна одним из начальников. Без поддержки царя, видя, как он боится врага, ратники сами потеряли храбрость, начали проигрывать сражения и оставлять города. И так отступали до Пскова.

Там Лучьян вместе с князьями Шуйскими поклялся умереть, но отстоять город. Четыре месяца враги осаждали Псков, но безуспешно. И Баторий вынужден был заключить десятилетнее перемирие с Иваном IV. По его условиям Россия отдавала Речи Посполитой Ливонию, Полоцк и Велиж и получала назад захваченные поляками города Псковской земли.

После этого Лучьян возвратился в Москву. Царевич Иван, узнав от него об условиях перемирия, был возмущён такими условиями:

— Многого требует король, пора бы остепениться!

— Добро и то, что удалось отстоять Псков и не дать Баторию взять другие города, — ответил Лучьян.

— Слишком много уступили вы Баторию, — покачал головой царевич и отправился к отцу.

Но царь сам был в недобром расположении духа. Он узнал о причине недовольства сына и спросил, чего тот хочет.

— Я хочу избавить Россию от того позора, в который ты её вверг! — ответил наследник. — Своих людей убиваешь, а врагов щадишь и уступаешь им! Не потому ли, что боишься более сильных?

— Что ты сказал? — побледнел Иван. Он поднялся с трона, взял посох и подошёл к сыну. — Думаешь, Баторий более сильный соперник?

— Дай мне изгнать его! Всё равно ты не сможешь... — царевич не договорил; посох отца обрушился на его голову, и он упал, обливаясь кровью.

Иван пришёл в ужас и бросился к нему, стал просить прощения, молил слуг помочь его сыну, но было уже поздно... Царевич три дня пролежал в покоях ни живой ни мёртвый, но лекари не смогли помочь ему, он скончался.

Отец убивался, раскаивался, но сына теперь уже нельзя было вернуть. «Это наказание царю за все злодеяния, которые он совершил», — сказал Лесмян, узнав о смерти царевича. Второй сын государя Фёдор, не готовый перенять престол, погрузился теперь в горестное смятение: каково теперь ему будет без брата, в тени которого он находился всё время?..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ОСВОЕНИЕ СИБИРИ

Просторы Сибири с древних времён именовали золотым дном, даже когда ещё мало знали о её богатствах.

Новгородцы впервые прибыли туда в XI веке. И наложили дань на полудиких жителей зауралья. Они назвали те земли Югорскими. Позже купцы, посещавшие их, нарекли земли по берегам реки Оби Обдорией, а по берегам Конды — Кондией. Сибирский князь Эдигер стал данником Ивана IV. Но сын киргизского хана Кучум, захватив его столицу Искер, убил князя. Он отказался платить дань царю и начал совершать набеги на русские земли.

Для борьбы с врагом защитники границ наняли казаков. Ранее государь их не очень жаловал за то, что занимались разбоем, но теперь они направили свою удачу на пользу государству. Их атаманы — Ермак Тимофеев, Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк — собрали дружину из пятисот сорока воинов, и все во главе с Ермаком прибыли к границам. С их появлением там набеги татар прекратились. Вместе с порученными им немецкими и литовскими пленниками они добрались до Искера и с огромным трудом взяли его. Народы Сибири стали добровольно подчиняться Ермаку. Он отправил в Москву в качестве послов Ивана Кольцо и нескольких казаков, и те известили царя о покорении сибирских земель.

Почти два года Ермак управлял завоёванными территориями. Лучьян приезжал с купцами в Искер, чтобы посмотреть, как

там процветает торговля. Во время ярмарок в город прибывало много народа.

«Сегодня гулял по Искеру, — писал Лучьян брату. — Ермак Тимофеевич показывал мне свой двор, пушечный амбар с оружием, погреб для хранения пороха. Мы прошли по улицам города, оглядели осадные избы, в которых простой народ укрывался во время войны, посетили земскую избу, где находилось выборное управление, побывали на площади с торговыми рядами, лавками, ремесленными мастерскими. Купцы предлагали роскошные кафтаны, но я купил только простой тулуп — скоро ведь зима, а старая шуба износилась... В харчевнях здесь кормят вкусно и недорого. Мы ели щи из кислой капусты и рыбный пирог, пили мёд...»

Однажды Ермак узнал, что Кучум, бродящий по степям, не пускает в русские земли бухарских купцов, и отправился встретить их с пятьюдесятью казаками. Но никого не нашёл. Воины разбили на ночь шатры на берегу Иртыша. Они уже уснули, когда внезапно появился Кучум со своими полчищами и напал на них. Многих убили, только несколько казаков смогли спастись. Ермак был ранен и, уплывая по реке, утонул...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. СМЕРТЬ ЦАРЯ

Когда Лучьян сообщил царю о смерти его давнего недруга Андрея Курбского, тот сделался задумчивым и молчаливым. Усопший когда-то был любимцем Ивана IV, одним из лучших его воевод. Но, когда многие из приближённых царя попали в опалу, он, опасаясь такой же участи, сбежал к польскому королю и отправил своему бывшему хозяину послание.

В нём сетовал, что тот отступил от веры и жил не по совести. «Почто, царь, побил ты сильных во Израиле и различными смертями казнил воевод, данных тебе от Бога на врагов твоих?» Припоминал, что государь не гнушался проливать кровь невинных и на порогах церквей. «То ли нам, бедным, воздал, всячески губя нас? Или ты думаешь, что ты бессмертен, царь?» Спрашивал, не боится ли тот предстать перед Судьёй, Богоначальным Иисусом? И обещал, что на Страшном Суде вместе с казнёнными обличит Ивана.

В ответном послании царь заявил, что имеет власть от Бога, верен ему и что Курбский изменил своей вере, перейдя на сторону врагов. Сам же он управляет государством так, как и положено самодержцу. Курбский не может быть его судьёй и обвинять до Божьего суда. Крови невинных государь

не проливал, а казнил заслуживших это изменников и чародеев. Бояре же с детства мучили его и обижали. Они оклеветали и убили в церкви родного дядю Ивана. И даже те, кого он считал самыми верными подданными — Алексей Адашев и священник Сильвестр, — никогда не слушали его, были своевольными. А сам Курбский плохо исполнял обязанности воеводы, и если его наказывали, то за дело. Отец Андрея служил удельному князю, а самого его правитель незаслуженно возвысил, приблизив к себе. Иван знал, что он не бессмертный, но напомнил неприятелю своему, что и тот — грешник, занимался гонениями на людей и повинен в смерти епископа Феодосия. И что Бог не послушает Курбского, который не хочет простить царя по-христиански.

Иван сидел перед шахматной доской с фигурами — он играл сам с собой. Лучьян наблюдал за ним из-за приоткрытой двери. Накануне царь велел слугам принести и прочитать его завещание — чувствовал, что близится смертный час...

Вся жизнь проходила у него перед глазами. И мучили воспоминания о детстве... Как посмели бояре ругать при нём его умерших родителей, как могли выгнать его любимую добрую няню, кто позволил им так калечить душу ребёнка? Он знал, что отомстит им, когда вырастет. И отомстил. Много боярских семейств истребил, велел убивать даже малых детей, чтобы их рода прервались. Если в молодости ещё держал себя в руках, то после смерти жены Анастасии стал очень жестоким. Скольких людей погубил во время опричнины! Но больше всего ему запало в душу убийство сына Ивана... Он теперь готов был простить всех врагов, воскресить всех казнённых, чтобы увидеть живым своего сына...

Бояре и слуги, глядя на царя из-за двери, увидели, что тот уронил голову на руки. Кто-то осмелился окликнуть его, но он не пошевелился. Стемнело, слуги зажгли свечи и медленно подошли к нему. Увидев застывший, стеклянный взгляд Ивана, Лучьян понял: царь мёртв...

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ. ЭКСПЕДИЦИЯ НА ПЛАНЕТУ НИБИРУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТИХАЯ ГАВАНЬ

После смерти Глафиры Лучьян прибыл с правнуками на родную планету, чтобы устроить их жизнь. Там занялся привычным для себя делом и зажил в своё удовольствие. У него теперь была большая квартира в высотке на набережной в центре Грайюнкма и автомобиль. Лев, Руслан и Альберт жили отдельно,

Марта вышла замуж за художника Симаса и переехала к нему. Когда умер друг Лучьяна, археолог Томас Петерсон, который прилетел с ним с планеты Земля, тот начал заботиться о его дочери Элизабет. Скромная и трудолюбивая девушка стала его домработницей, каждый день готовила ужин и следила за чистотой в квартире. И за это получала хорошее жалование и подарки.

Первоначально Лучьян хотел только, чтобы она убиралась в комнатах, но, попробовав её суп и пирог, восхитился и попросил ещё готовить ему ужин. «В столовой хорошая еда, но ты готовишь вкуснее, поэтому я буду ужинать дома», — сказал он.

У него установился распорядок дня. Лучьян рано вставал, пил кофе и смотрел телепередачу «Доброе утро, Ганакора!». Потом собирался в университет и ехал туда на автомобиле. Возле здания Каллир-Кадена была стоянка для машин; ещё одна стоянка — для воздушных автомобилей и вертолётов — находилась на крыше вуза. Целый день Лучьян вёл лекции и семинары, участвовал в совещаниях и конференциях. По возвращении домой ужинал и отдыхал — смотрел по телевизору сериал или читал новости в Юпинете — это была «всемирная паутина» на Юпитере. Лучьян купил маленький портативный компьютер, которым мог пользоваться лёжа на диване.

Старик беспокоился о своих правнуках. Но они давали о себе знать. Альберт и Марта часто его навещали, Руслана он каждый день видел в университете, а за жизнью Льва наблюдал в Юпинете — тот вёл в сети дневник, писал о своей работе в библиотеке, о воспитании двух сыновей. Альберт не был женат, и прадед хотел подружить его с Элизабет, но молодой человек почему-то недолюбливал девушку и сторонился её.

Позже Лучьян подключил ещё много каналов и стал смотреть новые программы. Самой любимой его передачей была «Солнечная система. Итоги недели», в которой сообщались новости из разных уголков системы. Она транслировалась на Юпитере, Сатурне, Уране, Нептуне и их спутниках. Также старик любил спортивные передачи. Он уступал Элизабет телевизор, когда шёл её любимый сериал или кулинарная передача.

В Юпинете Лучьян завёл электронную почту. И вскоре на неё пришло письмо от Зила Рахмана, старинного друга — друга детства, юности и всей дальнейшей жизни. «Дружище, здравствуй. Я узнал, что ты в Грайюнкме. Скоро тоже буду здесь. Хотелось бы встретиться. Сколько мы друг друга не видели?».

Лучьян напечатал ответное сообщение: «Здравствуй, Друг! Давай встретимся! Мы очень долго не виделись, даже не сосчитать сколько!».

Они договорились встретиться в ресторанном дворике в центре города. Лучьян едва узнал своего друга: тот сильно постарел, согнулся и ходил теперь с тростью. Они взяли пиццу и пиво и с подносами присели за столик.

— За встречу, — сказал Лучьян, и друзья чокнулись бокалами. — Где ты пропал?

— Я был в Кирифе, — ответил Зил. — Его обновили: старые здания снесли, новые построили. А так хотелось погулять по старому, родному городу... Ты помнишь что-нибудь из нашего детства? Стыдно признать, но я совсем плохо помню те времена...

— Слишком много лет прошло, — вздохнул Лучьян. — Я тоже помню очень мало, только какие-то моменты... Ты работаешь или на пенсию вышел?

— Переводчиком работаю. Не только на Юпитере, но и на других планетах.

Зил немного рассказал другу о своих рабочих поездках. Потом поинтересовался его деятельностью. Беседовать о преподавании в университете было утомительно и скучно, и Лучьян поведал о том, что основал в Грайюнкме музей, посвященный истории России.

— А когда можно его посетить? — спросил Зил, заинтересовавшись.

— В любой день. Сам я прихожу туда по выходным, в остальные дни там работает мой друг, археолог Рудольфос. Он проводит интересные экскурсии. Сейчас запишу тебе адрес музея...

Лучьян достал блокнот, сделал запись, вырвал страничку и протянул Зилу:

— Приходи обязательно.

Тот поблагодарил. Некоторое время они пили пиво молча, потом Лучьян сказал:

— Хоть и живу в тихой гавани, но с ностальгией вспоминаю времена подвигов и приключений... Как тогда жизнь кипела!

— Отдохни, устал, поди, от этих приключений...

— Да, годы уже не те. И здоровье не то... Каждый вечер давление поднимается и всё тело болит...

— И у меня такая же история.

Когда друзья прощались, Лучьян уже думал о новой встрече, потому что Зил — это друг на все времена, с ним всегда было очень легко и уютно.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Преподаватели Каллир-Кадена собирались устроить дискуссию, посвящённую изучению в университете других планет Солнечной системы. Телеведущий Селен Грифон пригласил их на свою передачу «Дела насущные», в которой обсуждались политические, социальные, научные проблемы.

В студии — просторном светлом зале — за круглым столом собрались многие из преподавателей знаменитого университета, здесь были также аспиранты и ассистенты. Зрителей пришло очень много, на всех не хватило мест, и Селен распорядился, чтобы принесли ещё три десятка стульев.

И вот передача началась. Селен озвучил её тему, поприветствовал участников и зрителей, и слово взял профессор Кадим:

— Несомненно, изучение в Каллир-Кадене других планет — очень нужное дело. Солнечная система — это единое целое, сатурниане, ураниане, нептуниане, плутониане, марсиане, земляне, венериане, меркуриане, жители спутников — наши союзники, и чем больше мы будем знать о них, тем лучше. В нашем вузе введено несколько новых дисциплин, написаны десятки учебников, посвящённых другим планетам. Сначала на эти курсы ходили по желанию, но после войны с армией Алголя, когда все поняли, что планеты Солнечной системы должны быть сплочёнными, эти предметы сделали обязательными. Народов в нашей великой звёздной системе миллионы, и законы, обычаи, традиции всюду разные, но у нас должно быть что-то общее, а именно — любовь к ней, готовность защищать её.

— Всё это правильно, — согласился профессор Стултус. — Если мы будем действовать во всех общих делах слаженно и организованно, то добьёмся многого. Единственной системой, победившей алгольцев, стала наша, Солнечная, и это говорит о её огромной силе и сплочённости. Я хотел ещё упомянуть о планете Земля: почему-то профессор Смолоз, который присутствует здесь, выступает против того, чтобы юпитериане исследовали и колонизировали её, хотя сам любит там бывать. В чём причина этого?

— Я не против её изучения как такового, — ответил Лучьян. — Я против методов, которыми пользуются юпитериане. Они засоряют планеты, загрязняют их природу. На Земле живут хорошие люди, там красивая природа, и я не хочу, чтобы

юпитериане испортили их своей цивилизацией.

— Юпитер — ваша родина, и вы обязаны прежде всего заботиться о благополучии нашей планеты, — твёрдо сказал Стултус.

Зрителям был показан видеоряд: освоение Нептуна, Урана, Плутона и Марса. На них возводились новые мегаполисы, строились учреждения и предприятия, создавались космические станции. После краткого обсуждения этих кадров состоялась презентация книги профессора Санасара «Расширение», в которой он довольно полно осветил процесс освоения планет Солнечной системы. Автор подарил её экземпляры преподавателям Каллир-Кадена, после чего началась автограф-сессия со зрителями. Пока Санасар отвечал в сторонке на их вопросы, преподаватели обсудили методы освоения Солнечной системы и новые дисциплины, посвящённые другим планетам. Некоторых студентов теперь будут посылать на практику и стажировки на Сатурн, Уран и Нептун.

Когда передача закончилась, Руслан сказал прадеду:

— Не переживай из-за этой критики. Стултус — ужасно глупый человек, он завидует тебе, видя твою славу и признание. Не бери в голову. Ты прав, и все это знают.

Потом Альберт сообщил ему о премьере сериала «Освободительная война», посвящённого войне против алгольцев. Лучьян вместе с ним поехал домой смотреть этот боевик на дисках, которые купил правнук.

Съёмки сериала проходили в космосе. Алгольцев играли юпитериане, облачённые в костюмы с рогами. Взрывы делали с помощью компьютерной графики. Всё получилось очень реалистичным. В сериале было много действующих лиц. Лучьяна играл известный ганакорский актёр Ганс Палитур, мало походивший на него внешне. «Главное, что у него тоже белая борода, — сказал Лучьян. — Так его вправду можно принять за меня». Среди героев он увидел Камиасту (его играл актёр из системы Альфа Центавра), Лесмяна, Зила, Эла и многих других своих знакомых. И после просмотра сказал:

— Спасибо, Алик. Я будто снова вернулся в те годы. Тогда решалась судьба нашей Солнечной системы...

Лучьян долго ещё вспоминал великую войну, которую два с половиной века почти стёрли из памяти...

Когда на следующий день он пришёл в университет, то увидел, что студенты столпились возле какой-то карикатуры. И тоже подошёл посмотреть. На ней был изображён профессор Стултус

с маленьким телом и огромной головой и написана эпиграмма на него:

Ах, Стултус, пожалей себя,
Прими лекарство, успокойся.
Кто, в самом деле, есть Лучьян?
Всего лишь наш спаситель от алгольцев.

— Кто создал эту карикатуру? — спросил Лучьян.

— Ваш правнук Руслан, — сказал один из студентов, и все разошлись по аудиториям.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЛЕГЕНДЫ О ПЛАНЕТЕ НИБИРУ

Полтора века назад на Сатурне, в Леопальде, был создан Союз планет Солнечной системы из ста председателей, занимавшийся глобальными проблемами. Он созывался один-два раза в месяц и переизбирался через каждые несколько месяцев. Его члены занимались в основном прогнозами, так как Солнечной системе в тот период ничто не угрожало — ни глобальные потепления, ни вторжения пришельцев из других систем; даже локальные войны на её планетах несколько поутихли. Век назад был выбран первый президент Союза — Лефган Кучибок, старый, опытный, видный политик. А вторым затем стал Максимилиан Версент-Смолоз, великан, приёмный сын Лесмяна, уже больше трёх веков занимавшийся политикой. Но оба они, как и последующие президенты, продержались на посту мало — эта должность оказалась непосильно тяжёлой.

И вот теперь Союз выпустил новый закон — о введении в вузах предмета «История Солнечной системы». Требовалось написать универсальный учебник по этому предмету, и члены Союза выбрали несколько десятков преподавателей, которые могли бы это сделать — самых опытных, эрудированных историков Солнечной системы, — и в их числе оказался Лучьян. Но многих постепенно «отсеяли», а те, кто остался, побоялись взять на себя такую огромную ответственность. Один лишь Лучьян согласился написать учебник, ему и поручили это важное дело.

Он должен был посетить все планеты и спутники Солнечной системы и собрать там материалы для учебника. И начать решил

со своего Юпитера. В гигантской библиотеке Каллир-Кадена Лучьян читал и конспектировал древние книги и свитки.

Среди этих трудов было несколько томов «Самсунии». Так называлась религия, существовавшая на Юпитере более двадцати тысяч лет, с первобытных времён, и много поколений книжников писало священные тексты по велению самого Самсуна. Лучьян и Гельян считались младшими детьми этого бога, а его не стало, как говорили, с началом перехода от самсунии к христианству в десятках стран в марте 952 года, когда близнецы ещё не родились.

Самсун, по преданию, являлся повелителем природных стихий, но ко всем существам был добр и ласков. Его власть распространялась далеко за пределы Юпитера. Он мог с быстротой света перемещаться в космосе и часто посещал другие планеты. Его бабушка Ратира, колдунья, стала известным мифологическим персонажем. У Самсуна было много братьев и сестёр, много жён, любовниц и детей от них, но в верховный пантеон, кроме него самого, вошло всего несколько богов:

- 1) Гелло — брат Самсуна, божество океанов.
- 2) Тенебрай — брат Самсуна, божество подземелья.
- 3) Карита — сестра Самсуна, богиня любви и красоты.
- 4) Геолия — главная жена Самсуна, богиня семьи и брака.
- 5) Виктус — сын Самсуна и Геолии, бог пищи (пропитания).
- 6) Сомнус — сын Самсуна и Геолии, бог сна.
- 7) Кустос — сын Самсуна, бог-защитник людей от стихий, эпидемий, войн и так далее.
- 8) Амицит — сын Самсуна, бог дружбы и верности.
- 9) Виато — сын Самсуна, бог-гонец (бог общения, бог новостей).
- 10) Бонито — сын Самсуна, бог положительных качеств (бог доброты, любви к ближнему, примирения).
- 11) Спиритус — бог духовной пищи.

Некоторые народы включали в верховный пантеон также Юйса — брата Самсуна, бога пустыни — и Люсию — дочь Самсуна и Геолии, богиню огня и света.

Всего у Самсуна было несколько сотен детей от богинь и простых женщин, которые жили на разных планетах Солнечной системы. Он почитался в странах Юпитера, по подсчётам историков,

на протяжении около тридцати тысяч лет. На картинах изображался как седоволосый старец необъятных размеров.

Лучьян сделал поразительное открытие: в «Самсунии» упоминались имена шумерских богов, которых чтили на Земле. Их было несколько сотен, во главе с пантеоном Великих Богов. Главный бог Ану и его сын Энлиль являлись дальними предками Самсуна. Их родиной была планета Солнечной системы Нибиру, вращавшаяся по своей, вытянутой орбите. Её шумеры называли великим небесным путешественником и изображали в виде крылатого шара. В «Самсунии» пересказывался космогонический миф о том, как бог Мардук в борьбе расколол богиню-чудовище Тиамат и из неё образовался пояс астероидов, а сам он превратился в планету Нибиру и, вращаясь вокруг Солнца, вновь и вновь возвращался на место битвы. Эта планета была обитаемой.

Более четырёхсот тысяч лет назад пантеон Великих Богов впервые прибыл на Землю. И с тех пор каждые три тысячи шестьсот лет, когда Нибиру приближалась к этой планете, они спускались на неё в своих космических кораблях. Боги создали человека разумного, обучили его земледелию, скотоводству, разным ремёслам, открыли для него разные науки и искусство.

Самсун был одним из немногих богов, которые передвигались в космосе самостоятельно, без космического корабля. Ещё в юные годы он с братьями, сёстрами, другими родственниками и друзьями-божествами прилетел на Юпитер, изгнал оттуда местных богов, жестоких и несправедливых к людям, и стал сам властвовать там. Он обучил разумных существ домашнему хозяйству, ремёслам, наукам и искусству. И всегда следил, чтобы люди жили в мире и согласии, не испытывали голода и нужды, не страдали от эпидемий и стихийных бедствий. Самсун заботился и о жителях других планет. Землян он, например, обучил астрономии, дал им точные астрономические таблицы, солнечно-лунный календарь и классификацию созвездий. И позже отправлял к ним как учителей своих сыновей-великанов. Они стали свидетелями эпидемий, засухи и последовавшего за ними Всемирного Потопа, от которого едва смогли спастись на своих космических кораблях.

Изучив «Самсуню» — труд многих людей, писавшийся несколько тысячелетий и передававшийся из поколения в поколение, — Лучьян понял, почему на Юпитере и на Земле люди подобны друг другу: они произошли от общего предка и имели сходную эволюцию. Хотя «Самсуния» являлась мифом, но многое в ней основывалось на подлинных событиях. И растения и животные были внесены на Юпитер, Землю

и другие планеты одним и тем же богом или богами.

«Что же теперь делать? — думал Лучьян. — Действительно ли в Солнечной системе есть эта планета Нибиру, движущаяся по такой странной орбите? Нужно ли мне теперь искать её, чтобы написать о ней в своём учебнике?»

Он решил поговорить об этом со своими коллегами-учёными, но прежде — с братом Лесмьяном, которого давно не видел и по которому сильно соскучился.

Лесмьян жил с великаном Максимилианом и священником Симеоном Бежецким, который прибыл с ним с Земли. В России у Лесмьяна был сын Феофан, о котором тот долго ничего не знал и узнал лишь после его смерти. Феофан и Симеон учились вместе в монастырской школе в Москве, затем служили в Покровском соборе. Феофан стал жертвой козней при дворе, и его удавили по приказу Ивана Грозного. А Симеон уже после смерти царя вместе с Лесмьяном покинул Россию.

Теперь Лесмьян работал над гигантским романом-эпопеей «Рюриковичи» в двадцати четырёх томах. Первые пять томов, посвящённые князьям Рюрику, Олегу, Игорю, Ольге и Святославу, были уже написаны и изданы. Помощником и советчиком автора был Симеон — очень образованный человек, отличный знаток русской истории, работавший со многими летописями и книгами; он же и редактировал произведение.

Сейчас Лесмьян писал книгу о Владимире Святом, а Лучьян как раз был его другом и ближайшим сподвижником. И он, навещая брата, рассказывал ему о своей службе этому князю.

Лесмьян тоже помог Лучьяну в его труде: посоветовал самые полезные источники по истории планет в отдельности и Солнечной системы в целом. О планете Нибиру он тоже был наслышан и велел спросить учёных-астрономов в вузе: есть ли такая планета и можно ли её посетить?

«Странное дело... — думал Лучьян. — Вроде мы уже всю Солнечную систему изучили, знаем каждый уголок... А об этой планете только слухи и мифы ходят... И вообще неизвестно, есть ли она...»

Когда он рассказал об этом в Каллир-Кадене, там собрался совет учёных. Многие профессора не верили в существование Нибиру и посчитали вопросы Лучьяна бессмыслицей. Учёные-астрономы решили заняться поиском этой планеты. А Лучьяну

было велено пока посетить и изучить те планеты, что есть. Его ждало несколько длительных командировок...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ВЫБОРЫ

Командировки Лучьяна на Меркурий и Венеру оказались совсем короткими: он не мог долго находиться на этих планетах из-за их негостеприимного климата, хотя на нём и был хороший защитный термокостюм. На Меркурии вместе с другими юпитерианскими учёными укрывался от Солнца на ночной стороне планеты. А на Венеру его корабль даже не садился: гости побывали только на орбитальной станции над ней. Получив нужные материалы, Лучьян вместе с коллегами тут же отбыл на Юпитер.

При нём находились два переводчика: один переводил труды с Меркурия, другой — с Венеры. Так Лучьян узнал много нового о жителях этих планет, об их истории. Важнейшие факты он внёс в свой учебник. Много дней ушло на работу над разделами об этих двух планетах...

С Элизабет они теперь жили как муж и жена, ели и пили вместе, всю работу по дому делали вместе, спали в одной постели. Лучьян был не прочь жениться на ней, но, как только заговаривал об этом, она отвечала: «Слишком я проста, нехороша для вас...» Считала, что простая служанка без образования не может быть парой такому великому учёному.

Однажды, придя домой из университета, он узнал, что Элизабет беременна. И, обрадовавшись, твёрдо заявил, что они должны пожениться, и даже выбрал для этого день. Она согласилась, но ей было не до свадьбы — очень беспокоила беременность, хорошо ли всё пройдёт при её слабом здоровье...

Но они не успели пожениться — как снег на голову обрушилось на Лучьяна известие: его избрали членом Союза планет Солнечной системы. Пока он находился на Меркурии и Венере, коллеги из Каллир-Кадена выдвинули в организацию его кандидатуру. По мнению членов Союза и многих тысяч учёных Солнечной системы, Лучьян с его гениальным умом там был просто необходим.

Простой народ также требовал принятия в Союз Лучьяна, который виделся всем справедливым человеком, готовым решить их проблемы. На улицах Грайюнума и других крупных городов страны проходили демонстрации. Люди шли с плакатами, на которых было написано: «Дорогу Лучьяну Смолозу!», «Мы с тобой, Лучьян!», «Лучьяна Освободителя — в Союз планет!».

Вернувшись домой из командировки, он наблюдал такие

шествия из окна. И был в растерянности, не знал, что теперь делать. Отказываться не хотелось: знал, что, если не оправдает их ожиданий, могут найтись фанатики, которые убьют его. Не может же он сидеть всё время в своём доме как в осаждённой крепости!

— Что мне теперь делать, Элизабет? — спросил Лучьян однажды, увидев проходивших мимо его дома людей с плакатами.

— Конечно, вступить в этот Союз! Вам представляется такая возможность! — ответила она.

— Какая возможность? Ты не представляешь, какое бремя ляжет на мои плечи! А я уже очень старый, мне давно пора на пенсию!

— Но никто не говорит, что вас выберут в Союз! Вы просто станьте кандидатом, чтобы ваши поклонники не роптали, а там видно будет. Можете потом уйти с поста по состоянию здоровья — скажете всем, что сердце больное.

— Слушай, а это идея! Пожалуй, так и сделаю. А потом выйду на пенсию.

Вскоре в газетах Общего Южного Государства появились портреты Лучьяна и статьи, в которых сообщалось о его согласии выдвинуться в кандидаты.

Партии, которые поддерживали Лучьяна, забрасывали города и другие селения листовками с призывом голосовать за него. И вскоре подавляющее большинство населения государства поддержало его. Если раньше он надеялся, что его опередит по голосам какой-нибудь другой кандидат, то теперь понял: ему суждено стать членом Союза.

Голосование длилось несколько дней. Двенадцать крупнейших кандидатов с волнением ожидали итогов. Текущие результаты показывали на графике по главным каналам телевидения. И было видно, что Лучьян — несомненно, победитель: уже в первый день за него проголосовало около двадцати процентов населения Солнечной системы, а к концу голосования он набрал девяносто, оставив в среднем лишь по одному проценту другим кандидатам.

«Теперь я не могу прикинуться больным, — думалось ему. — Народ возложил на меня такие надежды... Мне надо хотя бы постараться оправдать их».

И вскоре с Сатурна, из Леопальда, где проводились заседания Союза, пришёл приказ: Лучьяну Смолозу велено переселиться туда, ему будет предоставлено жильё.

За ним прислали с Сатурна специальный корабль, и он едва успел собрать вещи в дорогу и попрощаться с родными и близкими, как их с Элизабет забрали на чужую планету. В квартиру Лучьяна по его приглашению переселился Альберт.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЖИЗНЬ В ЛЕОПАЛЬДЕ. ВИНКУЛЯР

В Леопальде было около ста миллионов только зарегистрированных жителей, а уж сколько их проживало там на самом деле — неизвестно. Мегаполис быстро разрастался, поглощая маленькие городки, посёлки, сёла. Нашим героям, посетившим его центр, оказавшийся очень многолюдным, пришлось пробираться через толпы народа на улицах. У них захватывало дух, когда смотрели на возвышавшиеся повсюду небоскрёбы — правительственные здания, бизнес-центры, отели и так далее.

Лучьяну и Элизабет выделили четырёхкомнатную квартиру в одном из спальных районов города. Она состояла из двух спален с мягкими кроватями, зала с таким же мягким диваном и большим плазменным телевизором, рабочего кабинета с компьютером, кухни и раздельного санузла. Обои были ананасового цвета, на окнах висели жалюзи. В одной спальне, с двухместной кроватью, новые жильцы и поселились, а в другой, с маленькой кроваткой, Лучьян решил устроить детскую.

Постепенно они стали обживать, привыкать на новом месте. Сатурн был в целом более развитой планетой, чем Юпитер, хотя тот и не намного отставал.

Здесь во многие приборы, которыми пользовались жители, встраивали искусственный интеллект: например, пылесос мог сам, без участия хозяина, убрать квартиру, а утюг — погладить бельё; пароварка, получив задание, готовила комплексный обед для своего хозяина, а блендер — пюре, мусс и какой-нибудь напиток; холодильник мог предупредить о порче еды и напомнить о покупке новой порции продукта, который уже заканчивался; это уже не говоря о посудомоечных машинах, которыми здесь пользовались давным-давно. Лучьян и Элизабет первое время чуждались этих «умных» приборов, но потом привыкли к ним, стали общаться и контактировать с ними и даже воспринимать их как членов семьи. А в большинстве домов тут были ещё и роботы-прислуги.

Лучьян ознакомился со здешней виртуальной сетью — Общей Сетью Солнечной системы. Это был тот же Интернет, что и у нас сейчас; в то время он распространился в основном на Сатурне и его спутниках, уже начал проникать на Юпитер (хотя там уже была своя сеть), Уран, Нептун и их спутники. Он также состоял из многих тысяч сетей — правительственных,

научных, корпоративных и домашних. И услуги предоставлял те же: поисковые системы, социальные сети, блоги, различные форумы и чаты, словари и справочники, электронную почту, файлообменники, радио, телевидение и телефонию в Интернете, игры и так далее. Но по большей части использовался для ведения бизнеса — рекламы и реализации товаров и услуг, банковского дела, электронных платежей. Электронная связь между четырьмя планетами ещё не наладилась как следует из-за их дальности друг от друга, задача обеспечить её была возложена на Союз планет Солнечной системы.

Здесь, на Сатурне, жители уже могли путешествовать в виртуальном пространстве, для этого изобрели специальные костюмы, состоявшие из шлема, комбинезона, перчаток, ботинок и 3D-очков. Но в тот мир погружались пока немногие, в основном молодёжь — во время компьютерных игр. Освоение его было ещё впереди.

Учёные раздумывали над созданием общего Инфополя, в который поместят всю информацию о мире. Они разработали специальный электронный шлем для повышения уровня интеллекта у живых существ, и некоторых неразумных с его помощью удалось превратить в разумных. Также учёные думали над созданием витаминов, с приёмом которых в мозг человека вводятся определённые знания — наука, дисциплина или язык, — чтобы не тратить время на их изучение и чтобы они были совершенными.

В отличие от Грайюнкома, где жили в основном такие же люди, как Лучьян, в Леопальде обитали и птицеобразные разумные жители, и ящерообразные, и великаны, и карлики, и многие-многие другие. Прибывало много гостей из других городов и стран, много туристов с других планет. Движение в городе, особенно в центре, было очень плотным, и Лучьян с Элизабет ходили по его улицам с большой осторожностью, чтобы не столкнуться с кем-нибудь, не задавить кого-нибудь или самим не быть задавленными.

По улицам передвигались лишь пешеходы и лёгкий транспорт — велосипеды, моноциклы, самокаты и так далее. Автомобили были только воздушными и летали по специальным трассам на высоте пятисот метров над городом, парковались на крышах зданий или специальных стоянках. Там же, на трассах, стояли светофоры, постоянно наполняемые гелием, и работали полицейские-регулирующие на маленьких дирижаблях. Автомобильям позволялось развивать скорость до четырёхсот

километров в час в центре города и до восьмисот в остальных его районах, а вообще они могли разогнаться до двух тысяч восьмисот.

Общественным транспортом здесь служили скоростные электропоезда, ездившие по специальным тоннелям со скоростью до тысячи двухсот километров в час. В них редко наблюдались столпотворения и можно было перенестись через весь город всего за пятнадцать — двадцать минут. Появившись несколько десятков лет назад, этот вид транспорта изначально имел высокую цену за проезд, а теперь стал по карману даже самым небогатым жителям из пригородов.

В первые дни после приезда в Леопальд, пока Лучьян осваивался на новой работе и ещё не бывал на заседаниях Союза, они с Элизабет много гуляли по городу, смотрели достопримечательности, ходили в кино и театры, на выставки, делали покупки в торговых центрах. Лучьян купил себе и ей по миниатюрному смартфону, в Леопальде эта модель уже устарела, а в Грайюнкме такие только поступили в продажу.

Элизабет по рекомендации врача много бывала на свежем воздухе, гуляла в парке, каждый день делала гимнастику. Она часто общалась с малышом, ей казалось, что он в животе слышит её и всё-всё понимает. Будущая мама слушала красивую музыку и сама пела песни малютке.

Лучьян следил, чтобы Элизабет правильно питалась, не перегружала себя физическими упражнениями, хорошо спала. Доктор велел ей употреблять рыбу, яйца, молочные и кисломолочные продукты, каши. Он составил для неё строгий режим питания. Утром и после работы Лучьян проветривал квартиру. Элизабет признавалась ему, что иногда чувствует голод, хоть и ест хорошо, и он подкармливал её — покупал фрукты и ягоды, соки, молоко, творог, а позже, во второй половине беременности, ещё делал бутерброды.

Лучьян всё чаще, особенно когда у Элизабет уже появился живот, старался выбраться с ней на прогулку. Он выглядел довольным, рассказывал, что на новом месте его приняли хорошо, коллеги относятся к нему по-дружески, работает в высочайшем небоскрёбе на двести сорок седьмом этаже, в просторном кабинете, с современной техникой и всеми удобствами, на этаже есть столовая, где вкусно кормят, можно также заказать обед в кабинет. Но Элизабет замечала, что Лучьян иногда грустит, и понимала: он скучает по родне, по своему университету, преподавателям и студентам.

С «умными» приборами у будущей мамы оставалось много свободного времени. Она читала книги, журналы, смотрела телевизор, слушала музыку, общалась с другими беременными на форумах в Интернете. Лучьян время от времени брал её с собой в поездки на природу, которые устраивали его коллеги с семьями — они отдыхали в лесу, на берегу реки или моря.

Элизабет в положенное время посещала женскую консультацию, своего акушера-гинеколога, сдавала все нужные анализы и придерживалась рекомендаций врачей. На шестом месяце беременности стала ходить на курсы для будущих матерей, где узнала много полезного о питании и гимнастике, как вести себя во время первых схваток, как правильно дышать во время схваток и родов и так далее. Также её научили правильному уходу за новорождённым в первые месяцы его жизни — как кормить, пеленать, как правильно брать на руки, купать, делать ему массаж и развивающую гимнастику и так далее.

...Элизабет рожала в первый раз и очень боялась. Кричала от страха и боли, ей казалось, что умрёт, врачи ругались на неё. Но, к счастью, все прошло хорошо, она осталась жива, родился здоровенький мальчик. У него был золотистый пушок на голове, и он очень походил на Лучьяна.

Когда счастливого отца наконец пустили к матери и ребёнку, он не мог нарадоваться, но сына брать на руки не решался, боясь ему навредить. Элизабет сказала, что уже придумала имя для малыша — Виникуляр.

— Моего далёкого предка, одного из командиров в войне с алгольцами, звали Виникул, — поведала она. — Наша семья очень гордилась им, его подвигами. И я хочу назвать сына в его честь.

Лучьяну понравилось это имя. В переводе с ганакорского языка «Виникуляр» означало «потомок Виникула».

— Что ж, это прекрасно, — ответил он. — С появлением тебя на свет, наш дорогой Виникуляр!

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЛУЧЬЯН В СОЮЗЕ ПЛАНЕТ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Чем дольше пребывал Лучьян в Союзе планет Солнечной системы, тем меньше ему там нравилось. Он полагал, что каждый из сотни этих людей — самых главных в Солнечной системе — должен быть в высшей степени трудолюбивым, умным, ответственным, думающим прежде всего о благе всех её народов. Но члены Союза оказались далеко не такими...

На заседаниях обсуждались прежде всего финансовые вопросы, сводившиеся к тому, чтобы содрать с населения как можно больше денег. Политики придумывали и вводили новые налоги и штрафы, под разными предлогами увеличивали размеры прежних. Они обсуждали также колонизацию других планет — какие территории заселены, что на них выращивается, какие найдены полезные ископаемые и в каком объёме. На другие планеты посылали работать вахтовым методом за мизерную зарплату простой народ — людей без высшего образования, связавших жизнь с физическим трудом. В Союзе нашлись люди, которых по-настоящему волновали проблемы населения, но таких было всего несколько человек. В большинстве же своём там работали алчные, самолюбивые, равнодушные и ленивые типы, которых не волновало ничего, кроме собственного благополучия. Много времени уходило на обсуждение праздников и подарков — они любили погулять и напивались по любому поводу.

Лучьян приходил в ужас, видя это. Как такие люди могли встать во главе всей Солнечной системы? И что теперь ему самому делать? Дружить с ними и закрывать глаза на то, как они грабят всю Солнечную систему? Нет, конечно. Выступить против них? Но что это решит? Его прихлопнут как муху, и всё. И ладно бы, если бы он был один, но теперь у него семья, он не может рисковать ею... Так, мучаясь и переживая, Лучьян долгое время не знал, что ему предпринять...

Виникуляр рос быстро. Лучьян видел его редко и в основном спящим, так как и сам приходил домой только переночевать. Элизабет любила и жалела сына, но не всегда потакала его капризам, шалостям, могла и наказать мальчика.

В редкий день, когда Лучьяну давали выходной, Элизабет обязательно устраивала какую-нибудь совместную игру, творческое занятие, прогулку или повседневное дело, в котором участвовали все трое. Отец обожал купать малыша в ванночке — они играли в резиновые игрушки, веселились, смеялись, Виникуляр любил, когда ему тёрли спинку и пятки. Лучьян учил сына ходить. Видя, как мальчик всё увереннее шагает, он радовался и в то же время беспокоился — не упадёт ли, не ушибётся ли... Но сам улыбался ему, и тот чувствовал в нём опору и защиту. Родители учили малыша говорить, обучали словам, и он впитывал всё как губка...

Виникуляр в младенчестве был резвым, потом со временем становился всё спокойнее. Когда ему исполнился год, родители

заметили, что сыну уже нравится играть, смотреть телевизор или заниматься каким-нибудь делом в одиночестве.

Когда Виникуляру шёл четвёртый год, Элизабет стала жаловаться Лучьяну, что мальчик сделался «совершенно неуправляемым». Но отец знал, что им можно управлять, просто надо подружиться с ним. Малыш стал более самостоятельным, у него формировалось собственное мнение. Лучьян просил Элизабет вести себя с ним как со взрослым человеком — не требовать, а договариваться. Он объяснил, что надо уважать чувства и желания мальчика. И проследил, чтобы, помимо своей комнаты и вещей, у него появилась своя роль в семье и обязанности. Давал сыну небольшие и несложные поручения и показывал, что полностью доверяет ему. Виникуляр был доволен этим и чувствовал себя нужным, поэтому вновь стал слушаться родителей.

Живя работой и семьёй, Лучьян всё-таки изредка находил время на «Историю Солнечной системы». Хотя он поменял сферу деятельности, это важное поручение было в силе.

После трёх с половиной лет работы в Союзе ему наконец дали отпуск, и он, арендовав космический корабль, отправился на Землю — не только за материалами для учебника, но и прежде всего по личному желанию.

И за две недели облетел почти все материки, побывал в Сент-Огастине, Рио-де-Жанейро, Каире, Пекине, Иерусалиме, Константинополе, Афинах, Риме, Париже, Лондоне, Москве и других городах. Посещал библиотеки, беседовал с крупными учёными. В Москве он пробыл два дня. Остановился у своего старого знакомого Фёдора Никитича, главного воеводы при царском дворе. Узнал, что больной царь Фёдор Иванович умер. Детей у него не осталось, и на престол взошёл его шурин, боярин Борис Годунов. В народе Годунова не любили, говорили, что он виновен в смерти дочери и младшего брата Фёдора Ивановича, да и самому ему помог раньше уйти на тот свет. Но, когда Фёдор Никитич с Лучьяном присутствовали на коронации Годунова, тот сказал патриарху: «Бог свидетель, отче, в моём царстве не будет нищих и бедных». И, дёрнув ворот рубахи, добавил: «Последнюю рубашку разделю со всеми!» Он оставил у Лучьяна противоречивые впечатления. Старик чувствовал: ничего хорошего Россию не ждёт. С болью в душе ему пришлось покинуть планету...

Вскоре после возвращения Лучьяна в Леопальд ему пришло

письмо с Юпитера. Преподаватели Каллир-Кадена извещали его, что планета Нибиру была найдена и изучена астрономами в телескопы. Лучьян хотел и считал нужным посетить её. Но Элизабет, узнав о его намерениях, воспротивилась: зачем ему это нужно — лететь в такую даль, на неизвестную планету, где, может быть, и никакой жизни нет?

— Мне очень хочется побывать там, — сказал он ей. — Это родина бога Самсуна, которого люди считают моим отцом. Легендарная планета. И она ведь тоже из нашей Солнечной системы, про неё мне надо написать в учебнике. Не беспокойся, наши космические корабли очень быстрые, дорога туда и обратно не займёт много времени, да и там не задержусь.

Успокоив её, Лучьян стал готовиться к путешествию. Он хотел лететь на Юпитер, там собрать экспедицию и отбыть на Нибиру. Думал, что оставшегося времени отпуска должно ему хватить. И на другой день, попрощавшись с Элизабет и Винукуляром, поехал в космопорт.

По прибытии на Юпитер он прямоком отправился в Каллир-Каден. Как тепло его встретили профессора, преподаватели и студенты! Будто и не улетал никуда. Приветствия, рукопожатия, объятия, поцелуи длились, казалось, целую вечность. В честь прибытия Лучьяна устроили весёлый и шумный банкет.

На следующий день его привели на астрономический факультет, где преподаватели рассказали ему о планете Нибиру и показали её фотографии, сделанные со спутников. Она превосходила по величине Юпитер, имела тёмно-красный цвет — большую часть поверхности занимали пустыни из красной глины и горы. Хотя планета находилась далеко от всех звёзд, на ней было очень тепло благодаря огромному ядру и многим действующим вулканам. Её жители, аннунаки, являлись потомками рептилий. По старинным преданиям, не раз посещали Землю и оставили там потомство — мутантов (погибших во время Великого Потопа), неандертальцев (вымерших) и нефилимов. Они начали проводить биологические опыты над людьми, скрещивая их с животными, но бог Самсун изгнал пришельцев с Земли на свою планету и больше не позволял им трогать людей.

На астрономическом факультете работал старый друг Лучьяна Эл Книльхт. Их неожиданная встреча стала приятным сюрпризом для обоих. Они долго рассказывали друг другу о своей жизни. Эл жил один, очень давно овдовел, но у него было много потомков и других родственников. Он много времени проводил на работе, летал на Сатурн, Уран и Нептун читать лекции по астрономии. Его теперь тоже очень заинтересовала

Нибиру. И, когда Лучьян рассказал ему о своих планах, Эл решил лететь с ним на эту планету.

Они собрали в экспедицию небольшую группу: с ними летел правнук Лучьяна Альберт, ассистент Эла Макистум и два пилота. Арендовав космический корабль, запаслись всем необходимым и без замедления отправились на далёкую таинственную планету.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. НАШЕСТВИЕ ГУННОВ

Лесмян, державший связь с Лучьяном через радио, сообщал о нём Элизабет по Общей Сети. Корабль взял курс на планету Нибиру и благополучно вылетел за пределы орбиты Плутона. Через несколько часов Лучьян сообщил, что судно подлетает к планете и пилоты готовятся к посадке. После этого связь оборвалась. Лесмян пытался её наладить, но безуспешно. От беспокойства сердце выскочивало у него из груди. А Элизабет по Сети забрасывала его вопросами, и он не знал, что ей ответить.

Чувствуя неладное, она просила Лесмяна сообщить ей, даже если случится трагедия. Но тот по-прежнему молчал. Элизабет не знала, что и думать. Почему он не отвечает ей? Потерял связь с братом? Боится расстроить её? Или с ним самим что-то случилось?

Вскоре один страх сменился другим, гораздо более сильным. По телевизору в экстренном выпуске новостей сообщили, что к Сатурну приближаются миллионы космических кораблей с неизвестными пришельцами — скорее всего, космическими пиратами. Ранее войска из других звёздных систем уже нападали на Солнечную систему. Больше пяти веков назад сюда прилетали космокорсары, стали захватывать все планеты по порядку, начиная с Плутона, но войска Сатурна разгромили их и взяли в плен. Через два века систему вновь пытались захватить космические пираты, но их нападение отбили с помощью войск Альфы Центавры. Почти три века назад страшные завоеватели — алгольцы — добрались до Плутона, но их разбили объединённые космические войска Солнечной системы в долгой, ужасной войне. А эти пришельцы подобрались сразу к Сатурну, и заметили их слишком поздно. Кто они? Насколько опасны? Что теперь будет?..

Следом пришло ещё одно жуткое известие: эти пришельцы, внешне похожие на рептилий, при подлёте к газовому гиганту разбомбили орбитальные станции, уничтожили военные корабли с Сатурна, вылетевшие им навстречу, и заняли большинство его спутников, большая их часть двинулась

дальше, к самой планете. Они летели бесконечно длинной вереницей. Позже выяснилось, что их было около восьмидесяти миллионов и в каждом — по несколько десятков воинов.

Элизабет ужаснулась: что теперь будет с сыном, с ней? Пришельцы всё разнесут, их раздавят как клопов! Взяв Виникуляра на руки, она выбежала на улицу. Там была самая настоящая паника: все бежали, спешили куда-то, беспокойно переговариваясь, несли и везли в тележках вещи, грузили их в автомобили и улетали.

— Скоро враги прилетят сюда, — сказала соседка. — Говорят, они первым делом хотят взять Леопальд — крупнейший и главный город Солнечной системы.

Элизабет стала звонить коллегам Лучьяна, надеясь, что кто-нибудь заберёт её с сыном в эвакуацию, но ей никто не отвечал.

Космических пришельцев звали гуннами — созвучно одному из древних народов нашей планеты. Они заняли соседний материк, в основном города на берегах морей и рек. А Леопальд не нашли, даже разведка оказалась бессильна. Жители смогли спрятать от них этот гигантский город. Лётчики с самолётов распылили над ним неопасное вещество — кальцион, и мегаполис погрузился в огромное облако. Власти запретили жителям выходить из домов без крайней надобности, велели закрыть все окна шторами и жалюзи, чтобы свет не проникал наружу; всё освещение выключили. Иногда было слышно гудение кораблей гуннов в небе, но, видимо, они не заметили города в плотной дымке. Некоторые покинули город, многие временно переселились в электропоезда, не работавшие в эти дни, или ушли в бомбоубежища. Элизабет, страдавшая клаустрофобией, не хотела идти в подземный бункер, боясь, что они с Виникуляром погибнут под завалами при бомбардировке. Все соседи ушли в бомбоубежище, а мать с сыном остались дома.

В городе стояла небывалая тишина, нарушаемая лишь далёким гулом кораблей. Элизабет казалось, что вот-вот в небе появятся мириады вражеских кораблей и уничтожат город... От волнения она не могла ни есть, ни спать. И не знала, что ей делать дальше. От отчаяния заглянула в записную книжку Лучьяна и нашла там имена ещё каких-то незнакомых людей. Решила на всякий случай позвонить и им — вдруг они живут в Леопальде и смогут помочь им с сыном уехать. Единственным, кому она дозвонилась, был член Союза Бруно Гвиналь. Он и двое коллег с семьями как раз собирались улететь из города на большом вертолёте. Бруно узнал адрес Элизабет, велел ей собрать вещи

в дорогу и сказал, что скоро прилетит за ней. Она едва успела сложить в сумку всё самое нужное, как возле её дома, громко гудя, на площадку сел большой тёмно-зелёный вертолёт.

...Они летели на нём несколько тысяч километров над лесами, горами, морем, потом сели на морской берег. Оттуда их на подводной лодке переправили в город на дне моря, являвшийся огромным бомбоубежищем.

Там, под гигантским стеклянным куполом, было уже больше миллиона жителей. Здесь обустроили всё как в настоящем городе: жилые комплексы, бизнес-центры, торговые центры, парки и многое другое. Наши путники поселились в небольшой гостинице. Теперь они почувствовали себя в безопасности...

Элизабет подружилась с коллегами Лучьяна — Бруно Гвиналем, Вайсом Дагором и Джулианом Кирсалем — и их семьями. Бруно и Джулиан были женаты, первый — с тремя детьми, второго — с двумя. Вайс был холост, он эвакуировался с двумя маленькими племянниками, сыновьями умершей сестры, которых растил. Виникуляр подружился с ними, они со взрослыми любили ходить в парк, где дети играли, а Элизабет и Вайс, сидя на скамейке, беседовали о чём-нибудь. Она чувствовала, что новый знакомый равнодушен к ней. Пыталась гнать от себя эти мысли, но потом поняла, что он и сам нравится ей всё больше и больше...

Лесмян на своём корабле с пилотом летел на Сатурн. Он хотел навестить Элизабет, отвлечь её от тревожных мыслей, помочь с некоторыми делами, например устроить Виникулера в детский сад при Общем Правительстве Сатурна, куда его ещё не взяли.

Подлетая к Сатурну, Лесмян с пилотом заметили орбитальную станцию, которая была сильно покорёжена. Они пролетели ещё чуть-чуть и увидели другую станцию, тоже разбитую. Лесмян велел приблизиться к ней, и они сели на платформу.

Несмотря на случившуюся катастрофу, на станции сохранилась гравитация для людей. Лесмян проник внутрь и увидел двух космонавтов, погибших от бомбы, и третьего, раненого, но живого. Перетащил его на корабль и вместе с пилотом перевязал ему раны. От него они узнали о трагедии, случившейся здесь совсем недавно.

— Это устроили неизвестные нам пришельцы из другой системы, — рассказал он. — Их было очень много. Они разбомбили станцию и двинулись к планете. Космические войска с Сатурна пытались их остановить, но были разбиты.

Я видел через иллюминатор корабли противника, которые летели вереницей несколько часов, мне казалось, они никогда не закончатся...

Выслушав его, Лесмян приказал пилоту поворачивать назад, к Юпитеру. Корабль стремительно рванул обратно. Лесмян едва держал себя в руках, волнуясь за Элизабет и Виникуляра. Приблизившись к своей планете, он велел пилоту сесть на Ганимед и оттуда по радиотелефону связался с военной частью Ганакоры, где у него были знакомые. И, назвавшись, сообщил командованию всё, что увидел на станции и узнал от космонавта. Его поблагодарили его за сведения и сказали, что оповестят об этом космические войска Общего Южного Государства и в короткое время будут приняты необходимые меры.

Медленно тянулись минуты, часы. Лесмян ждал чего-то, сам не зная чего. Пилот оглядывал космос в телескоп. И вот, когда Лесмян уже задремал, пилот позвал его и дал ему посмотреть в трубу. И тот увидел огромный рой кораблей, появившихся из газовой оболочки Юпитера и двигавшихся в сторону Сатурна. Потом появился ещё один такой рой, потом — ещё и ещё... Они появлялись и улетали в направлении Сатурна в течение двух часов. Как позднее узнал Лесмян, их было около полутора миллиардов и в каждом — по несколько десятков бойцов.

Войска с Юпитера всего за несколько дней освободили Сатурн и его спутники, которые успели захватить гунны, частично уничтожив население и большую часть его взяв в плен. На допросах захватчики рассказали, что они — космические бродяги, у них нет своей планеты, хотя их очень-очень много — несколько триллионов; они летают в космосе, прицепившись к кометам, временно останавливаясь на астероидах. В Солнечную систему их послал Гасан Великий, хорошо заплатив и снабдив новейшими кораблями и оружием. Хотя после разгрома алгольцев прошло два с половиной века, он был всё ещё зол на непобеждённую систему и решил теперь испытать её на прочность. Но его планы вновь потерпели крах. Гуннов оставили на Сатурне, отобрав у них корабли и оружие; они теперь жили и работали здесь как мирные существа и оказались весьма безобидными.

Лесмян прилетел туда вслед за юпитерианскими войсками, когда ещё только началось освобождение от захватчиков. Дымка над Леопальдом пока не рассеялась, но он отыскал город. Элизабет и Виникуляра не оказалось дома, соседи не знали, куда они делась. Но вскоре мать с сыном прибыли сами, узнав из новостей, что юпитериане освободили Сатурн

от захватчиков.

Когда война закончилась и жизнь в городе вошла в свою колею, Лесмян устроил Виникуляра в тот самый элитный детский сад. Он был обеспокоен близкой дружбой Элизабет с коллегой Лучьяна Вайсом, но ничего ей не говорил.

Ему довелось общаться с пленёнными гуннами — зелёными коротышками, похожими на ящериц, и даже выучить их язык. Один гунн по имени Фрогг рассказал ему предание своего народа о сотворении мира, и Лесмяну оно показалось очень интересным, и он однажды пересказал его Виникуляру — тот любил слушать сказки перед сном.

...Когда-то мир был пуст, без звёзд, планет и астероидов, с одной только безграничной темнотой. И из неё появилась лампа, а из лампы — дух Фамус с посохом в руках. Сначала он ткнул себя посохом в глаза, и оттуда вылетели искры, которые стали звёздами. Затем, сконцентрировав весь жар в своих руках, дух начал печь в них тесто; оно распалось на маленькие кусочки и разлетелось в разные стороны — так получились астероиды. После Фамус пожарил много колобков и разбросал по космическому пространству — они стали планетами. И напоследок создал гуннов. И они до сих пор не могли найти для себя благоприятную планету: на одной им было жарко, на другой — холодно, на третьей не подходила атмосфера и так далее.

Сотворив гуннов, Фамус выдернул из своей бороды волосок, дунул на него, и тот превратился в женщину, на которой создатель женился и назвал её Фелицатой. У них родилось двое сыновей — Джинн и Хоттаб. Джинн приносил гуннам счастье, охранял их и исполнял желания. А Хоттаб насылал неприятности, бедствия, войны. Два брата символизировали добро и зло.

Когда они выросли и возмужали, между ними разразилась борьба. Джинн боролся за установление во всём мире добра, а Хоттаб — за распространение зла. Джинн срывал с неба звёзды и бросал их в Хоттаба, а тот кидал в него планеты. Когда братья уничтожили все небесные тела, кругом воцарился тот же мрак, что и был до сотворения мира. В темноте Джинн низверг Хоттаба в бездну.

Фамус вновь сотворил звёзды и планеты, назначив Джинна своим преемником. У того были два сына — Абу и Аггей, и он воспитал обоих в доброте и справедливости, чтобы и они сеяли добро среди своих потомков, среди народов Вселенной.

Гунны старались подчиняться Джинну и жить в мире и согласии с другими народами. Но они совершали ошибки, и по поводу грабительского вторжения в Солнечную систему Фрогг говорил, что это Хоттаб сбил их с толку, иначе и быть не может...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ НИБИРУ

Нибиру действительно оказалась огромной, тёмно-красного цвета, с такими большими вулканами, что они были видны из космоса. Лучьян и его спутники долго рассматривали планету из иллюминаторов, а корабль тем временем приблизился к ней, вошёл в её атмосферу и стал летать над поверхностью, понемногу снижаясь. Внизу пронеслись цепи гор, пустыни, путники разглядели даже что-то зелёное — неужели и здесь есть растительность?

Они ещё не успели дать пилотам команду о посадке, когда судно вдруг со страшным грохотом столкнулось с чем-то огромным. Кабина с пилотами была разбита, они погибли, и корабль по инерции понесло дальше. Приготовленные к такой ситуации, Эл, Альберт, Макистум и Лучьян по очереди катапультировались вместе с креслами. Лучьян, вылетевший последним, услышал громкий хлопок вверху и почувствовал, что стал намного тяжелее — это раскрылся парашют. Отделилось и улетело вниз кресло. В те же секунды вдалеке грянул взрыв — упал их корабль.

Лучьян медленно и плавно опускался вниз, выглядывая вдалеке парашюты своих спутников. Но их почему-то не было. На этой планете тоже всегда стояли сумерки, как и на Юпитере, Сатурне. Вынув изо рта кислородную трубку, Лучьян с удивлением понял, что по-прежнему дышит! Значит, и здесь есть кислород? Но откуда?

Через несколько минут он разглядел внизу что-то зеленоватое. Неужели здесь тоже есть леса? Но живёт ли тут кто-нибудь, хотя бы неразумные существа?

Лучьяна стало относить ветром в сторону вулкана, из которого густым светящимся потоком вытекала лава. «Эй, эй, не туда! — с испугом думал он. — Разве я для того летел сюда семьдесят миллиардов километров, чтобы вот так быть сваренным заживо?..» Чем ближе к вулкану подлетал, тем больше сжималось сердце. Но, к счастью, ветер отнёс его немного дальше и он совершил посадку возле той горы; за ней до самого горизонта простирался лес.

Первое время, сбросив парашют, Лучьян чувствовал только

облегчение и радость оттого, что сел удачно. Он прошёлся туда-сюда по тёмно-красной равнине, чтобы размяться. И вскоре его стали одолевать тревожные мысли: «Я не видел ни одного парашютиста, когда летел. Где же мои друзья? Неужели их отнесло ветром так далеко?..»

Путники взяли с собой не так много запасов еды, питья и кислорода, полагая, что пробудут на этой планете совсем недолго и благополучно улетят домой. Они катапультировались с корабля с этими запасами в рюкзаках. И теперь Лучьян думал, что же будет, если он не найдёт друзей и планета окажется необитаемой. Он не верил в голодную смерть, понимая, что, раз здесь есть лес, будет и еда. Боялся, что может остаться на этой планете навсегда, но всё же надеялся, что когда-нибудь Лесмян, или друзья, или коллеги прилетят сюда за ним...

Несколько дней, если считать по нашему времени, ходил он по лесу с зелёными и голубыми деревьями и вдруг наткнулся на тело человека. Оно было в крови и уже начало разлагаться. Лучьян узнал своего друга Эла и едва не лишился чувств. Он понял, что тот погиб от падения с высоты, значит, парашют не раскрылся... У Лучьяна был старый юпитерианский парашют, а у его спутников — новые, с Сатурна. Неужели и у других оказались бракованные?.. Ему не хотелось думать об этом. Он ножом раскопал могилу в мягкой глине и похоронил своего друга. Потом отправился дальше.

...Лучьян шёл и шёл наугад, потеряв счёт времени. Продирался через густые чащи, в некоторых местах из-за болот и кишевших змей лез по ветвям деревьев, сплетённым между собой. Несколько раз видел существ, похожих на бородавочников. Разглядел вдалеке животных, похожих на маленьких обезьян. Попадались ему и странные существа, похожие на кошек, бросавшиеся репьями из укрытий. Уничтожив все свои продовольственные запасы, он стал питаться зеленью и пить грунтовую воду, к которой раскапывал ходы ножом. Спал в дуплах деревьев.

Его путь был очень долг — несколько наших месяцев. Он уже перестал надеяться выбраться из леса, как вдруг однажды... услышал вдалеке шум воды! И, бросившись вперёд, выбежал к высокому водопаду. Вода лилась со скалы небольшим потоком. Обрадовавшись, Лучьян сбросил с себя одежду и вволю искупался, помылся под тёплыми струями.

Потом он оделся и пошёл вдоль скал, увидел пещеру и заглянул в неё. Походил по её коридорам, украшенным сталактитами и сталагмитами, и, как это бывает с путниками, заблудился.

Долго петлял по коридорам, включил фонарик, но никак не мог найти выход. Утомившись, присел в одном коридорчике, прислонился к стене и задремал.

Ему снилось, что он вновь выпрыгнул с корабля, потерпевшего крушение, и летит вниз с огромной скоростью. Планета приближается, а раскрыть парашют никак не удаётся! Дёргает за кольцо что есть силы — и безуспешно! А Нибиру уже совсем рядом! И от сильного удара о поверхность он очнулся с криком. Тут же откуда-то выпорхнула и исчезла стая летучих мышей. Сердце у Лучьяна вырывалось из груди...

Путник двинулся в одном направлении и где-то через трое суток нашёл выход из пещеры. К тому времени так проголодался, что готов был есть зелень вместе с ветками, даже кору деревьев. Поэтому, найдя поляну с вкусными лиловыми ягодами, съел много их и даже прихватил ещё с собой.

Вскоре он вышел к стенами старого, заброшенного города. Многие здания его были разрушены — здесь явно случилась война или какое-нибудь стихийное бедствие. На улицах стояло много статуй богов или людей, и большинство их тоже обвалилось. Лучьян не встретил ни одного разумного существа, по улицам бегали крысы и ящерицы, ползали змеи.

И вдруг он увидел, что статуи начали двигаться и заговорили между собой. И решил, что это, должно быть, сон. Но в следующие же мгновения его с силой вытошнило. Ягоды оказались галлюциногенными. И те, что взял с собой, он тут же выбросил.

Лучьян временно расположился в одном относительно уцелевшем доме, там принял ванну, отдохнул на мягкой кровати. Он был счастлив: раз есть этот город, значит, обитают на планете разумные жители! Недаром взял с собой статуэтку и портрет бога Самсуна, которого, по преданиям, на Нибиру очень любят, а Лучьян назовётся его посланником.

И вдруг случилось страшное: земля задрожала, и дом сильно накренился, стены стали обваливаться. Лучьяна накрыло обвалившейся стеной, сильно ушибло, и он на какое-то время потерял сознание. Потом, очнувшись, вылез в окно и ушёл. Сразу же покинул город, поняв, почему здесь никто не живёт — по какой-то причине участились землетрясения.

Пройдя несколько километров, он вышел на берег океана. Вода тут была сине-зелёного цвета и на вкус горько-солёная. Лучьян ещё несколько десятков километров двигался вдоль побережья, высматривая поселения, но на пути виднелись только пески и скалы.

Отдохнув и поспав на берегу, путник отправился дальше. Пройдя немного, увидел вдали стену какого-то города. Направился к ней и беспрепятственно вошёл внутрь через открытые ворота. Узкие, тесные улочки были пусты, пройдясь по ним, Лучьян не встретил ни одного жителя. «Неужели и этот город все покинули? — в отчаянии подумал он. — Когда же я встречу разумных жителей?» И, найдя выход из города, продолжил путь в том же направлении, что и раньше.

Через два-три десятка километров Лучьян набрёл ещё на один городишко под горой, маленький и со старыми домами, и здесь всё было разбито, разрушено. Увидев засохшую серую «реку», спускавшуюся с горы, под которую попало много домов, он понял, что произошло извержение вулкана. Отдохнув немного на камне возле руин какого-то здания, отправился дальше.

Когда он выходил из города, его кто-то громко окликнул. Подняв голову, Лучьян увидел на склоне горы несколько тёмных силуэтов. Это и были разумные жители планеты...

Аборигены, встретившиеся Лучьяну, очень походили на людей, отличались только высоким ростом (два с половиной — три метра), белой кожей, продолговатым лицом и отсутствием ушных раковин. Говорили громко, отрывисто.

Гостя обыскали вооружённые люди; найдя у него статуэтку и изображение бога Самсуна, они очень оживились и стали на своём языке о чём-то допытываться. Лучьян как мог объяснил им жестами, что прибыл с далёкой планеты, что пишет книгу о Солнечной системе и прилетел сюда за сведениями для неё. Но жителей, как стало понятно, больше интересовал Самсун, и путник поведал, что этого бога когда-то почитали на его планете. И аборигены, как он заметил, стали обращаться с ним очень учтиво, как с королём или вельможей. Позже ему стало известно, что один город, через который он проходил, действительно пострадал от землетрясения, из другого жители ушли из-за угрозы цунами, а третий погиб под лавой и успевшие спастись жители вернулись сюда за вещами.

С того дня у Лучьяна началась беспокойная и непонятная жизнь. Его возили на разном транспорте, напоминавшем автомобили и повозки, по городам, он посетил дома самых важных особ, а затем — и у правителей стран. На Нибиру было несколько тысяч государств. Здесь жило большое количество различных рас — гуманоиды, рептилоиды, андроиды, инсептиланы, человекоподобные обезьяны и многие другие.

Научившись понимать языки рас, у которых подолгу гостил, он осознал, что здесь его тоже считают сыном Самсуна; один правитель рассказал ему, что, по преданию, этот бог говорил, что когда-нибудь его сын прибудет на эту планету и станет её верховным правителем. Лучьян поражался тому, что разные правители, которых он посещал, сразу же объявляли себя его подданными, клялись ему в верности и вручали какие-то грамоты, документы на своём языке в подтверждение этому. В честь него в их дворцах было устроено огромное количество праздников и пиров.

Лучьян собрал много полезной и интересной информации о Нибиру для своего учебника. Один правитель рассказал ему, что первые жители планеты были в два раза выше современных и назывались нефилимами. Они добывали золото и распыляли его в озоновом слое, чтобы оно, как зеркало, отражало свет и тепло обратно на планету. Но золото закончилось, и нефилимы полетели за ним на другие планеты Солнечной системы. Добывали его там из водоёмов, прорубали шахты. После сто — сто пятьдесят тысяч лет работы им надоел каторжный труд, и они создали для этих целей людей. Те получились у них не сразу — было несколько «пробных» копий, которые в итоге вымерли, прежде чем появился совершенный вид человека. Люди занимались добычей золота до тех пор, пока за них не вступился бог Самсун. Он запретил нефилимам использовать их и пообещал, что сам будет оберегать планету от катастрофы и поддерживать на ней тепло. На Нибиру начали один за другим извергаться вулканы и стало тепло. Здесь тоже было «солнце», только оно находилось внутри планеты. Самсуна жители очень любили и называли благодетелем, миротворцем.

Так, в поездках и визитах, Лучьян провёл, по нашим меркам, около года. Когда он гостил у одного из самых влиятельных правителей планеты, ему принесли грамоту от всех народов Нибиру с клятвой в подчинении ему и верности; на ней была печать — символ планеты: диск с крыльями. И подарили Кольцо Любящего Сердца с драгоценным камнем, по преданию, принадлежавшее Самсуну. Тот берёт его для женщины, которую по-настоящему полюбит. У него было много жён, наложниц и любовниц, но по-настоящему он полюбил лишь античную богиню Афродиту. Однако она не ответила ему взаимностью и не приняла это кольцо. И Самсун сберёт его для сына, чтобы тот вручил своей любимой женщине. «Если у меня получится вернуться домой — подарю кольцо Элизабет и заодно сделаю ей предложение, — подумал Лучьян. — Нашему сыну уже где-то пять лет, а мы до сих пор не женаты...» Он выступил по радио, поблагодарил всех жителей планеты за признание

и гостеприимство и сказал, что очень любит их. В честь него во всех странах долго ещё устраивались праздники.

Однажды Лучьяну сообщили, что к нему прибыли гости, и он вышел из своих покоев. В коридоре его ждали Лесмян, Максимилиан, Бруно Гвиналь, Вайс Дагор и Джулиан Кирсаль. Старик не поверил своим глазам... Он бросился к ним и долго обнимал и целовал брата и друзей. Потом рассказал им о своих приключениях, расспросил об Элизабет и Виникуляре. Друзья уверили, что с ними всё в порядке, живы-здоровы, но Лучьян чувствовал, что ему что-то недоговаривают.

Узнав о его пропавших без вести спутниках, правитель отправил экспедицию в ту местность, где они высадились. Были найдены обломки корабля и тела двух пилотов, а также Альберта и Макистума, у которых не раскрылись парашюты. Их решили доставить на Юпитер и захоронить, вместе с телом Эла, которого снова откопали.

Лучьяну было тяжело не только от смерти верных спутников, но и от прощания с жителями Нибиру, которых он успел сильно полюбить. Правитель устроил в его честь прощальный ужин. А после гости Нибиру, отдохнув и простившись со всеми, сели на корабль и отбыли на Юпитер.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. РАЗРЫВ

Прибыв на родную планету, Лучьян вместе с братом и коллегами занялся похоронами погибших. Он сильно горевал и не отходил от гроба своего любимого правнука Альберта. Покойных обмыли, отпели в церкви и при большом стечении народа предали земле на одном из кладбищ Грайюнкома.

На поминках Лучьян узнал от преподавателей Каллир-Кадена о нашествии гуннов и обо всём их подробно расспросил.

— Почему же вы мне об этом не сообщили? — спросил он Лесмяна и коллег.

— Ребята хотели рассказать тебе об этом дома, в Леопальде, — ответил Лесмян. — Твои родные остались живы и невредимы, но всё же случилось кое-что неприятное для тебя... У вас с Элизабет будет серьёзный разговор.

Лучьян не изменился в лице, только опустил голову, готовый безропотно выслушать всё, что она ему скажет.

После поминок он сразу полетел в Леопальд. И, когда появился дома, Виникуляр с радостным криком бросился к нему и они обнялись. Мальчик заметно вырос и окреп со времени их расставания. Затем Лучьян обнял Элизабет.

— Лесмян сказал, что у тебя ко мне есть разговор...

Оба присели на диван, и она сразу обо всём ему рассказала. Что любит его коллегу Вайса и собирается за него замуж.

— Он был со мной и Виникуляром в самое трудное время. А ты улетел на какую-то далёкую, чужую планету... Тебя, который должен оберегать семью, не было рядом в такое опасное время...

— Но я летал не на курорт. Мне тоже довелось пережить много опасностей. А посетить Нибиру было необходимо по долгу службы. Два с половиной века в нашу Солнечную систему никто не вторгался, мне и в голову не могло прийти, что сюда прилетят какие-то гунны...

Лучьян расспросил её, как они с сыном жили всё это время, где были во время нашествия. Потом рассказал о своём путешествии на Нибиру.

— Я хотел сделать тебе предложение. Но, как видно, не судьба... Значит, ты будешь жить у Вайса?

— Да, мы с Виникуляром уже приготовились к переезду.

— Нет, сын останется со мной!

— Но как же он будет без матери... Вайс растит двух маленьких племянников, Виникуляру будет хорошо с ними вместе...

— Ничего, вы ещё родите детей. А Виникуляра оставь со мной.

Элизабет не послушала Лучьяна и обратилась в суд. Но там, рассмотрев дело, оставили мальчика с отцом. В той стране при разводе ребёнка оставляли у папы, если условия проживания были лучше, чем у мамы. Однако Элизабет позволено было видеться с сыном в любое время. Вскоре она переехала к Вайсу.

Возлюбленные поженились. На свадьбе собралось около четырёхсот человек — родственники, друзья, коллеги Вайса, в том числе почти все члены Союза со своими семьями. Жених и невеста были в великолепных нарядах, гости тоже отлично приоделись, Лучьян с Виникуляром надели узорчатые костюмы. Гости ели, пили, всех развлекал тамада, а потом устроили танцы. Лучьян не держал обиды, зла на Элизабет и Вайса, он искренне желал им счастья.

После этого праздника в Леопальд прилетел Лесмян, который по инициативе брата и всего Союза он был удостоен звания Героя Солнечной системы за то, что своевременно сообщил юпитерианским космическим войскам о вторжении гуннов на Сатурн. Орден и документы о награждении ему вручил

Лучьян в колонном зале в присутствии более шести тысяч жителей.

Лучьян написал повесть «Нибиру» о своём путешествии на далёкую планету и издал её тиражом в сто тысяч экземпляров. Но она завоевала такую популярность у читателей, что тираж пришлось увеличивать в десятки раз. Также автор создал в своём учебнике раздел о Нибиру, куда внёс много ценных сведений о ней.

Он восстановился в Союзе планет Солнечной системы. Уход Элизабет от Лучьяна к Вайсу никак не повлиял на отношения между мужчинами. Они по-прежнему были добрыми друзьями и работали вместе, и их волновали одни и те же проблемы. Хотя нашествие гуннов было делом давно минувшим, Лучьян часто вспоминал о нём. Всё-таки как же могло случиться, что пришельцы из дальнего космоса, коротышки, менее развитые, чем люди, сумели добраться до Сатурна и их никто не остановил... Да ещё захватили планету, разгромив космические войска сатурниан, которые некогда были самыми сильными в Солнечной системе... Он знал, что гуннов подослал Гасан Великий. И чувствовал страх при упоминании этого имени, хотя когда-то победил его... И боялся, что армия алгольцев вновь разрослась и представляет для его системы большую угрозу. Он неоднократно говорил об этом на заседаниях, но его мало кто слушал: члены Союза были на редкость беспечными людьми, довольствовались тем, что всё обошлось после нападения гуннов, не задумываясь о том, что такое может повториться.

Лучьян с Бруно, Вайсом и Джулианом подготовили несколько законопроектов, касавшихся защиты Солнечной системы от пришельцев, создания надёжной разведки по всей системе и укрепления космических войск на её планетах. Но члены Союза после рассмотрения этих документов отложили их на потом, сказав, что есть более важные дела. «Какие более важные? — с возмущением подумал Лучьян. — Грабить население?»

Ему хотелось выйти из Союза и улететь обратно на Юпитер, вновь устроиться на работу в родной Каллир-Каден. Но он уже не мог этого сделать: нельзя было взять с собой Виникуляра и отлучить его от матери, да и сам Лучьян не оставил бы сына. И своих троих друзей не мог оставить среди других членов Союза — этих акул, стремившихся отхватить с населения кусок пожирнее...

Он понял, что никаких полезных для народов реформ ему здесь не дадут провести. И решил хотя бы не идти против

своей совести, не поддерживать никаких грабительских законопроектов.

Лучьян потерял интерес к политической деятельности и большее внимание обратил на воспитание сына...

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПРЕЗИДЕНТ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Быть президентом целой звёздной системы — это не только признание и слава, но и колоссальная ответственность...

Тяжкое бремя легло на плечи нашего героя. Народы Солнечной системы, знавшие и любившие Лучьяна, захотели видеть его своим правителем, в надежде, что он улучшит их жизнь. И они не ошиблись: ответная любовь Президента к ним, забота и справедливость сделали своё дело. То время, в которое Лучьян управлял Солнечной системой (1620 — 1640 гг.), заслуженно называют её «золотым веком». Небывалое развитие экономики, техники, науки и образования, культуры и искусства, средств массовой информации — всё это улучшило жизнь обитателей планет. Медицина резко продвинулась вперёд, побеждая болезни и спасая множество жизней. Безработица и бедность ушли в прошлое: каждый житель был достойно обеспечен. Из-за демографических взрывов резко увеличилось население Солнечной системы. Природа на каждой планете стала тщательно оберегаться.

За многие полезные реформы и свершения Лучьяна Смолоза, единственного за всю историю Президента Солнечной системы, прозвали «отцом» её народов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЕРЕВОРОТ

Учебник «История Солнечной системы» Лучьян писал и редактировал ещё около десяти лет. За это время он побывал на остальных планетах Солнечной системы — Марсе, родном Юпитере, Уране, Нептуне, Плутоне, на их спутниках, карликовых планетах и астероидах. Над учебником работал очень скрупулёзно, тщательно изучал и выверял каждый факт. У него получилось несколько десятков рукописей. Их корректировали, верстали и печатали больше года. Учебник был издан одним толстейшим синим томом объёмом в шесть тысяч страниц, тиражом в несколько миллиардов экземпляров. И позже переведён на сотни языков планет-гигантов. Когда он появился в библиотеках и книжных магазинах Солнечной системы, автора пригласили в Грайюнкм.

Там, в стенах родного Каллир-Кадена, в присутствии профессоров, преподавателей, учащихся и гостей вуза, Лучьян был награждён медалью за огромный вклад в историю Солнечной системы. Каллир-Каден стал называться его именем, и в его честь учредили высший орден вуза, который вместе с дипломом выдавался отличникам. На ордене Лучьян был изображён молодым выпускником в академической шапочке.

После череды мероприятий и праздников, посвящённых награждению, он вернулся на Сатурн. Ему пора было готовить сына к поступлению в университет.

Виникуляр вырос высоким, крепким и немного полноватым; он рыжими волосами и зелёными глазами очень напоминал самого Лучьяна в юности. Сын имел спокойный характер и во всём слушался отца. Учёба в школе была ему интересна, хотя некоторые предметы давались с трудом.

О матери Виникуляр вспоминал редко и не хотел видеться с ней. У Элизабет и Вайса родилось трое детей: две дочери и сын. Лучьян по-прежнему крепко дружил с Вайсом и иногда бывал у него в гостях. Он не хотел, чтобы мать и сын отчуждались друг от друга, но ничего не мог поделать...

Виникуляр увлекался историей и собирался поступать в исторический университет. Лучьян занимался с ним дома и хорошо подготовил сына к поступлению. Очень помог юноше и учебник отца — один из вступительных экзаменов был посвящён новейшей истории Солнечной системы, и он хорошо изучил этот раздел. Успешно сдал экзамены и поступил в вуз. Его пришли поздравить Элизабет и Вайс, и парень хорошо общался с ними и даже выпил с Вайсом на брудершафт. Отец был доволен этим и безмерно рад успеху сына.

Дальние потомки Лучьяна жили своей жизнью, многие даже не знали, что он — их предок. Но с некоторыми семействами старик всё же переписывался. На Юпитере, в стране Кристалании, жили их с Лесмяном потомки. В нескольких других странах были рассеяны потомки его сына Люмпана. На Сатурне обитали потомки Монито. Лучьян по Интернету и почте переписывался со многими дальними родственниками, помогал им чем мог. И выстраивал генеалогическое древо своей семьи. Он узнал из архивов и от потомков о всех своих предках по отцу, начиная с императора Арона Смолоза, и по матери, начиная с императора Марка Вителлия. Это были и правители,

и вельможи, и простые люди. Изучив прямых своих предков и их близких родственников, Лучьян написал книгу «Моя родословная». Изданная его друзьями из Каллир-Кадена, она имела огромный успех у публики. Немного позже, когда он обрёл колоссальную популярность, по всей Солнечной системе жители старались отыскать с ним родственные связи.

В студенческие годы Виникуляр ещё больше увлёкся учёбой и никаких хлопот отцу не доставлял. Вместе с товарищами он изучал историю всех планет Солнечной системы по эпохам, соответствующим нашей Первобытности, Древнему миру, Средним векам, Новому и Новейшему времени (особое внимание уделялось Сатурну, его регионам), основы археологии и этнографии. Делали доклады, писали курсовые и дипломные работы. Виникуляр внимательно слушал преподавателей на занятиях. Много времени просиживал в библиотеках — не всё ещё можно было найти в Общей Сети...

Он проходил практику в газете «Леопальдский хронограф», где студенты разных курсов публиковали статьи и заметки, и в альманахе «Связь времён» с поэтическими и прозаическими произведениями. А также ездил в археологические экспедиции, зачастую с тяжёлой работой и экстремальными условиями.

Лучьян посещал некоторые мероприятия в университете, в которых участвовал Виникуляр. Он был на посвящении в студенты-историки, состоявшего из обращения ректора к первокурсникам, клятвы студентов и праздничного концерта. Присутствовал на музыкальном фестивале с песнями разных стилей и направлений. И на театральном фестивале, где студенты участвовали в спектаклях, миниатюрах и пантомимах.

Когда Виникуляр доучивался последний год в университете, он женился на своей однокурснице Эллине — дочери известного писателя-историка. Свадьба получилась скромной, собрались только их близкие родственники и друзья. Невестка понравилась Лучьяну — она была такой же спокойной, умной и трудолюбивой, как его сын. Её родители уступили молодым квартиру в Леопальде и уехали жить в загородный дом. Виникуляр перебрался к молодой жене, дав отцу слово навещать его. И старик остался один...

Многочисленные народы Сатурна не любили почти всех членов Союза планет Солнечной системы из-за их грабительских законов и плохого отношения к простым жителям. На хорошем

счета у них оставались только Лучьян, Вайс, Бруно и Джулиан. Несколько членов Союза убили во время командировок, несмотря на наличие охраны. Ещё несколько пережили неудачные покушения на них. Политики усилили охрану и боялись лишней раз выйти на улицу.

И однажды на центральных улицах Леопальда собрались толпы жителей с плакатами, призывавшими свергнуть членов Союза, оставив правителем кого-нибудь из четырёх друзей. Когда народ, сметая охрану, ворвался во двор правительства, члены Союза испугались, что здание разнесут на куски, и письменно отказались от власти в пользу четырёх человек. Трое друзей Лучьяна, в свою очередь, выбрали его правителем Солнечной системы, полагаясь на его мудрость и справедливость. Всё это было задокументировано и обнародовано. Волнения в городе поутихли, жители разошлись по домам, но с тревогой ждали, что же будет дальше.

Джулиан приказал правоохранительным органам арестовать свергнутых членов Союза и поместить в тюрьму до суда. Первые несколько дней, исполняя те же обязанности, что и раньше, Лучьян не мог поверить, что он теперь главный во всей Солнечной системе, над её миллионами народов...

ГЛАВА ВТОРАЯ. НА НОВОЙ ДОЛЖНОСТИ

Церемония вступления Лучьяна в должность Президента Солнечной системы проходила в Большом Дворце Леопальда, где когда-то обитали короли, а теперь предстояло жить ему. В огромном зале собрались правители и другие высокопоставленные лица многих стран Сатурна, Юпитера, Урана и Нептуна. Лучьян, сопровождаемый усиленной охраной, по широкой ковровой дорожке шёл к трибуне, и ему рукоплескали, фотографировали его. Поднявшись на сцену, он взял микрофон и сказал:

— Дорогие друзья! Та честь, что мне выпала, явилась для меня неожиданностью. Но я приложу все усилия к тому, чтобы оправдать ваши ожидания. Чтобы наша звёздная система стала сильной и могущественной, а её граждане жили в безопасности и достатке. Нам многое предстоит сделать, и во благо системы в целом и для каждого её жителя я готов трудиться не покладая рук.

Его поддержали бурными и долгими аплодисментами. Самые влиятельные правители Сатурна и других планет от имени всех народов поклялись Лучьяну в верности. И повесили ему на шею золотой переливающийся орден в форме Солнца — в знак того, что он теперь глава Солнечной системы.

Лучьян был сильно обеспокоен той колоссальной ответственностью и опасностью, что должна была принести ему новая должность. Если уж правители стран не могли всем угодить и на них случались покушения, то чего ждать ему!.. Одно было хорошо: он теперь остался один и мог полностью посвятить себя новой должности.

Огромный дворец нельзя было обойти и за целый день. Он состоял из официальных помещений и личных — для правителя и его окружения. На стенах его коридоров висели портреты величайших правителей разных стран Сатурна. Парадные залы были очень высокими и просторными. В главном зале проходили торжественные мероприятия. А в банкетном — обеды. Одна гостиная предназначалась для официальных приёмов и бесед, а другая — для отдыха гостей. Здесь находился и музей правителей дворца, где хранилась их одежда, оружие, драгоценности, личные вещи. Сколько династий здесь жило! Лучьян поселился в просторной, светлой комнате с большим окном и балконом, с видом на парк. Там была широкая кровать, комод, столики с телевизором и шкаф-купе. Соседние комнаты заняли его подданные. Рядом находилась кухня.

Первые несколько месяцев политики занимались прежней деятельностью. Бруно работал секретарём, подписывал договоры, законопроекты и другие документы; Лучьян ценил его как очень работоспособного и исполнительного человека. Вайс был дипломатом, ездил в другие страны, вёл переговоры; благодаря его дипломатическому таланту многие государства сдружились, заключили договоры о мире и взаимопомощи. Джулиан, начальник службы безопасности, следил за порядком в стране.

Потом для Президента стали набирать других подчинённых — самых достойных политиков в государстве, и большая часть обязанностей его троих друзей перешла к ним. Созданное под руководством Лучьяна Правительство Солнечной системы взяло под свой контроль промышленность, сельское хозяйство, здравоохранение, торговлю, транспорт и другие сферы в стране. Затем стало отправлять своих людей в разные страны для управления там этими сферами.

За два года Лучьян, Джулиан, Вайс, Бруно и их подчинённые проделали колоссальную работу по взятию в управление всего Сатурна. Но и этого было мало, очень мало: им предстояло сделать то же и с другими планетами Солнечной системы. Сначала Правительство разработало планы управления

каждой планетой, её регионами. Затем Лучьян обязался для каждой планеты выбрать своего заместителя, сверхнадёжного человека, который должен был отправиться туда жить со своим окружением и тысячами других подданных. Хотя Лучьян уважал и ценил многих людей в правительстве, больше всего он доверял своим троим друзьям — Вайсу, Джулиану и Бруно. Но боялся их обидеть, оторвав от себя. Однако они догадывались о его намерениях и сказали, что готовы перебраться на другие планеты, если будет нужно. Лучьян долго благодарил их за преданность. Ему очень не хотелось расставаться с ними, но в его руках была судьба целой Солнечной системы... Попрощавшись с ним, один за другим улетели друзья с семьями, с подчинёнными на далёкие планеты: Джулиан — на Уран, Бруно — на Нептун, Вайс — на Марс... Ещё двум видным политикам — Марку Хойсу и Маркелу Вантелю — доверили Плутон и Нибиру соответственно.

Лучьян вызвал к себе с Юпитера Лесмяна и Максимилиана для серьёзного разговора. Он понимал, что лучшего кандидата, чем его брат, для Земли не найти: тот тоже долго там жил, полюбил эту планету, её народы, имел хороший опыт в политике, был человеком деловым и предприимчивым. Лесмян согласился лететь на Землю, соскучившись по тихой, спокойной жизни на ней, и вскоре с вверенными ему подчинёнными отбыл туда. А Максимилиан, имевший огромный опыт в политике, стал заместителем Президента на Юпитере. На Сатурне у Лучьяна тоже имелся заместитель — великан Магнус, тоже старый, опытный политик, два века управлявший союзом стран великанов.

На Венеру и Меркурий не отправили заместителей Президента — из-за непригодности этих планет к жизни человека. На пояс астероидов — тоже, потому что там мало кто жил, в основном космические путешественники. И на спутниках планет президентское управление было очень слабым либо совсем отсутствовало.

Лучьян много общался с политиками, знаменитостями, прибывавшими из разных уголков Сатурна и с других планет, чтобы увидеть Президента и поздравить с новым назначением. Сын Виникуляр поздравил его в числе первых. Когда Лучьян только-только вступил в должность, у него родился внук Галлус — малыш, похожий на своего отца, только с огненно-красными волосами. Из-за постоянной занятости старик редко видел сына и его семью, но всей душой стремился к ним.

Через полгода после того, как Лучьян стал Президентом, прошёл

суд над бывшими девяносто шестью членами Союза планет Солнечной системы. Все они обвинялись в злоупотреблении властью и хищении казённых средств. Большинство получило разные сроки тюремного заключения, некоторых приговорили к смертной казни. Но Лучьян, получив их прошения о помиловании, велел и для них заменить казнь отбыванием в колонии.

Ему приходили поздравления со вступлением в должность и из других звёздных систем. Давний друг Камиаста из системы Альфа Центавра написал, что очень рад за него, и пожелал доброго здоровья, благополучия и успехов на новом посту. Давний недруг Гасан Великий из системы Алголь тоже поздравил его, но сообщил, что уже собрал колоссальную армию, в десятки раз больше прежней, для нового вторжения в Солнечную систему. Это очень обеспокоило и огорчило старика: всё ещё неймётся проклятому злобному чудовищу...

Однажды Лучьян увидел во сне, как вёз куда-то телегу с целой горой вещей, но лошадь сошла с дороги, и всё опрокинулось, завалило его с головой... Он понял значение приснившегося: гора вещей — это огромная ответственность Президента, которая в случае неправильного управления Солнечной системой неизбежно приведёт к гибели...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПЕРВЫЕ РЕФОРМЫ

Новое окружение Лучьян выбирал очень продуманно, уделяя внимание и личным, и деловым качествам людей, и опыту работы, и характеристикам. Он понимал, что от их будущей деятельности зависит благополучие всей Солнечной системы.

О Магнусе здесь уже шла речь. Ему, помощнику и заместителю Президента на Сатурне, Лучьян доверял как самому себе. Этот умный, эрудированный, трудолюбивый великан работал в самом большом зале дворца, иногда ездил в длительные командировки и всегда добросовестно выполнял его поручения.

Аурелио, высокий мужчина с фиолетовыми волосами, занимал пост руководителя администрации Президента. Представительный, очень серьёзный человек, перфекционист, он жил своей работой. Несколько раз был женат, но из-за своей педантичности не ужилась ни с одной из супругов.

Геренс, пожилой, щуплый, лысый мужчина, работал пресс-секретарём Президента. Он был высокообразованным, начитанным. Знал все тонкости этикета, хорошие манеры. Изъяснялся на почти литературном языке. Одевался всегда элегантно. Но семьи не имел.

Лион, мужчина средних лет, неприметный с виду, являлся

руководителем протокола Президента. Он был очень спокойным, немногословным. Жил с женой. Увлекался интеллектуальными играми, хотя на них почти не оставалось времени. Любил путешествовать и с удовольствием ездил в командировки.

Калидос, молодой ещё мужчина, русоволосый, с усами и в очках, был советником Президента. Умный, проницательный, он всегда принимал грамотные и взвешенные решения. Как и Геренс, одевался «с иголочки». Был разведён, его сын жил с матерью.

Ризос, пожилой, темноволосый мужчина в очках, занимал должность премьер-министра. Его приняли на работу по рекомендации Джулиана. До этого он двадцать с лишним лет был премьер-министром одного союза государств на Сатурне и всегда отличался безупречной репутацией. Имел большую семью: жену, троих детей, внуков.

Майло, пожилой лысый мужчина с маленькими бегающими глазами, был взят Лучьяном на пост руководителя аппарата правительства по рекомендации Вайса, но позже стало понятно, что тот в нём ошибался: хитрый, алчный человек, он клялся Президенту в верности, а сам тайком от него занимался крупным мошенничеством...

Пресидио, угрюмый, молчаливый мужчина средних лет, работал охранником Лучьяна. В прошлом он патрулировал рубежи Солнечной системы. Был огромного роста, очень силен физически и профессионал в своём деле.

Фред, пожилой, общительный мужчина, работал водителем Лучьяна. А до этого — водителем-дальнобойщиком. Он постоянно рассказывал Лучьяну и Пресидио о своих внуках, помнил много смешных и забавных историй из жизни.

Розалия, пожилая, спокойная, чистоплотная женщина, была горничной Лучьяна. После гибели дочери и зятя одна растила двоих внуков. Иногда исполняла обязанности няни для маленького Галлуса.

Это были главные люди из окружения Лучьяна. За годы его президентства в Правительстве Солнечной системы работали десятки тысяч политиков, и перечислять их всех здесь нет смысла. Назовём лишь ещё имена нескольких, если в этом возникнет необходимость.

Лучьян провёл реформу здравоохранения, заботясь об увеличении рождаемости и уменьшении смертности населения и желая,

чтобы медики научились побеждать любые болезни.

Он устроил несколько заседаний с министрами здравоохранения стран Сатурна, выслушал их планы и дал им некоторые рекомендации. Медики планировали проводить восстановление и омоложение стволовых клеток путём извлечения их из одних органов и введения в нужные суставы или внутривенно. Стволовые клетки были ценны тем, что обеспечивали рост организма, могли бороться с воспалениями и аутоиммунными заболеваниями, увеличивать мышечную массу, восстанавливать суставы и даже оживлять кожу и отращивать волосы. Также проводилась регенерация органов и 3D-печать. Лучьян ездил в один медицинский центр, и там ему показывали биопринтер, на котором печатали органы. Президенту рассказывали о планируемой пересадке органов неразумных существ разумным. И ещё медики заботились об омоложении организмов, переливая в старые кровь молодых. Кроме этого, старикам вводили специальные молекулы, улучшавшие работу сердца, мышц, переносимость физических нагрузок, работу мозга и мозговой кровотоков, обмен веществ.

Профессор Таёдо из одной южной страны Сатурна поведал Лучьяну о нанороботах, которые разрабатывались для лечения опасных болезней, в первую очередь — рака. Эти тела микроскопических размеров с лекарством внутри должны были вводиться в организм и уничтожать раковые клетки. По своей форме они походили на паучков. Первые нанороботы собирались испытать в ближайшем времени. Таёдо пригласил Президента в свой медицинский центр в городе Санусе, чтобы рассказать ему о последних исследованиях и изобретениях, и тот пообещал приехать чуть позже.

Лучьян сообщил в письмах своим заместителям на других планетах о новом направлении медицины, которое будет бороться с хроническими заболеваниями и восстанавливать поражённые болезнью и старостью системы органов. Он издал указ о введении этого направления на всех планетах Солнечной системы и их спутниках (кроме Меркурия и Венеры, где жили совсем другого рода организмы) и выслал туда часть лучших медиков Сатурна. И через месяц-другой был извещён о результатах своей реформы.

Не везде медицина развивалась хорошо. На Сатурне и Юпитере смертность действительно резко сократилась, большинство хронических болезней излечивали. Но на Уране и Нептуне направление развивалось слабо из-за другого строения организмов их жителей, и Лучьян велел докторам с этих планет выработать свои методы лечения хронических болезней,

учтя советы медиков с Сатурна. И на Земле, Марсе и Плутоне реформа проходила так же плохо из-за неизвестных сатурнианам болезней, поражавших обитателей этих планет; Лучьян велел медикам исследовать эти заболевания и искать способы борьбы с ними. То же было и со спутниками планет.

Другой реформой в начале правления Лучьяна стала городская (или полицейская). Президент навёл порядок в разных регионах Сатурна. Оснастил полицию новой техникой в системах связи и оповещения, видеонаблюдения, сбора и анализа данных, предоставил специальных роботов и дроны — беспилотные летательные аппараты — для опасных заданий. Полицейским выдали очки дополненной реальности. В камерах видеонаблюдения появилась технология распознавания лиц. Роботы стали также регулировать наземное и воздушное движение вместе с диспетчерами.

Эта реформа распространилась на Сатурне и одновременно на других планетах Солнечной системы. Лучьян отправил своих подданных в разные страны Сатурна, на Юпитер, Уран и Нептун, несколько раз собиравшись послать на Землю, Марс и Плутон, но ему сообщали о нехватке средств для преобразований на этих планетах. Президент пересчитывал деньги в казне, и их действительно катастрофически не хватало. Он не был силен в финансовых расчётах, но стал догадываться, что кто-то в его Правительстве занимается воровством, и на одном заседании пообещал найти и наказать вора. Однако не располагал никакими уликами и даже не имел подозрений на кого-либо...

На Сатурне из-за разрежения и отдаления горячей газовой оболочки от поверхности планеты случилось глобальное похолодание, разумные жители и животные сильно мёрзли. Каждый день Лучьян узнавал о тысячах жертв мороза. Он распорядился создать «светила», подобные Солнцу, из горячего газа и гелия и запустить их в небо Сатурна. И вскоре жители планеты увидели вереницы «солнц» в небе и почувствовали сильное потепление. «Светила» размером с малый астероид летали на высоте более пятисот километров, но благодаря очень высокой температуре отлично согревали поверхность планеты. Их было несколько сотен, и они двигались по запрограммированным траекториям. Так обитателей Сатурна спасли от замерзания. Жители всех селений выходили из своих убежищ и радовались теплу, любовались «солнцами» в небе. Природа вновь ожила, замёрзшие животные вернулись к жизни. Узнав, что эти «солнца» изготовили по указу Лучьяна, народы Сатурна ещё больше полюбили своего Президента и спасителя.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ВОЕННАЯ РЕФОРМА

Иногда перед сном у Лучьяна оставалось немного свободного времени. И он, распустив приближённых, шёл гулять в сад или читал газеты, которые ему доставляли со всей Солнечной системы. Президент знал несколько тысяч языков и без труда всё понимал. За один раз просматривал около сотни газет и был хорошо осведомлён о событиях и обстановке на каждой планете. В Леопальде стали издаваться общие газеты Солнечной системы, потом они начали выпускаться на всех планетах на местных языках. В них освещались наиболее значимые политические события. Это были газеты «Вестник Солнечной системы», «Политический обзор», «Голос Президента» и многие другие.

Когда возникала необходимость, Лучьян ездил в командировки. Но здоровье порой давало сбои. При Президенте был пожилой, опытный доктор Рубрум, который осматривал его, измерял давление, назначал лекарства. Иногда Лучьяна водили на лечебные процедуры. Он мучился и от высокого давления, и от головных болей, и от болей в позвоночнике. Но, несмотря на это, успешно вёл свою деятельность и присутствовал на важных совещаниях.

Приходившие новости были всё более тревожными: от миллионов разведчиков, находившихся в других звёздных системах, всё больше становилось известно о нарастающей мощи армии алгольцев и о намерении Гасана Великого уничтожить все планеты Солнечной системы вместе с их жителями.

Министр обороны Солнечной системы Антонио, пожилой худощавый мужчина с белой бородкой, рассказал Лучьяну о новых разведывательных датчиках, собиравших информацию о войсках противника, об их передвижении. Вместе они посетили выставку новейшей военной техники. Там были представлены универсальные беспилотники, способные заменить корабли-истребители, космический транспорт, грузовые и подводные суда. Осмотрев эти аппараты и датчики, Лучьян подписал указ о дальнейшем их производстве и распространении по всей Солнечной системе, особенно у её границ.

На одном совещании Президент поднял вопрос массовой роботизации армии, которая могла решить много проблем и, главное, сохранить жизни миллиардам военных. Вскоре вышел указ о создании боевых роботов по специально подготовленному проекту.

Прошло немного времени, об алгольцах в Солнечную систему больше никаких тревожных известий не поступало, и народы успокоились. Но Лучьян оставался начеку. Он укрепил оборону границ Солнечной системы с помощью новейшей

техники. И стал обсуждать на заседаниях оружие, которое должно было появиться в Солнечной системе в скором времени: это и камуфляж для боевых космических кораблей, который мог менять цвет, сливаясь с фоном, и становиться невидимым для врага, и винтовки с искусственным интеллектом, и мощнейшее лазерное оружие, способное за считанные мгновения обнаруживать и уничтожать вражеские объекты в космосе, и пушки с магнитными рельсами, позволявшими разгонять снаряды до сверхсветовой скорости, и центробежная пушка, стрелявшая быстро, как пулемёт, ядрами массой в несколько тонн.

У Президента всё это вызывало двойственное чувство: с одной стороны, он понимал, скольких живых существ, пусть даже врагов, может погубить такое оружие, а с другой стороны, стал более спокоен за жителей Солнечной системы.

К Лучьяну прибывали родственники, друзья и знакомые с Юпитера, преподаватели и учащиеся Каллир-Кадена, и всех он принимал с большой радостью.

Однажды к нему прилетел друг Зил Рахман. Друзья обнимали, целовали друг друга и плакали от радости. С Зилом была целая толпа родственников — потомков, и Лучьян расселил всех во дворце. Два друга долго беседовали в его комнате, Зил рассказал, что их родной город Кириф переименовали в Смолоз в честь Президента и жители очень гордятся своим земляком; город сильно изменился, стал настоящим мегаполисом с небоскрёбами, и Лучьян теперь не узнал бы его. Кладбище, где были похоронены их родственники и друзья, в том числе Гельян и Васко Зюта, власти несколько раз пытались снести, чтобы построить там новые объекты, но старейшие жители города отстояли его, и кладбище просто закрыли; многие памятники были заброшены, осели в землю, заросли сорняками. И кладбище на берегу Южного океана, где были похоронены родители Лучьяна, недавно разрушил сильный прилив, но моряки выловили из воды останки людей и вновь захоронили их — подальше от побережья. Хотя Лучьян и опечалился этими новостями, приезд Зила словно вернул его в родной город, в беззаботное, счастливое и такое далёкое детство...

Он познакомил друга со своим сыном, невесткой и внуком. Потом рассказал ему о своей работе, о реформах, о том, как отправил на другие планеты брата и друзей...

— Джулиан и Бруно постоянно мне звонят по видеосвязи

и обговаривают каждый шаг реформ, — поведал Лучьян. — А с другими просто переписываюсь на бумаге — на их планетах ведь нет электричества... И там реформы продвигаются гораздо медленнее, я меньше связан с ними...

В те дни, когда Зил гостил у Лучьяна, случилась трагедия: жена Виникуляра, управляя воздушным автомобилем, попала в аварию и погибла. Все во дворце были потрясены, узнав об этом. После похорон и поминок невестки Лучьян перевёз к себе Виникуляра и Галлуса. Сын долго убивался по жене, маленький внук плакал не переставая, старик пытался их успокоить, но и сам был в слезах. Увидев, как Виникуляр ослаб и отощал, Лучьян испугался, что тот тоже загонит себя в гроб, и решил занять его делом.

— Сынок, это надо пережить, — сказал он. — Скольких людей я хоронил в жизни! Думаешь, мне было легко... Но надо жить дальше. Пойдём со мной, поможешь мне с документами. У меня здоровье уже не то, трудно стало, а работы очень много...

Старик взял за руку сына, и тот, утерев слёзы, оставив малыша с няней, двинулся за отцом в кабинет.

ГЛАВА ПЯТАЯ. В МЕДЦЕНТРЕ ПРОФЕССОРА ТАЁДО

Виникуляр стал помощником своего отца и выполнял часть его обязанностей, связанную с проверкой документации. В коридорах и спальнях дворца делали ремонт, и Лучьян, его сын, внук и приближённые ночевали на лежаках в главном зале, перед сном смотрели по телевизору хорошие фильмы, беседовали по душам, и это всё тоже отвлекало молодого человека от горестных мыслей о жене. Но иногда ему нужно было выговориться, и Лучьян выслушивал его наедине и утешал. Доброта и участие отца вернули Виникуляра к жизни.

Лучьян собрался в командировку в город Санус к профессору Таёдо и решил взять с собой сына и внука. Они вылетели из Леопальда на служебном корабле и через считанные минуты были на месте.

Профессор Таёдо принял их в своём медицинском центре как почётных гостей. Для них работники устроили экскурсию, показали новейшие медицинские технологии, способные диагностировать болезни на ранних стадиях и успешно бороться с ними. Затем показали диафильм о разных видах коммуникаций, которые собирались вживить людям.

Моторная коммуникация облегчала человеческий быт. С её помощью можно было, например, мысленно открывать и закрывать двери, в уме давать команды разным электронным приборам,

регулировать температуру в помещении, включать и выключать свет и так далее.

— С помощью этой коммуникации люди будут строить здания и управлять транспортом одной силой мысли, — сказал Таёдо.

Мультимедийная коммуникация облегчала и ускоряла совместную деятельность людей: например, команда инженеров, архитекторов или дизайнеров могла в считанные мгновения создать план или модель чего-то, просто направив своё видение на экран и имея возможность редактировать его.

— Это проекция мысли на какой-либо носитель, — резюмировал Таёдо. — Очень пригодится людям творческих профессий: писателям, художникам, музыкантам...

Мысленная коммуникация понадобилась бы для совместного создания музыкальных, художественных произведений, научных трудов, рисунков, графики и так далее двумя или несколькими людьми, человеком и компьютером.

С помощью сенсорной коммуникации можно было передать другому человеку, находившемуся далеко, все свои ощущения. Один человек мысленно запрашивает связь с мозгом другого и, получив согласие, подключает его сетчатку к своей зрительной коре. И тот видит, слышит и чувствует ровно то же, будто сам присутствует здесь.

— У нас проводились испытания сенсорной коммуникации, — сообщил Таёдо. — Зрительная коммуникация была на отличном уровне, с другими органами чувств связь оказалась не такой хорошей, но мы усовершенствуем её...

Он показал Лучьяну приборы и приспособления для осуществления коммуникаций: небольшие гаджеты, провода, антенны и так далее. В специальных ёмкостях хранились крошечные устройства — нанороботы.

— Мы работаем над созданием утилитарного тумана, — рассказывал профессор. — Миллиарды нанороботов, оснащённых мини-компьютерами, смогут принимать любую форму, передвигаться в воздухе, переносить живых существ и предметы. Возможно, с помощью такого тумана мы даже создадим виртуальный мир...

Когда Таёдо закончил лекцию, Лучьян поблагодарил его и сказал:

— Какие тонкие и умные изобретения! Только гений мог создать такое... Я рад, что вы делаете успехи, продвигаете вперёд науку. И верю, что ваши планы сбудутся. Если вам что-то понадобится, помогу всем, чем смогу. Те новшества, о которых вы рассказали

сейчас, могут стать нужными и полезными любому разумному жителю Солнечной системы. Сначала, конечно, они будут доступны немногим, но затем со временем уйдут в широкие массы. Мне и моему окружению эти изобретения тоже очень облегчили бы работу... Что ж, профессор, дальнейших вам успехов!

И он пожал руку Таёдо и другим докторам.

После посещения медицинского центра Лучьян, Виникуляр и Галлус отправились на прогулку по городу, профессор составил им компанию. Санус был красив, особенно его центр: всюду возвышались небоскрёбы, на улицах горели яркие фонари, светились вывески, экраны... По улицам и набережной проходили толпы народы. Лучьян со спутниками зашли в одно кафе, присели за столик, заказали чай с пирожными и стали дальше говорить о коммуникациях. Виникулера они интересовали больше в бытовом плане — как облегчить себе жизнь дома. Он предупредил отца, что для детей эти новшества могут быть не только вредны, но и опасны. Лучьян согласился с ним, но заметил, что в образовательных целях они полезны.

По возвращении в Леопальд Виникуляр продолжил работать с отцом и через несколько месяцев по предложению Магнуса, Аурелио, Лиона и Ризоса был назначен министром внутренних дел Солнечной системы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ОБРАЗОВАНИЕ

Когда пришло время, Виникуляр отдал Галлуса в одну из элитных подготовительных школ Леопальда, где учились дети знаменитых людей.

Лучьян, занятый работой, едва нашёл время навестить там внука в один из первых дней учёбы. Он позвонил директору школы и попросил разрешения посетить уроки, и его с большой радостью пригласили. Преподаватели очень волновались перед встречей с самим Президентом. Но тот, прибыв в школу, произвёл на всех очень хорошее впечатление — столь важный политик, глава Солнечной системы оказался простым и добрым стариком, без высокомерия, учтивым со всеми. Возле школы его встретил директор, господин Гратис, провёл в здание и устроил для гостя экскурсию, показал кабинеты.

— Многие занятия проходят у нас в игровой форме, — поведал он. — Так дети лучше всё запоминают. И письмо, и чтение, и счёт, и рисование ребёнок познаёт через игру.

Преподаватели рассказали Лучьяну о предметах, которые изучали в подготовительных классах. На введении в художественную

литературу ребятам читали сказки, рассказы, стихи лучших детских писателей, показывали познавательные мультфильмы. На уроках математики и конструирования их обучали счёту, простейшим математическим операциям, знакомили с геометрическими фигурами, учили решать головоломки и логические задачи. Также преподавали письмо и грамоту, чтение, развитие речи, иностранные языки, окружающий мир, изобразительное искусство, труд, физическую культуру.

— Мы создаём комфортные условия для наших учеников, — говорил Гратис, показывая Лучьяну новенькие кабинеты с удобными стульями и партами. — Каждый ученик для нас — индивидуальная личность со своими нравственными качествами, интеллектом, талантами, и всё это стараемся в нём развить. Улучшаем познавательные процессы ребят — восприятие, внимание, память, мышление. Коллектив у нас большой, дружный, мы воспитываем в детях внимательное, дружеское отношение к сверстникам.

Лучьян побывал на уроках математики и конструирования и иностранных языков и остался доволен: преподаватели увлекательно объясняли ученикам новые темы, дети были послушны и хорошо усваивали материал. У него не сложилось впечатления, что все ведут себя спокойнее и доброжелательнее именно при нём — всё выглядело очень естественно, не наигранно.

После занятий в актовом зале для Лучьяна было устроено чаепитие, на которое собралась вся школа. Он легко общался с преподавателями и учениками, узнавал об их нуждах и обещал помочь. Потом раздал желавшим свои визитки и сказал учителям:

— Прошу вас, не выделяйте моего внука среди других учеников и будьте к нему так же строги, как и к остальным. Не бойтесь сообщить о его проблемах отцу или мне. У меня всегда найдётся время, если окажусь нужен здесь.

И полетели дни учёбы. Лучьян часто интересовался, как идут дела у внука в школе, и Галлус поначалу радовал его своим прилежанием, интересом к школьным предметам и хорошими отношениями со сверстниками. Но потом учителя стали жаловаться дедушке на непоседливость мальчика и пререкания с ними. Лучьян провёл несколько воспитательных бесед с внуком, но они мало что дали — тот остался таким же сорвиголовой.

— Может быть, мы зря так рано отдали его в школу? — спросил Лучьян у сына. — Он всё-таки ещё маленький, пусть бы играл с другими детишками в садике...

— Ничего страшного, — ответил Виникуляр. — Здесь его лучше воспитают. Он не бесцельно играет в игрушки, а уже чему-то учится. У него бойкий характер, но с возрастом станет спокойнее.

Лучьян в ответ на это только вздыхал...

Но вот Виникуляру сообщили из школы, что Галлус нагрубил одной учительнице и облил её соком. Возмущённый отец поспешил в школу и там заставил сына извиниться перед ней. Вроде бы конфликт был улажен, но мальчик волком смотрел на него и не разговаривал с ним. А Виникуляр даже не замечал этого: всё вспоминал учительницу — совсем молоденькую, красивую и такую робкую...

— Не обижай её больше, пожалуйста, — сказал он сыну. — Она очень хорошая...

Через некоторое время Виникуляр снова пришёл в школу и встретил учительницу в вестибюле.

— Мой хулиган больше ничего не натворил? — спросил он у неё после приветствия.

— Нет, и не волнуйтесь за это, — ответила она, смутившись. — Напрасно вас в прошлый раз потревожили...

— Не напрасно. Я поговорил с ним, надеюсь, он больше не посмеет вас обидеть. А если всё-таки будет плохо себя вести — сразу сообщите мне.

И Виникуляр протянул ей свою визитку.

Учительница уже уходила домой, и он вызвался проводить её. В пути они получше познакомились. Её звали Флорой, она работала в школе всего год после выпуска из педагогического вуза. У неё были тёмно-русые волосы и карие глаза, излучавшие невероятную теплоту.

— Не знаю, что с ним случилось, но он стал таким неуправляемым... — говорил ей про сына Виникуляр. — Наверное, ему не хватает внимания... Мы с его дедом почти всё время на работе, видим его совсем мало...

— Мальчика надо увлечь любимым делом, — ответила Флора. — Тогда у него всё будет получаться. Какой школьный предмет он любит больше всего?

Виникуляр не знал, что ей сказать. Как-то и не задумывался над тем, что его сын больше всего любит, к чему у него лежит душа. Но потом вспомнил, что Галлус иногда что-то рисовал в тетрадях и книгах и за это ему, конечно, доставалось...

— Он очень любит рисовать, — сказал Виникуляр и обрадовался: Флора как раз преподавала изобразительное искусство!

— Да, у него большие способности, но он мало старается и не проявляет интереса к рисованию, — вздохнула учительница.

Но он смог договориться с ней о дополнительных частных уроках по рисованию во дворце. Купил им с Галлусом альбомы, набор красок, кисти, простые и цветные карандаши, ластики и так далее. Флора занималась с мальчиком, когда Виникуляр был ещё на работе, и редко виделась с ним.

Однажды занятие прошло у неё дома, и, когда отец приехал забирать сына, учительница угостила их пирожками, которые сама приготовила. Оба были в восторге от её еды. Потом Виникуляр долго вспоминал её уютный дом, Флору, выглядевшую так просто, по-домашнему в фартуке, и вздыхал...

— Вот бы мне такую маму... — сказал однажды про неё Галлус.

И отец понял, что непременно должен завоевать эту прекрасную женщину...

Вскоре Лучьян провёл реформу образования. Во всей Солнечной системе было улучшено качество образовательно-воспитательного процесса; образование стало доступным для всех слоёв населения; для каждой школы и вуза теперь выделялись необходимые средства на их нужды; преподаватели начали получать достойную зарплату, с надбавками за определённый стаж, и пенсию; улучшилось социальное обеспечение учащихся; повсюду были введены современные образовательные программы. И миллионы опытных преподавателей с Сатурна и Юпитера отправились работать на другие планеты, в самые отсталые уголки Солнечной системы, чтобы дать образование широким кругам населения...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. КОМАНДИРОВКА В ТЕМПУС

Лучьян собрался ехать в командировку в большой город Темпус в трёх тысячах километров от Леопальда. Там ему предстояло посетить выставку новейшего транспорта и одобрить его дальнейшее производство, а также решить один строительный вопрос. С ним ехали Калидос, министр строительства Холтус — молодой ещё мужчина интеллигентного вида, в очках, охранник Пресидио и доктор Рубрум. Доктор опасался за здоровье Лучьяна — в последнее время у него было высокое давление, и поэтому путники добирались до Темпуса не воздушным транспортом, а скорым поездом.

Темпус походил на Леопальд — такие же небоскрёбы и такое же сумасшедшее наземное и воздушное движение. По прибытии в гостиницу Лучьян и его спутники пообедали, затем доктор Рубрум осмотрел Президента, померил ему давление — оно было немного повышенным, и тот принял лекарство. Отдохнув чуть-чуть в номере, они отправились на выставку, проходившую в одном из парков города.

Там их встретил известный изобретатель Новатис Инвентум, мужчина средних лет, автор многих транспортных новинок, и устроил гостям экскурсию по открытому павильону, где находились модели новейшего транспорта.

Он поведал Лучьяну о проектируемых автомобилях, топливом для которых послужит торий — всего нескольких граммов этого элемента хватит на долгие месяцы, а то и годы передвижения по земле или воздуху.

Президенту показали сверхбыстрый самолёт, способный разогнаться до десяти миллионов километров в час. Он был оснащён специальной гравитацией и термоизоляцией и мог подниматься в космос, минуя газовую оболочку планеты. Предназначался для перевозок пассажиров и грузов на спутники Сатурна и орбитальные станции, в нём помещалось до пятисот пассажиров и двадцати пяти тонн груза. Этот транспорт должен был обойтись пассажирам гораздо дешевле, чем космические корабли.

В десятках мегаполисов Сатурна планировалось ввести аэрокары — вагоны, прикреплённые снизу к магнитным дорожкам. Они могли развивать скорость до двухсот пятидесяти километров в час.

— Вагончики будут двигаться по проложенным линиям по своему расписанию, как и электрички, — рассказывал Новатис. — И стоимость проезда сделают невысокой...

Он показал гостям модели нового «общественно-личного» транспорта. Кабинка «Пройн» на четырёх колёсах с навигатором могла ездить по дорогам без водителя, прикрепляться к группе других кабинок, двигавшихся по тому же маршруту, и открепляться при приближении к конечному пункту. Аэроседемом называлась сеть проводов с прикреплёнными к ним сиденьями с аккумуляторным питанием, переносившая пассажиров на высоте нескольких метров тоже по расписанию, от станции к станции.

— Но этот транспорт не сможет уберечь пассажиров от плохой погоды, — предупредил Новатис. — Кроме того, хотя я и ручаюсь

за его безопасность, многие боятся высоты...

Он рассказал также о новинках личного транспорта. Это был закрытый мотоцикл «Гутта», который ездил на четырёх колёсах, мог управляться вручную или навигатором и вмещать много багажа. И «реактивный ранец», перемещавший человека по воздуху со скоростью до ста километров в час при помощи воздушных винтов.

Гостям показали модель закрытой велосипедной дорожки, которую Новатис собирался построить в нескольких мегаполисах и между ними.

— На опорах установят трубы для велосипедов с тремя полосами движения, — поведал он. — Велосипеды внутри трубы смогут разогнаться до пятидесяти километров в час. На таких трассах велосипедисты будут защищены от плохой погоды.

Лучьян одобрил новые виды транспорта и подписал разрешение на их дальнейший выпуск и реализацию, но с условием, что Новатис обеспечит полную безопасность и комфорт для пассажиров.

После посещения выставки они ужинали в ресторане, Новатис рассказывал гостям о своей семье, о компаниях, которые он основал и возглавлял, о своём увлечении космической техникой. Лучьян, проложивший для жителей своей и других планет Солнечной системы дорогу в космос, был его кумиром с детства, тот долгие годы хотел с ним познакомиться и теперь заметно волновался.

— У меня дома висит подробная схема судна, которое вы сконструировали, когда учились в университете, — вспомнил Новатис. — Прошло уже очень много времени — а этот корабль всё равно лучше и надёжнее современных...

— Ну что вы, он очень примитивен, — возразил Лучьян. — Сейчас, когда мне и на обычном воздушном транспорте летать страшновато, поражаюсь, как я тогда не побоялся улететь в такую даль... Всё-таки молодость — отчаянная пора...

На следующий день Президент и его спутники встретились с архитектором Мео Кондитором. Он собирался строить дома в Леопальде и хотел узнать мнение Лучьяна о параметрическом стиле, в котором возводил здания.

— Организмы живых существ устроены в этом стиле, он самый естественный, — сказал Мео.

И показал гостям здания в форме ракушек, стволов дерева, грибов и так далее. Здесь было много торгово-развлекательных центров и высоток, изогнувшихся, скосившихся набок, раздувшихся и, наоборот, приплюснутых.

— В этом стиле построят и небоскрёб «Лучьян Смолоз», — сообщил Мео. — Это будет масштабный проект...

— Небоскрёб? — переспросил Лучьян.

— Да, небоскрёб из стекла, бетона и железа в форме Президента Солнечной системы, — ответил Мео. — Высотой больше двух километров. Многие вас знают и помнят как великого учёного, поэтому будете изображены в мантии, в академической шапке и с книгами под мышкой. В здании поместится много организаций, предприятий, магазинов...

— Мне просто крайне неудобно... — опешил Лучьян. — Может быть, лучше построить здание в какой-нибудь другой форме?

— Это воля народов Сатурна, — пояснил Мео. — Они очень благодарны вам за то, что спасли их от глобального похолодания, излечили от многих болезней и дали образование всем желавшим. И хотят увековечить ваше имя в истории, чтобы вас помнили долго-долго... Здесь собраны подписи правителей разных народов...

И он показал книгу с подписями за строительство небоскрёба «Лучьян Смолоз». Их было тридцать две тысячи!

Лучьян предоставил Холтусу, как более компетентному в этом вопросе человеку, самому решить вопрос. И тот принял предложение по строительству зданий в параметрическом стиле, сказав, что они будут удобны и безопасны для людей.

Мео показал гостям озеленённые районы города. Здесь, в городской черте, в многоэтажных зданиях располагались... фермы! Продукты производились вблизи от потребителя, а растения давали городу дополнительный кислород. Много парков и садов находилось на крышах домов.

— Приятный город, — сказал Президент спутникам, когда они вернулись в гостиницу. — Вроде бы были деловые переговоры, а как хорошо погуляли!

Он распустил всех по номерам, сказал Рубруму, что прекрасно себя чувствует, и тот тоже ушёл.

А Лучьян принял ванну с джакузи, пообедал и прилёг на кровать с книжкой. Но пронесившиеся в голове мысли не давали ему читать. Обрушившаяся на него слава была как огромное

пламя — и грела, и пугала одновременно. Он считал, что недостоин такой известности и признания, что это всё просто стечение обстоятельств, и не хотел, чтобы его возвеличивали. Вспомнил покойную маму и подумал, что она теперь всё же гордилась бы им и Лесмяном... Вспомнил брата и понял, как сильно соскучился по нему... Вспомнил своих сыновей, внуков, правнуков и других родственников, которых уже не было в живых, и вновь почувствовал, как сильно любит их и как ему их не хватает... Как же хорошо, что дома его ждут Виникуляр и Галлус!.. Он понял, что любит каждое существо в своей огромной Солнечной системе, во всём мире, и искренне пожелал каждому счастья и уюта, чтобы все осознали, насколько прекрасна жизнь...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ ЛУЧЬЯНА

С самого начала службы у Лучьяна его подчинённые формировали культ личности своего правителя в Солнечной системе. Для многих он действительно был непререкаемым авторитетом, а некоторые хитроумные политики просто использовали его известность и влияние в своих целях. На всех планетах Солнечной системы Лучьяна уже сотни лет помнили и любили и беспрекословно повиновались ему. На совещаниях Президент прислушивался к мнению своих подчинённых, они единогласно выступали за принятие выгодных для них законов, аргументируя их полезность для общества, и он соглашался с ними.

В новостях и произведениях искусства его образ сильно возвеличивали, делая непогрешимым богоподобным существом, которое заботится о своих подопечных и которому нельзя противостоять. Лучьяна превозносили не только для усмирения всех возможных оппонентов, но и для устрашения потенциальных внешних врагов — жителей других звёздных систем, особенно алгольцев, армия которых, по данным разведки, выросла до немыслимых размеров и вновь развернула захватническую деятельность.

На всех планетах Солнечной системы, во всех странах портреты Президента размещали на видных местах, ставили ему памятники и статуи. На центральной площади Грайюнкма была возведена восьмидесятиметровая статуя Лучьяна в рабочем костюме, с дипломатом под мышкой. На плакатах он изображался мудрым и добрым стариком, читающим книгу, пишущим законы, выступающим перед толпами народа или скромно беседующим в кабинете с простыми людьми. На Сатурне изготавливались маленькие статуэтки Президента и широко распространялись по всей Солнечной системе. Его имя давали городам, улицам, учебным заведениям, предприятиям, космопортам и многому другому по всей Солнечной системе,

рождавшихся детей называли Лучьянами и Лучиями.

Не было счёта произведениям живописи, литературы, театра, кино, эстрады, музыки и даже компьютерным играм, посвящённым Президенту. Появилось множество документальных и художественных произведений, фильмов и сериалов о путешествиях Лучьяна, о его семье и родственниках. Сам мало что из этого читал и смотрел.

Высоко оценена им была трилогия писателя Сана Зеппа «Первопроходец»: «Парень из Кирифа» (роман о детстве и юности Лучьяна), «Прорыв» (роман о строительстве корабля и первом космическом полёте Лучьяна) и «Вдали от родины» (роман о жизни Лучьяна на Земле). Также не оставила его равнодушным трилогия писателя Мика Салли «Противостояние»: романы «В плену», «Погасшее светило» и «Освобождение» (об Антиалгольской операции). С интересом он прочитал роман Майса Винтифа «Опасный мир» о своём давнем путешествии по Юпитеру. Дома у него были документальные книги «Встреча планет» (об освоении Солнечной системы) и «Встреча звёздных систем» (о Союзе Объединённых систем), написанные коллективом учёных.

Он полюбил недавно снятый фильм «За пределы этого мира» о своём первом космическом путешествии. И иногда смотрел сериалы «Наше единство» (об объединении народов Солнечной системы и их борьбе с алгольскими захватчиками; этот сериал снимался тридцать лет) и «Звёздные миры» (о Союзе Объединённых систем).

В новостях подробно рассказывалось о жизни Президента, каждое его высказывание расходилось на цитаты, говорилось о его мужестве, силе и отцовской любви к народам Солнечной системы. Идеология, созданная им и подчинёнными, называлась «солария» и была направлена на заботу о жителях планет и спутников системы. Лучьян написал и издал книгу, названную так же, с воспоминаниями об освоении Солнечной системы, контактах и войнах с другими системами, политическими размышления и наставлениями потомкам.

Небоскрёб «Лучьян Смолоз» был построен в Леопальде всего за два года с помощью огромного количества рабочих и техники. Для его возведения выбрали участок с наиболее плотной почвой в одном из северных районов города. Для его сооружения использовали несущие, составные стальные конструкции, для перекрытий — прочнейший монолитный железобетон, внешние стены сделали из титана, снаружи здание было выкрашено

в белый цвет. Для внутренних перегородок использовали также лёгкий композитный материал. Прочность здания обеспечили подвижными соединениями внутри несущих колонн из стали и бетоном, выдерживавшим воздействия высоких температур. Все входы в помещения оборудовали двойными дверями, чтобы не допустить сквозняков и сильных возгораний. В здании установили солнечные батареи, насосы для водоснабжения и системы автономного кондиционирования воздуха. Небоскрёб использовался как фильтр, очищавший воздух от вредных веществ.

Он был торжественно открыт в присутствии Лучьяна, Виникуляра и Галлуса, архитектора Мео Кондитора и всей политической верхушки, а также нескольких миллионов жителей Леопальда и гостей, столпившихся на площади, проспекте и ближайших улицах. Событие транслировалось по телевидению Сатурна, Юпитера, Урана и Нептуна. «Памятник» высотой в две тысячи четыреста метров, в четыреста с лишним этажей получился строгим и красивым: белый Лучьян с длинной бородой, в мантии и академической шапочке, с двумя книгами под мышкой, зорко всматривался куда-то вдаль...

В небоскрёбе разместилось много организаций: органы государственной власти и местного самоуправления, культурный центр, библиотека, бизнес-центр, отель, торговый центр «Смолоз-Вир», гипермаркеты, супермаркеты, спортивный центр с бассейном, детские площадки, парк (на крыше) и так далее. В здании могло поместиться более миллиона человек — целый город внутри другого города! И посетители, и работники были довольны его уютной обстановкой. Лучьян редко приходил сюда, а его сын и внук любили отдыхать в торговом центре по выходным.

Галлус успешно отучился в подготовительной школе и перешёл в основную. На празднике, посвящённом выпуску учеников, куда пригласили и родителей, Виникуляр был грустным: закончились занятия его сына с Флорой, и им больше не придётся видаться, а ведь они уже так привязались к ней... Он заметил, что и учительница тоже невесела — наверное, жаль расставаться с учениками...

Когда после праздника они вместе вышли на улицу и стали ждать Галлуса, который замешкался с друзьями в актовом зале, Виникуляр решил поговорить с Флорой.

— Нам будет очень трудно без вас, — сказал он. — Мы так привыкли к вам... Давно хотел сказать, что вы мне очень

нравиться... Понимаю, сейчас неподходящий момент, но я делаю вам предложение руки и сердца...

Флора отвела взгляд и молчала.

— Только не отказывайте мне сразу, — взмолился Виникуляр. — Прошу вас, подумайте до завтра...

— Хорошо, — вздохнула она.

Тут в дверях появился Галлус, и они втроём двинулись домой.

На следующий день Виникуляр позвонил Флоре и пригласил её на прогулку в парк. Пока Галлус играл на площадке с другими детьми, взрослые продолжили вчерашний разговор.

— Вы подумали над моим предложением?

— Да, хочу сказать, что вы стали мне как семья... Я принимаю ваше предложение. Но что скажет Галлус? Вдруг он будет против этого?

— Нет, он будет только рад. Сын всё время о вас говорит...

Жених купил невесте прекрасное бело-розовое платье и сам оделся в великолепный светло-серый костюм. Свадьбу праздновали в президентском дворце; присутствовали все подчинённые Лучьяна, родители, брат и тётя Флоры. Элизабет, Вайсу и их детям тоже было отправлено приглашение на Марс, но они не смогли прибыть на праздник. Лучьян пожелал молодым долгой и счастливой совместной жизни и выпил за их здоровье...

Новоиспечённые супруги быстро привыкли друг к другу, прижились вместе. Галлус стал для Флоры как родной сын, вскоре после свадьбы он начал называть её мамой. Виникуляр дарил жене дорогие подарки, украшения, и ей, простой учительнице, было непривычно принимать их и жить в роскошном дворце. Она поначалу сильно робела перед Лучьяном, которого возносили до небес, но потом поняла, что он простой и скромный старик и с ним очень приятно общаться...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ЭПИДЕМИЯ

После каникул Галлус пошёл в начальную школу, и отец и дедушка уже меньше беспокоились за него, зная, что Флора позаботится о нём как родная мать. Она по-прежнему работала в подготовительной школе, но успевала ещё вести хозяйство во дворце и готовить ужины и завтраки своих близких. Окружённые женской заботой, впервые за долгое время отец и сын почувствовали себя счастливыми.

В начальной школе были основные предметы — родной язык, чтение, математика, окружающий мир (в форме лекций), история родной страны (в форме лекций), безопасность жизнедеятельности (в форме лекций), иностранный язык, физическая культура; и дополнительные, творческие — пение, танцы, спортивные секции, рукоделие, рисование, моделирование и так далее. На занятиях учителя не ставили детям оценок, но полученные знания и навыки оценивались по стобалльной системе один — два раза в полугодие тестированием. По окончании начальной школы учителя решали, в каком классе ученик будет заниматься дальше — в гуманитарном или техническом — ввиду его склонностей. Наиболее способные ученики, отличники, могли сами выбирать, в какой класс идти.

Галлус учился хорошо по всем предметам, кроме иностранного языка — по всем тестам получал не менее восьмидесяти баллов, а по иностранному языку в первом полугодии получил пятьдесят семь баллов, во втором — только тридцать шесть. Флора, прекрасно знавшая язык, который он изучал, занималась с ним каждый день во время каникул. Виникуляр называл сына лентяем, но мачеха заступалась за него, говоря, что изучаемый им язык очень трудный. Она подтянула Галлуса по предмету за каникулы, и следующий тест тот сдал уже на семьдесят баллов.

До Правительства Солнечной системы дошли новости о свирепствовавшей на Нептуне эпидемии эльбум-мортем — это была опасная инфекционная болезнь, уничтожавшая живое существо изнутри; она быстро поражала клетки в организме, и заразиться ею могли и разумные жители планет, и животные. Лучьян тут же отправил на Нептун опытных докторов, врачей, санитаров для борьбы с эпидемией. Правительство провело срочное заседание, на котором обсудили эту болезнь. Некоторые политики говорили, что её занесли искусственным путём враги из других звёздных систем или какие-то враждовавшие группировки на Нептуне. Другие возражали, что такая болезнь уже была там около двух тысяч лет назад, разумные жители заразились от морских животных, многие погибли, но со временем эпидемия утихла. Услышав об этом, Лучьян велел ограничить космические перелёты — посещать другие планеты разрешалось только по особо важным рабочим делам. Города и области на Нептуне, где обнаружилась болезнь, закрыли на карантин.

Но прошло немного времени — и эпидемия вспыхнула уже на Юпитере. Даже при таких ограничениях кто-то перенёс болезнь туда... На Нептуне её почти победили, но она уже

распространялась на других планетах. Вскоре эпидемия вспыхнула и на Сатурне и Уране. Правительство было готово к этому, зная, что четыре планеты-гиганта тесно связаны между собой политикой, промышленностью, торговлей и исключить контакты между ними, космические перелёты уже нельзя. Лучьян отправлял медиков в области очагов эпидемии. Во всех учреждениях и в общественных местах четырёх планет стали вешать памятки об обязательном соблюдении личной гигиены, дистанцировании друг от друга и ношении медицинских масок и перчаток. Были запрещены многолюдные мероприятия, ограничено движение транспорта.

Но эпидемия распространялась на планетах молниеносно, от континента к континенту, от страны к стране. Особенно много заражённых было в южных областях Юпитера и на материке Сатурна Немизии — том самом, где находился Леопальд... За три месяца на четырёх планетах заболело около девяти миллионов жителей. Медики, не зная покоя, самоотверженно боролись с эпидемией, кололи вакцину больным, но почти половина их умирала. И сами медработники заражались и умирали.

Правительство Солнечной системы издало указ о всеобщей изоляции на планетах и их спутниках. На несколько месяцев запрещалось проведение массовых мероприятий, временно закрыли места массового посещения людей, предприятия общественного питания, большинство объектов розничной торговли, различные салоны, образовательные, культурно-досуговые и спортивные учреждения, государственные организации и так далее. Работников и учащихся перевели на дистанционную форму. Тем, кто в любом случае должен был находиться на рабочем месте, выдали специальные карьерные чипы. Оставшимся без работы выплатили компенсацию. При появлении симптомов болезни — слабости, головной боли, жжения в груди или животе — жители обязаны были обратиться за медицинской помощью. Больным и немощным доставляли лекарства и продукты. Из дома разрешалось выходить только в ближайший магазин, аптеку или выбросить мусор.

Лучьян выступил с обращением к жителям Солнечной системы по телевидению и радио. Его выступление транслировалось и переводилось на местные языки на Сатурне, Юпитере, Уране и Нептуне и передавалось в письменном виде на Марс, Землю, Венеру, Меркурий и Плутон и на все спутники планет. Он сообщил, что эпидемия пока прогрессирует, но благодаря своевременным мерам и огромному труду врачей её распространение сдерживается. И призвал всех соблюдать установленный режим и рекомендации врачей, беречь себя и других.

Повальная болезнь дошла до Леопальда и коснулась даже Правительства Солнечной системы. Руководитель администрации Аурелио, советник Калидос, премьер-министр Ризос, министр финансов Жак, министр связи Арундо, министр образования Мастеч и другие заразились, их госпитализировали. Жак и Арундо умерли в больнице, остальных медработники после долгих усилий вернули к жизни.

Политики теперь безвылазно сидели во дворце. Но они не чувствовали большого утеснения, так как и раньше здесь был и дом, и работа.

Флора и Галлус связывались со своими школами через Соларнет — общий Интернет Солнечной системы. Погружались в виртуальный мир, надевая специальные костюмы — комбинезоны, шлемы, перчатки и ботинки, подключённые к компьютерам, и могли гулять по виртуальным улицам и зданиям, общаться с другими людьми. В таком режиме проходили и занятия — они сидели в виртуальных классах, Флора объясняла ученикам материал, а Галлус слушал учителя и выполнял задания.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. СТРАШНОЕ ВРЕМЯ

Однажды Лучьяна, спавшего в своей комнате, разбудили взволнованные Калидос, Лион и Ризос и сообщили трагическую новость, переданную разведкой: предводитель алгольцев Гасан Великий отправил часть своей армии в систему Альфа Центавра, и войска, не получив серьёзного сопротивления, быстро захватили её планеты.

— Систему подвергли страшной бомбардировке, — рассказал Калидос. — Погибло несколько миллионов жителей. Армия Альфы Центавры сдалась после нескольких космических боёв. Уцелевшие жители на кораблях эвакуируются в нашу систему.

— Да, да, мы примем беженцев... — кивнул растерянно Лучьян.

— До нас дошли сведения, что правитель завоёванной системы Камиаста погиб от алгольского снаряда, — сказал Лион. — Но это ещё не подтверждено точно...

— Сам Гасан Великий очень болен и находится в своей системе Алголь, — добавил Ризос. — В систему Альфа Центавра с войсками прибыл один из его сыновей Карнифекс — опытный и жёсткий военачальник, но не такой беспощадный, как отец — он не стремился уничтожить или сделать рабами население покорённых планет.

Лучьян велел своим подчинённым не ударяться в панику. Но им очень трудно было сохранять спокойствие...

Вскоре Президенту пришло послание от самого Гасана Великого. Тот сообщал, что хочет создать огромную, мощную империю из покорённых звёздных систем, что в скором времени собирается завоевать Солнечную систему, и предлагал её жителям добровольно сдаться ему, обещая никого не уничтожать и даже в чём-то сохранить их свободу. Но горе будет им, если откажут ему: армия алгольцев колоссальна по своим размерам, с ней и войска покорённых народов, в систему Альфа Центавра прилетела только сотая её часть, и она легко уничтожит всех жителей и этой системы...

Лучьян устроил собрание Правительства Солнечной системы и зачитал на нём это послание. Политики были очень напуганы, им едва удалось сохранить самообладание...

— Гасану нельзя верить ни в коем случае, — сказал Президент. — Я знаю его уже три столетия, он очень хитрый и вероломный. И в любом случае начнёт истреблять наши народы. Но, даже если бы не тронул, согласимся ли мы все жить в неволе, под властью алгольцев?

Политики зашумели, выражая согласие с ним. Некоторые напомнили, что завоевания ведёт Карнифекс, а сам Гасан в очень плохом состоянии и вряд ли долго ещё проживёт.

— Попробуем договориться о мире с его сыном, — решил Лучьян.

Он написал Карнифексу письмо, в котором упрашивал пощадить жителей его системы, уже и так сражённых страшной эпидемией, и предлагал завоевателю откуп, а в случае несогласия просил хотя бы дать время, чтобы все, кто хочет, могли эвакуироваться из Солнечной системы (за это время Президент собирался хоть сколько-нибудь укрепить космическую армию).

Посольство из ста восьми человек во главе с министром внешней политики Юстином отправилось с письмом Лучьяна для переговоров в систему Альфа Центавра.

Жители Солнечной системы, особенно сатурниане, знали об угрозе алгольского вторжения и в многочисленных письмах просили Президента не оставлять их врагам и извещали о своей готовности бороться до последнего. Лучьян вновь выступил по телевидению и радио, успокоил всех, сказав, что, возможно, удастся договориться с алгольцами о мире.

Но ему самому становилось всё тревожнее и тревожнее. Неужели миллионы народов Солнечной системы с их цивилизациями будут уничтожены алгольцами, а он, столь почитаемый и любимый правитель, не сможет их спасти?..

— Господи Боже, — молился он, — спаси наши народы... Один Ты можешь это сделать. Я — маленький, слабый человек, пылинка, которую легко сдуть... Прошу, защити нас всех...

Министр обороны Антонио доложил Лучьяну о начавшемся строительстве межпланетной магистрали в Солнечной системе — за последнее время участились столкновения кораблей между собой и с астероидами в космосе, и Правительство решило ограничить движение космического транспорта искусственной орбитой.

Лучьян отдал приказ о приведении армии Солнечной системы в полную боевую готовность. Был даже выработан план возможной войны с алгольцами: при нападении их устроить несколько ядерных взрывов на границах системы, затем пустить в ход роботов и всю новейшую технику и только после этого отправить в бой живую армию. Президента известили, что для обороны создано уже одиннадцать миллиардов мощных роботов. Он отправился в космическую командировку, чтобы осмотреть межпланетную магистраль и технику на границах Солнечной системы.

Магистраль, прокладываемая от Сатурна к Юпитеру, оказалась широким туннелем из металлических пластин и резины. Летевшие с Лучьяном инженеры рассказали ему, что она гибкая и будет вытягиваться и сокращаться — в зависимости от движения планет по своим орбитам. Такими трассами планировалось соединить Сатурн, Юпитер, Уран и Нептун. Движение космических кораблей, паромов и вертолётов, по отдельным коридорам для каждого вида транспорта, будет регулироваться светофорами и роботами-инспекторами. Там создадут и космические станции с заправками, магазинами и гостиницами. Пока построили несколько миллионов километров магистрали.

Солнечная система была по сферическому периметру защищена пограничными войсками и военной техникой. На границах находились роботы с лазерным оружием, истребители-бомбардировщики, пушки с магнитными рельсами, центробежные пушки, ядерные реакторы и другая техника. Всё это раскинулось на миллиарды километров...

— Ни один вражеский корабль не прорвётся за эти пределы, — сказал Лучьяну Антонио, когда они, замедлив скорость, приблизились к рубежам системы. — Алгольские истребители, если прилетят сюда, потерпят серьёзную катастрофу. И все

наши войска соберутся там, где они появятся, и тогда врагам совсем плохо придётся...

Они осмотрели технику у границ Солнечной системы, потом отдохнули на космической станции возле Плутона и полетели обратно на Сатурн.

По прибытии во дворец Лучьян узнал страшную новость: умерла его невестка Флора. Она ходила в магазин за канцелярскими принадлежностями и по возвращении почувствовала себя очень плохо. Её увезли в больницу, там подтвердилось заражение вирусом эльбум-мортем, и бедная женщина всего за несколько часов сгорела, врачи не смогли ничего сделать... Виникуляр и Галлус уже похоронили её.

Оплакивая любимую невестку вместе с сыном и внуком, Лучьян понимал, как тяжело ему пережить всё случившееся, но опускать руки сейчас было нельзя...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. НА КРУГИ СВОЯ

В Солнечную систему прибыло около двухсот пятидесяти миллионов беженцев из системы Альфа Центавра, их расселили на четырёх планетах-гигантах. Многие из них почти ничем не отличались от людей внешне, разве что были выше ростом, с вытянутыми головами и мягкими, словно щупальца, пальцами. Гостей заселили в общежития, многих взяли к себе домой местные обитатели, большинство их устроили на работу, а безработным стали выплачивать пособия. Катастрофически большие суммы из казны Правительства ушли на борьбу с эпидемией, военную технику и вооружение, но Лучьян при подсчёте денег обнаружил, что осталось даже значительно меньше, чем должно быть. У него мелькнула догадка, что украл кто-то из подчинённых, однако он упрекнул себя за недоверие к ним — сам ведь тщательно выбирал их, и они добросовестно выполняли свои обязанности всё это время...

Вскоре после смерти Флоры в больницу с заражением попал Галлус. Когда мальчика готовили к операции, у него был жар и он бредил, и к нему применили наркоз. Виникуляр всё это время находился в больнице, даже спал там. Часто приходил Лучьян, спрашивал о состоянии внука. Оба сильно беспокоились и молились о его выздоровлении. Операция прошла успешно, из организма Галлуса удалили вирус и поражённые им клетки. Но он был очень слаб и долго ещё находился в больнице. Отца и деда пустили к нему уже незадолго до выписки. Они были безмерно счастливы, что всё обошлось, обнимали и целовали

его, благодарили Бога...

После смерти жены и заражения сына Виникуляр заболел панкреатитом — нарушением работы пищеварительной системы, при котором требовалось каждый день принимать прописанные лекарства и соблюдать строгую диету. Причиной этого стали нервные потрясения и неправильное питание. Виникуляр начал полнеть, и это могло ухудшить течение болезни. Доктор Рубрум теперь тщательно контролировал его состояние здоровья. Лучьян был подавлен всеми бедами и горями, что свалились на его голову, и не знал, как их пережить...

Но постепенно всё стало возвращаться на круги своя. Вернувшееся из системы Альфа Центавра посольство сообщило, что Карнифекс и прежде не горел желанием вторгаться в Солнечную систему, помня, как её армия три века назад разбила алгольские войска, а теперь, услышав об эпидемии, ещё больше испугался и написал отцу, что не собирается нападать на «рассадник заразы». Правда, послам ничего не обещал, только попросил связаться с ним позже и отправил обратно в Солнечную систему. А там эпидемия уже шла на спад, обитатели вышли из изоляции, вернулись к прежней жизни. Лучьян благодарил Бога за то, что всё так получилось. Он выступил по телевидению и радио и сообщил жителям о результатах переговоров с Карнифексом и о снятии режима изоляции в Солнечной системе.

По окончании начальной школы Галлус получил документ с результатами итогового тестирования: по всем предметам у него были отличные результаты и только по иностранному языку — посредственный... Отец и дедушка поздравили мальчика и поместили его «аттестат» в семейный архив.

Он стал учиться в гуманитарном классе средней школы. Теперь преподавали родной язык, литературу, историю, философию, обществоведение, музыку, мировую художественную культуру, два иностранных языка и искусственный язык электро — общий, универсальный язык Солнечной системы, введённый Правительством. Поначалу Галлус огорчился из-за иностранных языков и начал роптать на деда и его коллег, что ввели ещё электро, но потом немного успокоился, узнав, что потребность в изучении языков должна была скоро исчезнуть: уже изобрели универсальные переводчики — маленькие смартфоны с наушниками, которые могли в голосовой форме перевести слова говорящего собеседнику с любого на любой язык Солнечной системы. Также в школе было много клубов и кружков: киноклуб, спортклуб, дискуссионный клуб, творческий

кружок, художественная студия, танцы, музыкальный театр. Галлус стал ходить в театральный кружок, всё больше увлекался представлениями и спектаклями и начал ездить со сверстниками на гастроли в другие города.

Однажды Лучьян увидел Винукуляра в столовой дворца — тот сидел за столом, держал в руках письмо и плакал. Отец подошёл к нему и спросил, что случилось. Сын протянул ему письмо, и старик, сев рядом, прочитал его. Оно было от Элизабет. Мать рассказывала о своей жизни в Паласте (на Марсе) и спрашивала Винукуляра о его делах, желала ему долгой и счастливой жизни с Флорой, ещё не зная о его трагедии...

Лучьян молча обнял сына, стал гладить по голове...

— Папа, почему у меня всё так происходит в жизни? — спросил тот. — Только женюсь — и моя любимая погибает... На мне проклятье, что ли? Как же нам с сыном плохо без Флоры... Она была настоящим солнышком, светившим и согревавшим...

Отец дал ему вволю выплакаться. Потом рассказал, как сам терял близких людей — мать, отца, брата, жён, сыновей, внуков и других — и каждый раз чувствовал, что умрёт от горя, но время как-то притупляло боль...

— Папа, спасибо, что ты есть у меня, — ответил Винукуляр. — С твоей безграничной любовью и добротой... Никто больше так не успокоит, не ободрит...

Вскоре послы Президента, передавшие землянам его последнюю речь, вернулись с радостным известием от Лесмьяна из Москвы — у него и сожительницы Елены несколько месяцев назад родился сын Савва. Лучьян с умилением разглядывал изображение племянника, присланное ему: пухленький белокурый малыш в синей шапочке и комбинезончике с улыбкой обнимал маленького щеночка... И старик отправил брату письмо с самыми лучшими пожеланиями и подарки для малютки — разные вкусности, подключённую к смартфону жилетку с искусственным интеллектом, следившую за здоровьем ребёнка, видеоняню — прибор для удалённого наблюдения за ним — и большой запас батареек к технике.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. КОМАНДИРОВКА НА МАРС

Лучьяну предстояло совершить командировку на Марс, чтобы посетить Большую выставку технологий в Паласте и провести совещание, посвящённое техническим нововведениям в Солнечной системе. В том городе жили Вайс и Элизабет со своим большим семейством, и отец предложил Винукуляру отправиться с ним, повидаться с матерью, и тот с радостью согласился. И они

полетели на Марс — Лучьян, Виникуляр, Галлус, доктор Рубрум, Пресидио, Геренс, Лион, Калидос, Ризос и другие.

Паласт сильно изменился за то время, что Лучьян не был здесь. Вместо каменных и деревянных домов, похожих на шкафы и ящики, появилось много новых зданий в классическом стиле, светлых оттенков, с колоннами. В разросшийся город приезжало много народа из разных империй на постоянное место жительства, прибывали туристы с других планет, но «хозяевами» там оставались зелёные марсиане.

Приземлившись на космодроме, наши путники были встречены представителями местных властей и на автомобилях доставлены во дворец, где их уже ждали.

Возле дворца стояла целая толпа людей с пожилыми мужчиной и женщиной во главе. Он был уже седой, с короткой бородой, а женщина выглядела ещё довольно молодо. Лучьян с трудом узнал в них Вайса и Элизабет. И обнялся с ними, потом они обняли Виникуляра и Галлуса и представили гостям двух дочерей, сына, двух племянников, многочисленных внуков и слуг, а Лучьян познакомил хозяев со своими коллегами.

Высокий забор окружал дворец. У двустворчатых металлических ворот стояли стражи. Во дворе располагались зелёные лужайки, росли небольшие деревца и цветы. Здание дворца тоже было построено в классическом стиле, из белого камня, с колоннами и аркообразными окнами. Он состоял из множества комнат: гардеробной, зала, гостиной, кухни, столовой, нескольких спален и других.

Хозяева устроили гостям экскурсию по дворцу. Потом накормили их обильным ужином: здесь были разные супы, мясные блюда, каши, пироги и салаты. Виникуляр, Галлус и коллеги Лучьяна ели за обе щеки, а сам он еле притронулся к блюдам. Когда Вайс спросил, не заболел ли его друг, тот ответил с улыбкой:

— В последнее время аппетита совсем нет... Мясо давно уже не ем.

Вайс кивнул: он знал, сколько всего пришлось пережить Лучьяну за последние годы...

После ужина гости разбрелись по всему дворцу. Виникуляр долго разговаривал с матерью в её спальне, рассказывал ей про свои несчастья, и она утешала его. Лучьян пил вино с Вайсом, Лионом и Ризосом на открытой веранде, рассказывал им, как почти шесть веков назад путешествовал по Марсу с друзьями. А Галлус играл в бильярд с внуками Вайса и Элизабет и детьми их слуг.

Отдохнув немного во дворце, Президент с сыном, внуком и коллегами поехали на автобусе к горе Олимп. Там был построен городок, названный так же, с горнолыжным курортом. Они пожили некоторое время в отеле, покатались с горы на лыжах и сноубордах, Лучьян посещал водолечебницу, а Виникуляр и Галлус — кинотеатр, боулинг и игровые центры. Галлус снялся в рекламном ролике курорта и принёс ему огромную известность: узнав, что там отдыхает внук самого Президента Солнечной системы, туристы начали стекаться туда толпами. Лучьян пытался найти могилу своего племянника Акияза, погибшего при сходе лавины, но безуспешно: многое здесь поменялось, и никаких примет захоронения не осталось.

По возвращении в Паласт Президент и его коллеги посетили Большую выставку технологий, о которой очень много писали и говорили.

Там они увидели автономных роботов. Учёные рассказали гостям о своей работе над искусственным интеллектом, мимикой и чувствами, различными движениями этих новейших устройств. Роботы проводили разные спортивные состязания, танцевали, общались с гостями. Президенту и его спутникам показали 3D-принтеры, на которых изготавливались разные блюда из полуфабрикатов. И очки дополненной реальности, соединявшие реальный мир и виртуальный: они создавали трёхмерное чёткое изображение, которое можно было наблюдать отдельно или накладывать на реальные объекты. Прошла презентация термоядерного реактора — устройства, которое уже устанавливалось в автомобили. Посетители рассмотрели дроны и другие летательные аппараты, созданные для курьерской доставки на планеты Солнечной системы. И беспилотные автомобили. И крошечные чипы, вживляемые в тело человека для связи со смартфонами, системами защиты, играми и виртуальной реальностью.

После посещения выставки, вернувшись во дворец, политики долго обсуждали изменения, которые в скором времени должны были коснуться всех регионов газовых гигантов, а потом и остальных планет системы.

Реальный мир потихоньку уступал место виртуальному. И здесь, на Марсе, обитатели пользовались уже не наличными деньгами, а электронным кошельком. Медицина тоже становилась виртуальной — врачи осматривали пациентов удалённо, с помощью сенсоров и медицинских трекеров на теле. Человеческие

органы в дальнейшем должны были также печататься на 3D-принтере. А одежда — подключаться к Интернету. Некоторые корпорации делали своими начальниками роботов — с их развитым искусственным умом.

Путникам пора было уже возвращаться домой, на Сатурн, но Элизабет очень привязалась к Виникуляру и Галлусу и не хотела их отпускать, а политики ездили на экскурсии по городам, так что все задержались. Перед вылетом домой Лучьян сказал Элизабет:

— Нам пора лететь... Скоро у Галлуса начнутся подготовительные занятия в вузе, потом будут экзамены в школе и поступление в вуз. Он хочет стать актёром. Пусть у него всё получится...

— Обязательно получится... — ответила она, прослезившись, и Лучьян обнял её, успокоил.

На прощальном ужине он произнёс тост за здоровье хозяев дворца, их семьи и слуг, выпил вина и сказал:

— Душа радуется, когда смотрю на вас... Хорошая семья, большая, дружная... Живите долго и счастливо, так же любите друг друга, заботьтесь друг о друге...

Путники улетали домой с большой грустью — не хотелось расставаться с холодным, но гостеприимным Марсом, с большим семейством и уютным дворцом...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. УЛЬТИМАТУМ КАРНИФЕКСА

В Леопальде было несколько десятков театральных вузов, и Галлус, выбрав три лучших, стал посещать подготовительные курсы в одном из них. На курсах абитуриенты занимались сценическим общением, этюдами, анализом литературного материала. Им рассказали много интересного деятельности актёров, о работе над сценическим образом и создании спектакля. Галлус сделался более уверенным в себе и одолел страх сцены.

На итоговых экзаменах в школе по всем предметам, кроме иностранных языков, он получил отличные оценки, по языкам — хорошие.

И вместе с отцом обошёл три выбранных вуза, они отдали в каждое заведение копии сертификатов экзаменов по родному языку и литературе и написали заявления о принятии в училища. Потом Галлус дома репетировал программу, которую должен был прочитать перед приёмной комиссией. Отец и дед предупреждали его, что в выбранные вузы поступить нелегко — и конкурс высокий, и отказать в принятии могут сразу из-за

неподходящего типажа или во время чтения монолога. Но тот ответил, что внуку самого Президента не откажут, наоборот, вузы будут бороться за него.

Он подготовил монолог воина Майлза из древнего народного эпоса «Беллум», популярного здесь, на Сатурне, и блестяще прочитал перед приёмной комиссией — мастером курса и несколькими преподавателями. Потом исполнил отрывки из прозы, стихотворения и басни классиков и заметил, что его слушают с удовольствием, хотя один старый преподаватель и пытался «забраковать» юношу. Но Галлус успешно сдал и творческие испытания по актёрскому мастерству, хореографии и вокалу, прошёл собеседование, на котором рассказал о своём школьном театре. Педагоги отметили, что у него очень сильная харизма и способность к перевоплощению, хорошая пластика и музыкальный слух, однако голос ещё не сильно развит. Его приняли. В других вузах он уже не читал программу, так как поступил в самый подходящий.

Вернувшись домой, Галлус обрадовал отца и деда, заказал по Интернету пиццу, пирожные, шампанское и вино, и они отметили его успешное поступление. С ними выпили за настоящие и будущие успехи юноши Рубрум, Пресидио, Фред, Магнус, Лион и другие.

...Учёба в театральном вузе оказалась трудной, насыщенной, занимала всё время, кроме еды и сна. Там преподавали родной язык и культуру речи, историю литературы разных стран, всеобщую историю, философию, историю театра и кинематографа, сценическую речь, пластическое воспитание, мастерство артиста, музыкальное воспитание, физическую культуру и другие предметы. В каждом семестре студенты ставили что-то на сцене — прозу, драматургию, этюды, мюзикл, цирковое представление и так далее, — а в конце обучения показывали дипломный спектакль. Любимым предметом Галлуса была сценическая речь. Он стремился к яркому и выразительному звучанию голоса на сцене. Студентов обучали правильному дыханию, расширяли их голосовой диапазон, развивали дикцию, добивались правильной постановки и интонации голоса.

Галлус участвовал в международном конкурсе чтецов в городе Барбарисе в нескольких тысячах километров от Леопальда, в фестивале «Вербум» в городе Мелато на другом континенте и стал лауреатом международного театрального фестиваля «Парабола» в городе Маскифе ещё на одном континенте. Он публиковал свои рассказы и пьесы в вузовском альманахе «Сцена», и их читали с большим интересом.

По окончании второго курса Галлусу предлагали отправиться на стажировку на Юпитер, в одно из лучших театральных училищ Грайюнкма, и обещали предоставить там квартиру для проживания. Ему хотелось повидать родину деда, и Лучьян с Виникуляром были не против. Они помогли юноше собраться в дорогу...

Приблизённым Лучьяна теперь не хватало для колонизации планет и спутников Солнечной системы, так как её население стремительно росло.

На заседании, посвящённом этой проблеме, Ризос рассказал Лучьяну о нескольких незаселённых планетах в других звёздных системах, на которых были подходящие условия для жителей Солнечной системы и которые они могли колонизировать. Самая близкая планета находилась в двенадцати световых годах, самая далёкая — в тысяче двухстах. Корабли Солнечной системы, способные развить скорость в тысячи раз больше света, могли в разумный срок добраться до них. Это были скалистые планеты, с наличием жидкой воды, с температурой от минус тридцати до плюс семидесяти градусов Цельсия, у некоторых планет одна сторона, всё время повернутая к звезде, сильно нагревалась, а другая — охлаждалась, но некоторые жители Солнечной системы привыкли и к аномальной жаре, и к холоду. Президент велел провести опрос населения Солнечной системы об отношении к возможной колонизации, и две трети поддержали идею. На выбранные планеты снарядили большие экспедиции, намереваясь за два-три года построить там огромные базы и заложить первые города.

Лучьяну пришла посылка от внука из Грайюнкма — с письмом, коробочками и баночками со сладостями, сувенирами и книгой правнука Руслана «Загадки Солнечной системы». Галлус писал, что успешно проходит стажировку, живёт у Руслана по его приглашению, тот стал известным астрономом; что виделся с преподавателями и учащимися Каллир-Кадена, они ждут Президента в гости и отправили ему подарки. Книга оказалась очень интересной: автор высказывал гипотезы происхождения Солнечной системы, отдельных планет, писал о некоторых исчезнувших небесных телах, доказывая с помощью астрономических расчётов, что раньше между Юпитером и Марсом вращались две планеты — одна разлетелась от метеоритной бомбардировки, а другая — от столкновения с Нибиру, и была ещё пятая планета-гигант, выброшенная из-за космических катаклизмов за пределы Солнечной системы.

Политики сообщили Лучьяну, что корабли, отправленные к другим звёздным системам для колонизации планет, добирались до самых дальних по несколько месяцев. На следующем заседании обсудили возможные способы увеличить скорость судов в межзвёздной среде: найти новое, более сильное топливо, использовать квантовую телепортацию, деформировать пространство и время и так далее. Но всё это пока оставалось фантастикой и дальше теории не продвинулось.

В Солнечную систему пришло от разведчиков потрясающее известие: скончался Гасан Великий. Он долгие годы болел и умер в страшных муках. Сколько звёздных систем теперь вздохнуло свободно: больше их поработителя и губителя нет! Жители Солнечной системы отмечали это как настоящий праздник. Её Правительство устроило несколько пиров во дворце. Президент открыто не радовался смерти врага, но признавал, что у него будто камень с души свалился.

Вскоре ему пришло письмо от Карнифекса из системы Альфа Центавра. Тот сообщил, что отец перед смертью велел ему найти и казнить Лучьяна. Он предлагал добровольно сдаться в плен и пойти на эшафот, клятвенно обещая при этом не вторгаться в Солнечную систему. Но, если тот откажется, грозился напасть, поработить её и добраться до него самого... Когда Президент зачитал письмо своим подданным, все в один голос пообещали сбросить его и не выдать врагу.

— Но, как я понял, Карнифексу не нужна Солнечная система, ему нужен только я, — сказал Лучьян. — Он честный и прямолинейный алголец, в отличие от своего отца...

— Он хочет отобрать у Солнечной системы самое дорогое — правителя, — ответил Калидос. — Без тебя и армия, и население будут деморализованы и не смогут в полной мере противостоять алгольцам. Мы никому тебя не отдадим. У нас мощная армия, алгольцы сильно пожалеют, если сунутся сюда...

Но Президент не хотел, чтобы население Солнечной системы гибло. Он был рад возможности пожертвовать только своей жизнью. Больше всего доверяя своему брату Лесмяну, опытному, честному и мудрому политику, пока тайно выпустил указ, чтобы в случае гибели Президента тот занял его должность. Виникуляр находился в командировке, и Лучьян написал для них с Галлусом письмо, в котором говорил, что очень любит их, и велел слушаться Лесмяна. Указ и письмо он оставил в спальне сына.

И тайком покинул дворец, когда все спали. Взял на стоянке один из служебных кораблей-челноков и на нём улетел. Возле границ Солнечной системы был остановлен патрулями, но, предъявив им свои документы, именем Президента велел пропустить его. Удивлённые стражи повиновались ему...

Родная система осталась позади. Лучьян летел один в межзвёздном пространстве, набирая скорость, и со слезами думал: «Всё мечтали мы о быстрых полётах, о колонизации дальних планет, а покидаю я вас совсем с другой целью и навсегда... Прощай, моя Солнечная система! Долгой жизни и процветания тебе!»

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ДОЛГОЖДАННЫЙ МИР

Полёт в систему Альфа Центавра показался ему целой вечностью. Лучьян сильно устал и изголодался. У него появилась слабая надежда договориться с Карнифексом о сохранении ему жизни и перемирии, хотя последняя воля отца и была для того законом...

У границ системы Альфа Центавра он снизил скорость и его остановили алгольские инспекторы. Предъявив им свои документы, сообщил, что прибыл по требованию нового алгольского правителя.

— Ливиса? — спросили блюстители порядка.

— Нет, Карнифекса, — ответил он, удивившись.

— Карнифекс погиб недавно в космической катастрофе, — известили его. — Возможно, это было покушение... Сейчас выясняются обстоятельства трагедии. Погибшего заменил на посту его брат Ливис. Он только что прибыл в эту систему, находится на Нейтриоле. Наши стражи сопровождают вас к нему...

Его пересадили на другой челнок и доставили на планету Нейтриол, в город Троунор, в огромный мрачный дворец, выглядевший пустым. Препроводив Лучьяна в одну из комнат, велели ждать, когда правитель освободится. Путник сидел в комнате с высоким потолком под охраной двух алгольцев и думал: что же с ним теперь будет при новом правителе?.. Имя Ливис показалось ему знакомым, но он так и не вспомнил, откуда его знает.

Наконец за ним пришли. Ещё двое алгольцев громадного роста обступили Лучьяна и повели в тронный зал. Там в окружении свиты сидел в кресле толстый великан, очень похожий на человека, с короткой белой бородой, большим животом, в рубахе и штанах.

— Лучьян, это ты! — заговорил он на языке электро, увидев своего пленника. — Как же я рад тебя видеть! Ты помнишь меня?

Он поднялся, взял старика в руку, сел в кресло и поставил его на подлокотник.

— Сколько лет прошло! — продолжил Ливис. — Я был совсем маленький, когда отец принимал вашу компанию во дворце. Мы с тобой играли вместе, ты читал книги в дворцовой библиотеке...

— Ливис, конечно же, я вспомнил тебя! — обрадовался Лучьян. — Ты такой же весёлый, изменился только внешне...

— А ты, по-моему, совсем не изменился...

Ливис расспросил гостя о его жизни, деятельности, путешествиях. Потом рассказал о себе: он имел большую семью на родной планете, только жил несчастливо — отец постоянно вмешивался в его жизнь, контролировал, ругал, оскорблял. У Гасана Великого было семьдесят сыновей и сорок семь дочерей, он отправил сыновей с войсками на завоевание звёздных систем, и все погибли, три сына служили при нём, двое умерли, остался один Ливис, который работал с документами при дворе, отличался трудолюбием и прилежанием, но отец постоянно придирался к нему и не давал житья.

— От него страдали и близкие, и подчинённые, и народы нашей и завоёванных систем, — говорил Ливис. — Отец был грозой сотен звёздных систем, его имени боялись и в очень далёких системах, за тысячи световых лет... Но только зачем нужна такая власть, когда тебя боятся и ненавидят?.. Нет, я освобожу все завоёванные системы и буду по-дружески помогать им, хотя вряд ли сумею возместить тот ущерб и горе, что он принёс...

Лучьян не верил своим ушам. Какое же счастье выпало ему и его народам! Никакой угрозы больше нет, народы Солнечной системы будут жить в мире и процветать! Алгольцы теперь не опасны, у них новый предводитель — добрый и справедливый...

Пришёл дворецкий и известил, что правители завоёванных Гасаном Великим систем прибыли во дворец. Ливис велел дать им отдохнуть после долгого пути и сказал Лучьяну, что собирается сообщить им нечто важное.

— Хорошо, что и ты прилетел, — добавил он. — Тебя это тоже касается...

— А что с правителем системы Альфа Центавра Камиастой? — спросил Лучьян. — Он жив?

— К сожалению, нет, — вздохнул Ливис. — Он погиб во время захвата системы войсками Карнифекса. Сейчас уже выбран новый её правитель — это опытный политик, в прошлом заместитель Камиасты Вилли Нобис.

Лучьяну стало грустно. Хотя он и давно не виделся с Камиастой, но помнил, сколько всего они вместе пережили в алгольском плену, как радовались успехам друг друга и поздравляли друг друга со значимыми событиями...

Через некоторое время Ливис и Лучьян отправились в другой, более просторный зал, где собрались правители звёздных систем Сириус, Прочион, Альтаир, Вега, Регул, Кастор, Альдебаран, Арктур и других со своими приближёнными, слугами, переводчиками, журналистами и другими. Прибыли правители не всех завоёванных систем — некоторые не смогли прилететь, а в некоторых системах вовсе не было главы, хотя большинство их прислало своих представителей.

Ливиса встретили бурными аплодисментами и овациями. Выйдя на середину зала, он без предисловий объявил, что дарует свободу всем завоёванным его отцом системам. Ликование, поднявшееся после его слов, оглушило Лучьяна. Но Ливис жестами восстановил тишину в зале и предложил всем собравшимся правителям подписать договор между системами о мире и взаимопомощи. Он по очереди вызывал правителей, и те ставили свои подписи. Подписал договор и Лучьян.

После этого был торжественный банкет. Все ели и пили за длинными столами. Лучьян сидел на высоком стуле рядом с Ливисом. Он попробовал некоторые диетические блюда и десерты системы Альфа Центавра и остался очень доволен. Теперь ему удалось получше разглядеть правителей звёздных систем: один был лиловым великаном с рогами, другой — огромным циклопом с ушами-трубочками, третий — одноглазым «мутантом», страшнее монстров, четвёртый — с треугольной головой и шестью глазами, пятый — чешуйчатый карлик с хоботом, шестой — с выпяченным далеко назад затылком и отростками на голове и так далее. И с каждым правителем прилетело множество таких же, как он, существ. Только Президент Солнечной системы был в единственном «экземпляре». Гости из каждой системы имели свой язык, жесты, издаваемые звуки и запахи, но он не проявлял брезгливости к ним, понимая, что и сам может казаться кому-то из них безобразным...

Лучьян стал очень популярен в системе Альфа Центавра:

средства массовой информации писали о нём как о герое небывалых масштабов, безмерно отважном, узнав, что он прибыл в систему совсем один, без охраны, приближённых и даже пилотов, а потом — что летел к Карнифексу на собственную казнь; жители системы были поражены его мужеством и самоотверженностью.

Лучьяна с честью отправили на алгольских кораблях в родную Солнечную систему. Ливис полетел вместе с ним, чтобы обратиться с речью к народам.

...На Сатурне после исчезновения Президента поднялась паника: он будто провалился сквозь землю, никому ничего не сказав... Его приближённые обыскали дворец, нашли в спальне Виникуляра оставленные им указ и письмо и поняли, что тот улетел из Солнечной системы; пограничные патрули вскоре подтвердили это. Почти все были уверены, что он полетел сдаваться Карнифексу, чтобы спасти Солнечную систему, но пятеро политиков — пресс-секретарь Геренс, руководитель аппарата Правительства Майло, новый министр финансов Небуло, министр сельского хозяйства Кастелум и зампредседателя Правительства Севрус — стали говорить, что Лучьян просто удрал на Нибиру или в какую-нибудь другую систему, спасая свою жизнь. Его сторонники горячо возмутились, и во дворце произошла ужасная потасовка, после которой попали в больницу многие политики... На выручку Президенту никто в соседнюю систему не поспешил.

Лишь через некоторое время Виникуляр, вернувшись из командировки и прочитав указ и письмо, приготовился лететь за отцом вместе с армией Солнечной системы. Но вскоре пограничные войска системы сообщили ему, что Лучьян вместе с алгольцами уже подлетает к системе. Виникуляр ничего не понял, только удивился...

...Президента и его гостей — Ливиса с приближёнными — торжественно встречали в космопорте жители Леопальда. Ливис тут же обратился к леопальдцам с речью, в которой просил прощения за тот ущерб и горе, что причинил их предкам в давней войне его отец, и обещал им всяческую помощь и содействие. С этой речью он потом выступал в крупнейших городах Сатурна и Юпитера, и Лучьян с Виникуляром всюду ездили с ним.

Жители Солнечной системы, узнав о том, что Президент собирался пожертвовать собой ради их благополучия, прониклись к нему ещё большей, безграничной любовью. Они встречали его во всех городах с приветственными плакатами, говорили тёплые

слова, засыпали письмами и открытками со словами любви и благодарности. Лучьян со спутниками посетил Грайюнкм, встретился с Галлусом и Русланом, который стал белобородым стариком, побывал в театральном вузе внука и в Каллир-Кадене, съездил в город детства Смолоз (Кириф) и мегаполис Люсию, в окрестностях которого сфотографировался на фоне гигантского древнего полуразрушенного храма бога Самсуна. Галлус к тому времени окончил стажировку, и отец с дедом забрали его домой.

Вернувшись на Сатурн, друзья отправились отдыхать на море. Они плавали на частном искусственном острове, который недавно приобрёл Виникуляр. Это была огромная платформа на четырёх опорах, с уютными апартаментами, пляжем, бассейном, парком, кафе и кинотеатром. Остров имел квадратную форму, сто на сто метров, и передвигался в море с помощью нескольких двигателей.

Хорошо отдохнув у друзей, Ливис собрался лететь в другие системы, чтобы выступить там с той же речью, что и здесь. Прощаясь с Лучьяном, его сыном, внуком и приближёнными, он договорился переписываться с ними и иногда видеться. Вслед за ним в систему Альфа Центавра стали улетать беженцы, благодарные жителям Солнечной системы за тёплый приём.

Вскоре Лучьяну пришло известие от Лесмяна с Земли: погиб его маленький сын Савва — упал в колодец и захлебнулся... Ему было шесть лет, он рос добрым и весёлым мальчиком... Старик оплакивал своего племянника, и не мог остановиться, и всё думал: вот какая она, судьба — после радости всегда придёт какое-нибудь горе...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. СВЕРЖЕНИЕ

В театральном училище произошло событие, вызвавшее широкий общественный резонанс. Философию у Галлуса на одном из курсов преподавал профессор Феймин, который хотел «забраковать» его при поступлении. Тот ходил на все занятия и прилежно учил материал, в конце курса получил высокий балл по предварительной письменной работе, но на устном экзамене преподаватель стал задавать ему самые сложные вопросы и, хотя Галлус отвечал весьма неплохо, поставил низкую оценку. Юноша сильно возмутился. Феймину он ничего не сказал, но написал про него много оскорблений в социальных сетях и на форумах вуза, пуская в ход ненормативную лексику. Вскоре об этом стало известно всему вузу, и провинившегося студента вызвали вместе с отцом в кабинет директора, где собрались преподаватели.

Отец задерживался, Галлус стоял перед ними один, и они ругали, стыдили его за оскорбление почтенного профессора, грозились отчислить и требовали, чтобы просил прощения, а Феймин надменно смотрел на него... Юноша не сдержался и заплакал: стало больно и от слов преподавателей, и от мысли, что сейчас придёт отец и тоже устроит ему взбучку... Но Виникуляр, войдя в кабинет и увидев, что преподаватели отчитывают его сына, потребовал объяснения. Когда ему всё рассказали, он произнёс:

— Да кто вы такие, чтобы ругать президентского внука... Вы всего лишь мелкие сошки и должны почтительно относиться к моему сыну, не смейте делать ему замечаний и тем более ругать! Галлус — один из лучших студентов, талантливый актёр. Ваш недоумок Феймин своей несправедливой оценкой испортил ему будущий диплом, а вы своими речами подрываете его веру в себя... Президент накажет вас за это по всей строгости!

Галлус удивился: строгий отец впервые заступился за него! Преподаватели не на шутку испугались, Феймину стало плохо, и ему вызвали неотложку. Виникуляр забрал у директора документы сына, и они навсегда покинули этот вуз.

Это был не единственный случай, когда Виникуляр проявлял высокомерие в связи со своим высоким статусом, но об этом происшествии говорили больше всего, много писали в прессе и Соларнете. И профессор Феймин, и Виникуляр горячо осуждались обществом за этот скандал.

Узнав о случившемся от сына и внука, Лучьян расстроился, но не стал никого винить, только спросил Галлуса, что он думает делать дальше.

— Начну трудиться, — ответил тот. — Между Сатурном и Юпитером прокладывают магистраль, там рабочие всегда нужны. Мы с двумя школьными друзьями уже давно хотели поработать в космосе...

— Нет, это очень сложно и опасно, — возразил Виникуляр. — И не тебе, внуку Президента, быть простым рабочим. Ты выберешь другой вуз, поступишь в него и всё-таки выучишься на артиста...

Вскоре они узнали, что профессор Феймин умер в больнице от сердечного приступа. Преподаватели были в сильном смятении, боялись наказания от Президента, и наконец директор написал Лучьяну письмо, в котором просил прощения за скандал и умолял не предпринимать никаких мер в их отношении. Тот в ответном письме говорил, что не собирался никого наказывать, но всё же просил уважительно и объективно

относиться к студентам.

На Уране вспыхнула эпидемия инфекционной болезни, от которой страдали в основном дети, и Президент распорядился выделить средства на борьбу с ней. И собирался помочь также тяжелобольным детям на всех планетах системы. Но ему сообщили, что количество денег в казне постоянно уменьшается и их осталось совсем мало. Лучьян заволновался. Прежде чем допросить своих приближённых, он решил поговорить с сыном. Виникуляр выслушал и успокоил его:

— Скоро вор найдётся и будет наказан. Я незаметно прикреплю микроскопические жучки к одеждам всех членов Правительства и обслуживающего персонала и вычислю казнокрада.

Через некоторое время он предоставил отцу аудиозапись: пятеро политиков — Майло, Геренс, Небуло, Кастелум и Севрус, — отдыхая где-то вместе, говорили о похищенных из казны деньгах, каждый украл немало, но большую часть взял Майло, кроме того, он всё время службы подворовывал оттуда. Лучьян ахнул, узнав об этом. Пятеро друзей договорились вместе бежать в другую звёздную систему. Четыре сообщника объединились вокруг Майло, обещавшего хорошие деньги за верную службу ему. «Надо драпать, пока проклятый старикашка не вычислил нас», — сказал он о Лучьяне.

Но они не успели даже собраться в дорогу, как всех пятерых арестовали. Виникуляр руководил их допросами. Боясь наказания, они сознались в краже и рассказали, где спрятали деньги. Майло хранил в тайнике немислимо большую сумму, Лучьян с трудом поверил, когда ему рассказали, сколько было изъято у этого казнокрада. Когда он пришёл на один из допросов, Майло стал ползать у него в ногах, умоляя о пощаде:

— Эта страсть к деньгам, к наживе заглушила во мне всё... Я лишился рассудка. Прошу, отправь меня в психиатрическую клинику, мне нужно лечиться!

— Не прикидывайся сумасшедшим, Майло, — ответил Лучьян. — Ты украл столько денег, что хватило бы на несколько тысяч жизней в роскоши! А малыши тем временем умирают от болезней! Воровать у детей — это непростительный грех...

И он ушёл, передав судьбу воров в руки правосудия. На суде всех пятерых признали вменяемыми. Они просили о снисхождении, но Майло приговорили к расстрелу, а его сообщников — к пожизненному заключению в изолированной колонии

на острове. Он был расстрелян во дворе тюрьмы; дожидаясь казни, несколько раз падал в обморок. Изъятые у преступников деньги Президент перечислил на борьбу с эпидемией и лечение тяжелобольных детей по всей Солнечной системе.

Лучьян выступил по радио и телевидению с речью о политиках, распределённых Правительством на разные планеты, злоупотреблявших своей властью, присваивавших средства, выделенные на нужды народов, не заботившихся о людях и самовольно повышавших налоги. Он пообещал, что будет вести борьбу с этими «паразитирующими особями». И вскоре издал указ о чистке их на Сатурне, Юпитере, Уране и Нептуне, где выявились такие преступления. Отправленные им служащие проверяли деятельность каждого политика и чиновника. Хотя многие уличённые в мошенничестве пытались откупиться и бежать, почти всех за короткое время арестовали.

Большинство должностных лиц возмутилось такой политикой, стало во всеуслышание говорить, что не нужен им Президент, который не доверяет своим подчинённым. Купленные ими СМИ поливали его грязью, обвиняя его во всех смертных грехах. Их подданные собирали демонстрации на улицах городов: некоторые поверившие в клевету жители шли с плакатами, призывавшими свергнуть Лучьяна с поста. Недовольных чисткой было много на всех планетах, особенно на Сатурне, появились они и в самом Правительстве. Президент заметил, что приближённые почти перестали с ним общаться, словно боялись его.

Однажды, уже засыпая в своей кровати, он почувствовал себя нехорошо и вышел к доктору Рубруму в соседнюю комнату, чтобы измерить давление. И тут в его комнате раздался взрыв, стена покосилась, посыпалась штукатурка... Когда охрана и полиция проникли в спальню Лучьяна, там было всё перевернуто и искорёжено, а кровать просто разнесло в щепки... Он понял, что на него уже всерьёз начали охотиться. Во дворце проводилась починка системы видеонаблюдения, камеры на время выключили, и поэтому виновников покушения не выявили. Виникуляр приказал полиции тщательно осмотреть каждое помещение во дворце. Лучьян на время ремонта переехал в комнату к сыну.

В другой раз во время заседания Правительства Президент отлучился в другой кабинет, чтобы принять делегацию с Нептуна, тоже участников переговоров, и, едва он покинул своё место, зал потряс страшный взрыв... Стулья и столы опрокинуло и поломало взрывом, члены Правительства серьёзно пострадали, Аурелио и Ризос погибли на месте, Калидос скончался по прибытии

в больницу. Бомба, небольшая по размеру, но очень мощная, была закреплена между столами рядом с местом Лучьяна. На короткое время неизвестные уже без разрешения выключили все камеры видеонаблюдения во дворце, тогда-то в зал и принесли взрывчатку... Виновников этой трагедии также не смогли найти.

Лучьян перестал спокойно спать и ходил по дворцу, всё время оглядываясь — ему казалось, что за ним следят из-за каждого угла, намереваясь убить... Так оно, в общем, и было. Однажды, когда они с сыном шли по улице, Виникуляр заметил красный луч от лазера на спине у отца и тут же затолкал его в ближайшее здание.

— Тебя едва не убили, — сказал он. — Какой-то снайпер целился лазерным лучом. Нам надо срочно уезжать отсюда...

— Но ведь я Президент Солнечной системы, — возразил Лучьян. — На мне лежит такая ответственность... Как же могу бросить свой пост?

Они пришли во дворец, поужинали и легли спать. Потом их разбудили взволнованные Лион и его жена.

— Уезжайте срочно из дворца, — сказал Лион. — Правительство составило заговор и хочет убить тебя, Лучьян... Они уверены, что ты собираешься свергнуть с постов и наказать их тоже, так как за каждым водятся грехи...

Лучьян был потрясён и молчал.

— Уезжайте, иначе вам здесь не дадут жизни, даже если сейчас не убьют, — продолжал Лион. — Эти акулы, захватившие власть, деньги и оружие, на всё способны... Ты добрый и честный человек, Лучьян, я хочу, чтобы ты жил дальше, и поэтому предупреждаю тебя...

— Спасибо тебе, друг, — Лучьян обнял его. — Но как же вы с женой? Разве останетесь среди этих акул?

— Да, останемся... Скажем им, что вы улетели в другую звёздную систему, чтобы они не искали вас нигде здесь...

— Нет, вы полетите с нами. Мы отправляемся на Юпитер. Виникуляр, предупреди всех наших, чтобы приготовились к отбытию...

Не прошло и часа, как Лучьян, Виникуляр, Галлус, Рубрум и Пресидио, а также верные Президенту Лион, Магнус, Антонио и Холтус с семьями, выключив камеры видеонаблюдения,

тайно покинули дворец, взяли на стоянке корабль Виникуляра и вылетели на Юпитер.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ НА РОДИНЕ

По прибытии в Грайюнкм Лучьян, Виникуляр, Галлус и их слуги поселились в старой квартире Лучьяна, а остальные — в пустовавшем доме Лесмяна; до этого за жильём братьев присматривал Лев. Лучьян сказал сыну и внуку, что снова устроится преподавателем в Каллир-Каден, дал им учебник ганакорского языка и велел заниматься каждый день по несколько часов, обещая регулярно проверять и закреплять их знания устными разговорами.

— Вы умные, быстро всё освоите, — добавил он. — А потом Виникуляр сможет устроиться на работу, а Галлуса я буду готовить к поступлению в университет...

Его приняли на работу в Каллир-Каден с огромной радостью. Лучьян был живой легендой в Солнечной системе и за её пределами, на него смотрели как на великого героя. Он стал читать лекции по истории и археологии и заниматься научными исследованиями.

Некоторые из коллег застали те времена, когда Лучьян работал здесь до отбытия на Сатурн. Лев тоже преподавал в Каллир-Кадене, став почтенным седобородым профессором. У него были уже правнуки. Он рассказал прадеду, что брат Руслан недавно умер, а сестра Марта уже много лет живёт с семьёй на другом континенте.

Возвращаясь домой с работы, Лучьян заставлял сына и внука валяющимися на диванах за просмотром какой-нибудь комедии или шоу с Сатурна.

— Вы совсем не учите язык! — вздыхал он. — А ведь нам предстоит жить в этой стране...

— Мы учим! — оправдывались они. — Смотрим местные фильмы и уже всё понимаем.

Но Лучьян, видел, что сын и внук почти совсем не могут говорить по-ганакорски.

— Теперь я буду общаться с вами только на местном языке, — предупредил он. — Если не поймёте меня — это только ваша вина.

Пришлось им всерьёз взяться за ганакорский язык.

Узнав, что Лучьян вернулся на Юпитер, старый друг Зил пригласил его в гости к себе в Кириф, которому власти вернули прежнее название после свержения Президента. Виникуляр и Галлус поехали с ним. Они долго сидели дома у Зила, познакомились с его большим семейством, послушали рассказы двух друзей о былых временах. Потом гуляли по городу и видели на центральной площади памятник семье Президента из гранита: на скамье сидели мужчина и женщина, она держала на руках младенца, а по сторонам от них стояли два мальчика-близнеца.

Много лет прошло, а Лучьян словно наяву увидел перед собою родителей и братьев. Он захотел посетить могилу матери и отца близ побережья Южного океана и отправился туда вместе с сыном и внуком. Из-за сильного прилива останки многих похороненных там перенесли за гряду холмов, где им уже не угрожала стихия. После долгих поисков путники нашли захоронение Кристиана и Греты Смолозов. В последующие дни Лучьян перевёз туда останки брата Гельяна со старого кладбища Кирифа, которое уже начали сносить. И поставил своим родным хороший памятник с цоколем, гранитной плиткой, лавочкой и цветником.

Лучьян узнавал из газет и телевидения о дальнейшей судьбе Правительства Солнечной системы. У власти вновь оказались мошенники, много клеветы на бывшего Президента они распространили среди народа: и что тот «на самом деле» пытался бежать из Солнечной системы во время эпидемии и угрозы вторжения алгольцев, и что обчистил казну и смылся, свалив вину на подчинённых, и так далее. Простое население, конечно, не верило в это и по-прежнему было предано Лучьяну.

Правительство вновь преобразовали в Союз планет Солнечной системы, куда вошли политики, собиравшиеся свергнуть Президента, и выпущенные из колоний бывшие члены Союза и Правительства, отбывавшие наказание за злоупотребление властью и мошенничество. Они повысили старые налоги и ввели новые, им не было никакого дела до нужд народов Солнечной системы. И люди взбунтовались: в городах одно за другим вспыхивали восстания, политиков из верхушки отстреливали, стоило им только появиться на улице, и никакая охрана не спасала их. Союз набирал новых людей, но и тех уничтожали как клопов. Народы не могли больше терпеть насилия. И Союз вскоре распался.

После у Солнечной системы уже не было правителей. Годы президентства Лучьяна жители вспоминали как самое счастливое время,

когда всем жилось спокойно и комфортно, все чувствовали любовь и заботу правителя. Он так и не узнал, что случилось с большинством его подчинённых, живших на разных планетах...

— Народы любят тебя и доверяют тебе, — сказал ему как-то Виникуляр. — Ты можешь вернуться на пост Президента, если хочешь.

— Нет, хватит, — покачал головой Лучьян. — Это сплошная нервотрёпка. Устал я страшно... Сейчас хотя бы отдохнул немного, а раньше и на сон времени не было...

Но местные власти тоже не давали ему жить спокойно. Бывшие члены Союза и юпитерианские политики, пострадавшие от недавних чисток, обливали Лучьяна грязью в СМИ и сживали со света. Однажды его пытались застрелить с улицы, когда он находился во дворе Каллир-Кадена, но только ранили в руку. В другой раз на улице в него кинули бомбу, но она сработала не сразу, и Галлус быстро оттащил деда в сторону и, укрыв собою, был ранен осколком.

— Здесь тоже оставаться опасно, — сказал Виникуляр отцу дома. — Нам надо бежать в какое-нибудь другое место, где не будет твоих врагов. Лучше — на другую планету.

— Очень хочется мне полететь на Землю, — вздохнул Лучьян. — Люблю эту тихую, красивую планету... И там живёт мой брат... Но вы с Галлусом, наверное, хотите на Марс, к твоей матери?

— Конечно, я был очень рад повидаться с ней, — кивнул Виникуляр. — Но когда-то она выбрала другую семью. У них крепкое, дружное семейство, они живут своей жизнью. А мы будем жить своей. Я не против переселения на планету Земля. А ты, Галлус?

— Да, я тоже поддерживаю дедушку, — ответил тот. — Но мне нужно вам кое-что рассказать. Обещайте, что не будете сильно ругать...

Отец с дедом знали, что Галлус встречается с девушкой Радмилой, которая приехала из какого-то небольшого посёлка в Грайюнкм поступать в университет, не поступила и работала в кафе официанткой. Несколько раз она приходила к ним в гости, но большую часть времени влюблённые проводили у неё в общежитии. Из родных людей у девушки никого не было. Отец умер в её детские годы, а мать — не очень давно. И теперь Галлус сообщил, что она беременна от него.

— Радмила полетит с нами, — решил он.

— Какой же ты шустрый! — рассердился Виникуляр. — У нас жизнь висит на волоске, не о девчонках сейчас надо думать!

— Ладно, ничего страшного, — сказал Лучьян. — Если Радмила не против, то пусть летит с нами. Вырастим вашего малыша...

Перед отлётом на Землю они навестили бывших коллег и попрощались с ними. Лион освоил профессию писателя, сочинял сценарии для праздников, проводил увеселительные мероприятия. Антонио стал преподавателем военной кафедры Каллир-Кадена, Холтус — архитектором-градостроителем, а Магнус — инженером-конструктором. Рубрум устроился на работу терапевтом в медицинский пункт Каллир-Кадена, а Пресидио — туда же, в университет, охранником. Всем им очень нравилась теперешняя жизнь, спокойная и размеренная.

— Мы распространим слух, что ты улетел в другую звёздную систему, и тебя не будут больше преследовать, — сказали на прощание друзья Лучьяну.

— Спасибо вам за всё, — ответил он и по очереди обнял каждого. — Храни вас Бог...

Путники улетали на Землю на том же корабле Виникуляра. Лучьян очень тепло и душевно попрощался с преподавателями и учащимися Каллир-Кадена, не скрывая слёз. Потом уже, на стартовой площадке, они с Виникуляром, Галлусом и Радмилой обняли на прощание Льва и его огромное семейство. И двинулись к кораблю...

...Космос окутал их тёмной пеленой. Корабль, набирая скорость, удалялся от Юпитера.

— Смотрите, полярное сияние! — воскликнул Галлус, указывая в иллюминатор.

На северном полюсе гиганта вспыхивали голубые фейерверки, словно кто-то устроил там грандиозный праздник.

— Прощай, прощай, родная планета... — тихо сказал Лучьян, управлявший кораблём. — Спасибо, что кормила и грела, была надёжным прибежищем... Такой ты останешься в моей памяти... Мира и счастья твоим народам!

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>